

Возлюбленная

Томас Гарди

Возлюбленная
Томас Харди

Аннотация
Томас Гарди. Возлюбленная
Предисловие
Часть первая. Молодой человек двадцати лет
1. I. Появление вероятной Возлюбленной
1. II. Похоже, инкарнация состоялась
1. III. Условленная встреча
1. IV. Одинокий пешеход
1. V. Подопечная
1. VI. На грани
1. VII. Ее предыдущие воплощения
1. VIII. «Все слишком второпях и сгоряча»
1. IX. Знакомые объекты в отдалении
Часть вторая. Молодой человек сорока лет
2. I. Знакомый Фантом обретает плоть
2. II. Она приближается – и не разочаровывает
2. III. Она становится недосягаемым призраком
2. IV. Она пугает новым воплощением
2. V. Продолжение – следует
2. VI. Прошлое сквозит в настоящем
2. VII. Новизна вторгается в бытие
2. VIII. Ему противостоит его душа

2. IX. Соседство
2. X. Фантом на прежнем месте
2. XI. Фантом не желает перемещаться
2. XII. И явилась преграда
2. XIII. Она исчезает из виду
Часть третья. Молодой человек, которому перевалило за шестьдесят
3. I. Она возвращается
3. II. Дурные предчувствия насчет нового воплощения
3. III. Новое воплощение принуждает его к отказу
3. IV. Рывок к последней инкарнации
3. V. На пороге обладания
3. VI. Возлюбленная… да где же она?
3. VII. Старая обитель в новом аспекте
3. VIII. «Увы, увы тебе, седая тень, мужчиной бывшая!»

Аннотация

Скульптор Джоселин Пирстон с юности одержим извечным поиском недостижимого идеала – Фантома Возлюбленной, который, меняя обличья, вскружит ему голову лишь на миг, а затем безжалостно покидает, оставляя в душе пустоту и страдание. Его жизнь – череда страстных увлечений: когда-то он просил руки нежной Эвис, затем страстно полюбил своенравную Марсию, позднее влюбился в обворожительную вдову Николу и, наконец, пленился юной Энн. Каждая из них становилась для него временным пристанищем идеала, но ни одна не смогла подарить настоящего счастья.

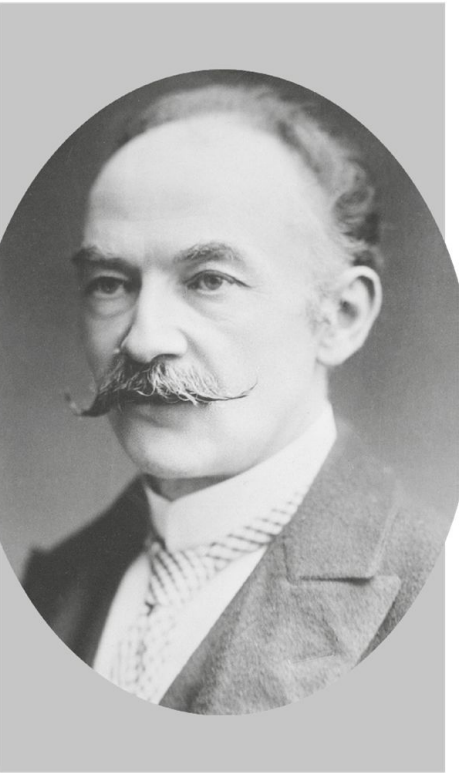
На фоне творческих взлетов и триумфов в искусстве проходит череда личных разочарований и тяжелых утрат. Только с годами, пережив новые встречи, жизненные испытания и расставшись с иллюзиями и своими творениями, Джоселин находит покой и простое человеческое утешение. Его долгий путь – это история поиска смысла, борьбы с собственными демонами и обретения тихого

счастья в смирении и заботе о других.

Этот роман – глубокое размышление о природе любви, творческого призвания и цене мечты, за которую приходится дорого заплатить.

Томас Гарди (1840—1928) – английский писатель, для которого характерно определение, выражающее главное призвание литературы: изображать природную и духовную сущность человека. Многогранность проявлений этой человеческой сущности в книгах Томаса Харди такова, что одни воспринимают его произведения как «шедевры любовного романа», а другие – как памфлеты против сословного неравенства. Известно, что епископ англиканской церкви устроил публичное сожжение одной из его книг, как нарушающей моральное кредо общества, в то время как Максим Горький поставил Гарди в один ряд с Бальзаком, Золя и Мопассаном.

Томас Гарди
Возлюбленная



Thomas Hardy
The Well-Beloved: A Sketch of a Temperament
© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Предисловие

Полуостров[1], на котором разворачивается большая часть сцен, предлагаемых читателю, само Время выточило из каменного монолита; многие века здесь обитает народ занятный и самобытный, со своими особыми верованиями и обычаями, кои не сохранились в других частях Британии. Фантазии, похоже, взрастают здесь столь же естественно, сколь и кустарники с рыхлой древесиной: они не терпят климата внутренней части страны, где зимы пусть и почти безветренны, зато морозны, но прекрасно выдерживают самые жестокие штормовые ветра. Подобно им, ветвятся здесь и фантазии — главным образом у тех обитателей полуострова, которые не имеют отношения к тяжкому ремеслу, коим исстари кормятся местные жители. Таким образом, полуостров (больше известный как «остров») есть место, способное сформировать тип личности, весьма сумбурно описанный

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду Портленд, известняковый полуостров (6 км в длину, 2,4 в ширину), связанный с южным побережьем Англии узкой галечной косой. Административно относится к графству Дорсет. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

на сих страницах. Речь идет о некоей квинтэссенции местного характера. Не исключено, что кто-нибудь из читателей окрестит нашего героя фантазером (если, конечно, вообще почтит вниманием); прочие, пожалуй, увидят в нем всего лишь человека, который обеспечил предметную непрерывность, а заодно и название хрупкой мечте, каковую мечту, осознанно ли, нет ли, лелеет каждый человек, и каковая мечта, уж во всяком случае, нова для последователей Платона.

«Остров» представляет собой скалистый выступ на южном побережье Англии — этакий клюв, впившийся в Английский канал и столь далеко выдающийся в море, что прикосновения Гольфстрима умягчают здешний воздух до самого февраля. Тем, кто здесь бывал, удивительно, почему поэты и художники весьма редко ищут вдохновения в этих краях — могли бы, кажется, проводить на «острове» месяц-другой, предпочтительнее, конечно, в бурное межсезонье. Говоря по справедливости, один уголок «острова» действительно облюбован (в ущерб родным местам) недюжинными дарованиями из дальних краев; но их присутствие трудно обнаружить. А впрочем, оно и к лучшему, что люди искусства здесь не появляются, не то коттеджики, выстроенные

из цельного камня веке этак в шестнадцатом, а то и ранее, коттеджики со средниками[2] в окнах, с парапетными плитами и ступенчатыми щипцами[3] уже не продавались бы за пару сотен фунтов. О подобных сделках можно было бы забыть, а между тем, по древней «островной» традиции, они совершаются в приходской церкви, перед всей паствой; по крайней мере, совершались еще совсем недавно.

Что до самой истории, пожалуй, нелишне будет заметить: отличаясь от всех или большинства историй, где притязания героя лежат хоть в сфере идеала, хоть в сфере материальных благ, и будучи целиком и полностью вымышленной, она выстроена так, чтобы последовательность событий служила заявленной цели.

Впервые этот текст вышел отдельной книжкой в 1897 году; прежде он печатался частями в журнале в 1892 году и имел название «Погоня за Возлюбленной». Для настоящего, окончательного варианта романа отдельные главы были

[2] Примечания: 2

Средник, или горбылёк, — деталь, разделяющая остекление оконного переплета на части (обычно квадратики или ромбики). С появлением листового стекла перешел в разряд декоративных элементов.

[3] Примечания: 3

Щипец — верхняя часть фасадной стены, ограниченная двумя скатами крыши, но, в отличие от фронтона, не имеющая карниза.

переписаны.

Т. Г. Август 1912 г.

Часть первая
Молодой человек двадцати лет

Все ясно:
Вот Она – та, для чьего чела
Венок моих обетов был сплетен;
Она, которая смела
Настолько, чтоб звенеть
Со строками моими в унисон;
И поискам моим, моим скитаньям – баста! [4]

Ричард Крэшо

---

[4] Примечания: 4

Здесь и далее, если не указано иное, стихи даются в переводе Ю. Фокиной.

1. I
Появление вероятной Возлюбленной

По дороге, что круто забирала вверх, шагал человек, который изрядно отличался от местных жителей. Дорога прорезала насквозь селение Стрит-ов-Вэллз, стиснутое между морскими водами, и являлась этаким мостом на сей Уэссекский [5]Гибралтар — полуостров, некогда бывший островом. Так и по сей день именуют эту часть суши, сходную с птичьей головой, что вклинилась в Английский канал. С большой землей «остров» связан длинным и узким каменистым перешейком — полоской гальки, «намытой морем штормовым»[6]: ничего подобного не сыскать во всей Европе.

Путник был тем, кем и казался — а именно молодым человеком, пожившим как в Лондоне, так и в крупных городах Континента. В настоя-

---

[5] Примечания: 5

Уэссекс — вымышленное название, под которым Т. Гарди зашифровал южные графства Британии — Дорсет, Уилшир, Сомерсет, Девон, Хэмпшир, отчасти Беркшир и Оксфордшир. Оба полуострова, Гибралтар и Портленд, вытянуты строго на юг — отсюда и аналогия.

[6] Примечания: 6

Цитата из путевых заметок английского поэта и историка Джона Леланда (1503–1552).

щий момент никто не заметил бы, что городской лоск для него все равно что плащ или сюртук. С чувством, которое сродни угрызениям совести, путник вспомнил: целых три года и восемь месяцев пролетели с тех пор, как он навещал отца на этом скалистом, родном ему острове. За это время он успел повращаться среди людей различных сословий и нравов и сменить две-три страны.

Пока он сам был одним из «островитян», здешний уклад жизни и особенности ландшафта не удивляли его; но теперь юноша был вооружен новыми впечатлениями, и «остров» более чем когда-либо оправдывал в его глазах свое древнее название — Виндилия; а также Логово пращников. Скала, нависшая над морем; террасированное расположение коттеджей, когда порог одного соседа находится непосредственно за дымоходом другого; садики прямо над обрывом, овощи, выращиваемые на практически вертикальных участочках, а главное, полное впечатление, что сей кусок известняка в четыре мили длиной есть монолит — вот чему теперь, после перерыва, изумлялся юноша, вот что казалось ему явлением из ряда вон выходящим. Солнце щедро обдавало лучами скальные бока, сиречь «умерших циклов

скорбные руины»[7], чья слоистость обусловливается нескончаемой работой моря и ветров над минералом под названием оолит. Белизна этих скал, особенно на контрасте с темной морской водой, слепила глаза и будоражила воображение не менее сильно, чем любое из зрелищ, свидетелем коему успел побывать наш юный путник.

Наконец тяжелый подъем был преодолен, и вершина достигнута. Юноша зашагал по плато в восточном направлении, туда, где находился городишко. Время приближалось к двум пополудни, стоял июль; дорога тонула в пыли, и юноша, немного не дойдя до отчего дома, присел передохнуть на самом солнцепеке.

Его вытянутая рука коснулась скалы и ощутила тепло, то есть, как бы измерила персональную температуру «острова», характерную для него во время послеобеденного сна, в коем он и пребывал. Юноша напряг слух; до него донеслось «вирр-вирр» и «вззз-вззз-вззз». Эти звуки, производимые каменотесами, считались храпом «острова».

Напротив валуна, у которого юноша устроил привал, находился просторный коттедж, или, скорее, усадьба. Подобно всему «острову», он

---

[7] Примечания: 7

Цитата из поэмы П.Б. Шелли «Освобожденный Прометей» дана в переводе К. Бальмонта.

состоял исключительно из камня — каменными были не только стены, но и оконные рамы, крыша, дымоходы, изгородь, приступка при ней, хлев и конюшня — все, кроме двери.

Юноша вспомнил, что за семья здесь жила — а может, живет и поныне; фамилия их Каро, точнее, «Каро с чалой кобылой», как их прозвали, чтобы отличать эту ветвь от прочих на мощном древе рода Каро, ведь на «острове» обитало с полдюжины семей с такой фамилией, да еще и имена повторялись. Юноша пересек дорогу и заглянул в открытую дверь. Так и есть: они, те самые.

Миссис Каро увидала его в окошко и вышла навстречу, и между ними имел место целый приветственный ритуал. А через секунду распахнулась внутренняя дверь, и из задней комнаты вприпрыжку выбежала девушка лет семнадцати-восемнадцати.

— Ой, да ведь это милый Джос! — воскликнула она, исполненная восторга. И, подскочив к молодому человеку, подарила ему звонкий поцелуй.

Это было очень мило, учитывая, что дарительница обладала парой восхитительно ярких карих глаз и целым каскадом каштановых локонов. Однако ее поступок оказался столь внезапным, столь неожиданным для того, на ком еще не по-

тускнел столичный лоск, что адресат вздрогнул, сам того не желая, и, хоть и поцеловал девушку в ответ, но сделал это после некоторой заминки. Весьма натянуто прозвучала и его фраза:

— Здравствуй, милашечка Эвис; давно не виделись.

Первые несколько мгновений девушка, в своей невинной импульсивности, едва ли сознавала, какой эффект произвела; зато ошеломленность гостя не укрылась от миссис Каро. Мучительно покраснев, она обратилась к дочери:

— Эвис, дочь моя! Что же это ты такое творишь? Разве ты забыла, что с тех пор, как Джоселин — то есть, мистер Пирстон — покинул наши места, ты успела стать взрослой девицей, и поведение, допустимое три-четыре года назад, теперь тебе совсем не подобает?

Неловкость не загладили даже уверения Пирстона в том, что он не удивлен и что, в его представлении, Эвис и следовало хранить обычай детских лет; далее, все трое чуть поговорили на общие темы. Пирстон терзался досадой: надо же было ему вздрогнуть и выдать себя! На прощание он повторил: если, мол, Эвис будет относиться к нему не так, как раньше, он ей этого не простит; но, хоть они и расстались по-дружески, девушка

не могла скрыть огорчения. Джоселин вышел на дорогу и двинулся к отчему дому. Мать с дочерью остались одни.

— Ох и стыдно мне за тебя, дитя мое! — с чувством произнесла миссис Каро. — Молодой человек пожил в Лондоне и в заграничных городах; он теперь привыкший к чинному обращенью. Поди, с такими дамами дело имел, которые улыбнуться от сердца — и то вульгарным почитают. Как тебя только угораздило, Эвис?

— Я… я не подумала, что я теперь другая! — отвечала девушка, явно мучимая совестью. — Раньше я всегда его при встрече целовала, и он меня тоже…

— С тех пор минуло несколько лет, дитя мое!

— Конечно, только я на секундочку забыла! Он ведь с виду совсем такой же, как до отъезда.

— Что ж, сделанного не воротишь. Смотри же, вперед будь благоразумней. Бьюсь об заклад, он знавал многих молодых женщин, а о тебе подумать ему было недосуг. Говорят, он выучился на скульптора; большое будущее ему прочат.

— А я такого натворила! — простонала девушка. — И ничего теперь не поправишь!

Между тем Джоселин Пирстон, скульптор, чьей славе еще только предстояло расцвести, прибли-

жался к дому отца, человека, чуждого искусству, занятого ремеслом и коммерцией, которого, тем не менее, Джоселин хотел просить о годовом содержании, пока известность не пришла. Однако отца дома не оказалось, ведь он не получил известия о приезде сына. Джоселин побродил по комнатам, обозрел участок общинной земли, где вечные пилы елозили по вечным каменным глыбам — Джоселину показалось, что в его прошлый приезд то были те же самые пилы и те же самые глыбы — и вышел через заднюю дверь в садик.

Как и все садики на «острове», пирстоновский сад окружала стена, сложенная из щебня без применения связующего вещества; неправильный по форме, садик в своей дальней оконечности представлял собой острый угол и граничил с садиком семьи Каро. Не успел Джоселин дойти до общего участка изгороди, как расслышал по другую ее сторону всхлипы и причитания. Голос он узнал моментально; казалось, Эвис плачется подружке, столь же юной и наивной.

— Ох, что же мне делать? Что мне теперь делать? — с горечью повторяла она. — Какая дерзость с моей стороны; какой позор! И как мне только это в голову взбрело? Он никогда меня не простит; никогда, никогда не полюбит меня! Бес-

стыжей будет считать — а я… я правда забыла, что стала взрослой. Да только он в это не поверит!

Интонации выдавали существо, которое впервые осознало свою женственность, но не как дар, а как нечто нежеланное, внушающее стыд и страх.

— Так он что же, рассердился? — спросила подружка.

— Рассердился? О нет! Хуже! Он стал холоден и высокомерен. И он теперь так отличается от наших, с «острова»; настоящий столичный житель. Ах, что проку говорить об этом. Лучше бы я умерла!

Пирстон ретировался так быстро, как мог. Он сожалел об инциденте, который принес столько страданий невинной душе; и в то же время инцидент уже становился для Пирстона источником смутного блаженства. Он вернулся в дом, а вскоре пришел и отец, и состоялась теплая встреча, и был съеден ужин, после коего Джоселин вновь покинул дом, полный искреннего желания унять печаль юной соседки, причем способом самым для нее неожиданным. Да, он относился к Эвис в большей степени как друг, нежели как воздыхатель; но он был совершенно уверен: непостоянный, неуловимый идеал, кото-

рый он называл своей Возлюбленной и который, с самого Пирстонова отрочества, уже множество раз перепархивал из одной бренной оболочки в другую, — этот идеал вздумал обосноваться в теле Эвис Каро.

1. II
Похоже, инкарнация состоялась

Непросто было снова встретить Эвис, даром что на этой скале трудность состоит, как правило, в том, чтобы избегать человека, нежели в том, чтобы с ним столкнуться. Однако неловкость первой, окрашенной импульсивностью, встречи совершенно изменила девушку, и Джоселин, несмотря на близкое соседство и свои старания, никак не мог пересечься с нею. Стоило ему хоть на дюйм ступить за порог отцовского дома, как Эвис исчезала в своей комнате с той же быстротой, с какой исчезает в норе лисица.

В конце концов, Джоселин, жаждавший успокоить Эвис, потерял терпение. На «острове» не приветствовались всякие там церемонии; обычаи «островитян», даже зажиточных, тяготели к прямоте, если не к первобытности. И вот однажды, заметив, как Эвис юркнула в дом, Джоселин последовал за ней. Она успела взлететь вверх по лестнице, и Джоселин позвал ее снизу:

— Эвис!

— Да, мистер Пирстон?

— Почему это ты так проворно убежала?

— Я… мне нужно взять кое-что в моей комнате.

— Ладно, когда возьмешь свое кое-что, спустись, сделай одолжение.

— Нет, не могу.

— Прошу тебя, МИЛАЯ Эвис. Ты ведь знаешь, что ты мне МИЛА?

Ответа не последовало.

— Что ж, нет так нет! — продолжал Пирстон. — Не стану беспокоить тебя.

С тем он ушел.

Он разглядывал цветы под сенью изгороди (те, что ныне уже не выращивают), когда позади него раздалось:

— Мистер Пирстон, я не сержусь на вас. Когда вы ушли, я подумала, что вы подумаете, будто я сержусь, и решила, что должна спуститься и уверить вас в моих дружеских чувствах.

Пирстон обернулся. За его спиной, пунцовая от смущения, стояла Эвис.

— Ах ты моя хорошая! — воскликнул Пирстон, стиснул ее ладонь и приложился к щечке, наконец-то достойно отвечая на злополучный поцелуй первой встречи. — Дорогая Эвис, прости мне мою холодность! Скажи, что прощаешь. Ну пожалуйста! А я тогда скажу тебе то, чего не

слышала от меня ни одна женщина — ни ныне здравствующая, ни отошедшая в мир иной. «Ты выйдешь за меня замуж, Эвис?» — вот что я тебе скажу.

— А матушка говорит, что я для вас одна из многих!

— Это не так, милая. Ты знала меня мальчишкой, а другие не знали.

Так или иначе, сомнения Эвис были сметены, и, хотя она не дала ответа, зато согласилась встретиться с Пирстоном после полудня. Они направились к южной оконечности «острова», именуемой Мыском (приезжие, правда, употребляли слово «Клюв»), и задержались над промоиной в скале, известной как Дыра: морские волны бесновались и ревели здесь совершенно как в то время, когда Пирстон и Эвис были детьми. Пирстон протянул Эвис руку для опоры, и она взяла ее — впервые как женщина, в сотый раз как подруга детских игр.

Далее их путь лежал к маяку; там они побыли бы подольше, не вспомни Эвис, что нынче вечером должна декламировать стихотворение со сцены в Стрит-ов-Вэллз, своеобразных вратах «острова»; сейчас это селение уже доросло до статуса городка.

— Декламировать стихи! — протянул Джоселин. — Никогда бы не подумал, что кто-то или что-то в этих краях способно на декламацию — кроме, разумеется, неумолчного моря.

— А мы вот интеллектуально растем, — возразила Эвис. — Особенно зимой. Только, Джоселин, не приходи на представление, ладно? А то я засмущаюсь и собьюсь, а мне хочется быть не хуже других.

— Хорошо, не приду, если тебе так лучше. Но я буду ждать тебя у дверей и провожу домой.

— О да! — воскликнула Эвис, прямо взглянув ему в лицо.

Она была теперь совершенно счастлива; она и мечтать не могла в тот унизительный день появления Пирстона, что ей уготовано такое счастье с ним. Добравшись до восточного берега, они расстались, ведь Эвис предстояло вскоре занять место на сцене. Пирстон пошел домой, а с наступлением темноты, когда уже близилось время встречать Эвис, он ступил на главный тракт и направился к Стрит-ов-Вэллз.

Однако на душе у него было неспокойно. Он так хорошо и так давно знал Эвис Каро, что чувствовал к ней скорее дружбу, нежели любовь; сказанное сегодня утром под влиянием

импульса страшило Джоселина вероятными последствиями. Нет, не того он боялся, что одна (или несколько) утонченных и изысканных женщин из длинной вереницы — женщин, по отношению к которым он последовательно вспыхивал и остывал — вдруг встанет между ним и Эвис. Просто Джоселин практически убедил себя в том, что Возлюбленная из его фантазий есть неотъемлемая часть личности, избранной ею для пребывания — длительного ли, краткого ли.

* * *

Возлюбленной этой Джоселин хранил непоколебимую верность; правда, сама Возлюбленная уже успела сменить телесную оболочку, причем не раз и не два. Каждое ее воплощение, зовись оно Люси, Джейн, Флорой, Еванджелиной или еще как-нибудь, служило Возлюбленной только временным пристанищем. Не извинение и не оправдание видел в данном феномене Джоселин, но лишь простой факт. По сути, Возлюбленная вовсе не имела отношения к миру материального; дух, мечта, безумие, идея, аромат, олицетворенная женственность; сиянье глаз, приоткрывшиеся уста… Один Бог знал, что Она такое; Пирстон об этом понятия не имел. Описа-

нию Она не поддавалась.

Воспринимая почти как должное то обстоятельство, что Возлюбленная есть субъективный феномен, чьи воплощения обусловлены своеобразием родного ему «острова», Пирстон, однако, регулярно трепетал. Это случалось, когда Возлюбленная являла свою призрачную сущность, нарушая законы природы и демонстрируя тем самым независимость от оных. Никогда нельзя было предугадать, где ждет его Возлюбленная и куда заведет — ведь Она могла воплотиться в женщину любого сословия, и не было такой сферы, куда Она не имела бы мгновенного доступа. Иногда по ночам Пирстон визуализировал Ее как «Зевса дочь, искусную в хитрых ковах»[8], посланную терзать его за то, что он как художник не передал в должной мере Ее прелесть в камне — а это есть грех. Иными словами, Пирстон думал о Ней как о неумолимой Афродите. Он уже привык к тому, что влюбляется в Нее, под какой бы маской Она ни скрывалась. Ни цвет глаз, ни комплекция тут не имели значения: Возлюбленная могла иметь синие, черные, карие глаза, быть статной, субтильной или пухленькой. Правда, те-

[8] Примечания: 8

Строка из «Оды к Афродите» древнегреческой поэтессы Сапфо дана в переводе В. Вересаева.

лесных раздвоений с Ней не случалось; но до сей поры Она никогда и не задерживалась надолго в одной оболочке.

Усвоив сию данность незадолго до описываемых событий, Пирстон избавил себя от мучительных угрызений совести. Увлекался ведь он всегда одной и той же особой; Она вела его, словно бы привязанного за шелковую нить — и не его вина, что пока Ей не было угодно довольствоваться одной бренной обителью. Ну а будет ли когда-нибудь, изберет ли Она себе тело для постоянного поселения — этого Пирстон не ведал.

Если бы он почувствовал, что Возлюбленная угомонилась, он постарался бы поверить, что тело Эвис есть конечный пункт Ее скитаний, и был бы рад сдержать свое слово. Но видел ли он Возлюбленную в Эвис Каро? Уверенности у него не было.

Он добрался до вершины холма и начал спуск к Стрит-ов-Вэллз. Длинная и прямая Римская улица привела его к освещенному павильону. Поэтический вечер был в разгаре. Пирстон обошел павильон кругом, обнаружил пригорок, на котором и обосновался, ведь отсюда открывалась вся сцена. Первый выступающий как раз завершил чтение, и настала очередь Эвис. При

виде зрителей бедняжка столь очаровательно смутилась, что Пирстон отмел почти все сомнения. Поистине, Эвис Каро соответствовала определению «милая девушка»: помимо внешней привлекательности, в ней была «хорошесть»; в супружестве с такой особой матримониальные риски стремятся к нулю. Умные глаза, высокий лоб, полная достоинства осанка и жесты — все свидетельствовало, что Пирстону еще не встречалась более очаровательная, прямодушная, порядочная девица. Причем он не навоображал себе ее достоинства — он знал Эвис Каро давно и досконально, наблюдал проявления ее нрава в самых разных обстоятельствах.

Мимо павильона прогрохотал фургон, на время поглотив нежный голосок девушки; впрочем, публика была снисходительна, и от аплодисментов щечки Эвис порозовели. Пирстон теперь караулил у главного входа; когда схлынула основная масса зрителей, он обнаружил, что Эвис не двигается с места, ибо ждет его.

Медленно брели они по Старому тракту домой. На крутом склоне Пирстон пошел первым, цепляясь за поручень в отвесной скале и ведя Эвис за руку. Достигнув высшей точки, они повернулись к морю и замерли. Слева от них, вдали, был

маяк; его лучи изобразили на темном небосклоне подобие гигантского веера. А прямо перед ними, у них под ногами, каждые четверть минуты раздавался глухой звук — будто ударяли в барабан; интервалы между ударами были заполнены нарастающим скрежетом, будто дробились кости в челюстях чудовищного пса. Грохот доносился с галечной косы, этой естественной дамбы между морем и Мертвячьим заливом.

По убеждению Пирстона, здесь, на «острове», вечерние и ночные ветра задували не просто так, а со смыслом. От зловещего Мертвячьего залива несли они к западу некий посыл, и Пирстон с Эвис будто бы подслушали его. То были слитые воедино сущности — души поглощенных морем. Одни утонули, направляя свои суда в захватнический поход, другие стремились в Ост-Индию; пассажиры баржей и бригов, экипажи судов Непобедимой Армады; выдающиеся флотоводцы и путешественники, обычные люди и законченные негодяи; персонажи с диаметрально противоположными целями и упованиями — на дне вечно мятежного моря все теперь были равны. Пирстон и Эвис показалось, что этот призрачный сгусток на лету коснулся их щек, промчавшись над «островом»; они почти различили пронзи-

тельную мольбу к некоему божеству: смилуйся, раздели нас!

Молодые люди в тот вечер долго бродили по «острову»; они даже спустились к руинам старой церкви, что разрушилась много лет назад в результате оползня. Тем самым природа как бы намекала: «остров» — последняя цитадель для языческих божеств, связанные с ними обычаи здесь живехоньки, а христианство если и закрепляется, то ненадолго. В этом-то мрачном ущелье Пирстон и поцеловал Эвис.

Поцелуй ни в коей мере не был инициирован девушкой, ибо недавняя импульсивность словно бы усугубила теперешнюю сдержанность.

* * *

Этот день положил начало приятнейшему месяцу, в течение которого молодые были, можно сказать, неразлучны. Пирстон обнаружил, что Эвис способна не только декламировать стихи среди местных интеллектуалов, но еще и прекрасно играет на пианино и поет под собственный аккомпанемент.

Чем дальше, тем яснее становилось Пирстону, что люди, которые воспитывали Эвис, главной и единственной целью ставили себе макси-

мально удалить ее от самобытности «острова», формирующего натуры нестандартные и чуждые жеманства. Эвис предстояло совершенно уподобиться десяткам тысяч девиц, чья жизнь и окружение не отличаются ни особой специфичностью, ни колоритом. Ее усиленно заставляли перечеркнуть опыт предков; «островные» баллады ей следовало выкинуть из головы в пользу легковесных песенок, ноты которых приобретаются в модных музыкальных магазинах Бедмута; речь, пересыпанная яркими диалектизмами, должна была уступить место шаблонным, бесцветным фразам, какими гувернантки пичкают своих питомиц. Дом, в котором жила Эвис, дал бы пищу художнику едва ли не до завершения карьеры — а между тем ее саму учили изображать лондонские пригороды, срисовывая их с эстампов.

Эвис все это понимала и прежде, до Пирстоновых объяснений; но, по-девичьи уступчивая, соглашалась играть по навязанным правилам. Будучи «островитянкой» до мозга костей, она не могла уклониться от веяний века.

Приближался срок, когда Джоселин должен был уехать; Эвис ждала этого дня с грустью, но без тревоги, ведь их помолвка была уже делом

решенным. Пирстон подумывал закрепить союз по местному обычаю, ибо так веками поступали что его предки, что предки его невесты — оба семейства были на «острове» старожилами. Правда, наплыв «кимберлинов» — этим словом «островитяне» называют чужаков с «большой земли», то бишь из Уэссекса, — немало способствовал тому, что обычай этот все чаще игнорируют. Однако под внешним лоском образования, полученного Эвис Каро, дремало еще изрядное количество старинных понятий, вот Пирстон и задавался вопросом: а не примешивается ли к естественной печали его невесты еще и досада, что ветром перемен унесено, в числе прочего, официальное оглашение помолвки, обязательное для отцов и дедов?

1. III
Условленная встреча

— Ну вот, — заговорил Джоселин, — мой отпуск и закончился. Какой, однако, приятный сюрприз оказался припасен для меня в родных краях, куда я три, если не все четыре года, не заглядывал, уверенный, что ничего особенного здесь не обнаружу!

— Ты уезжаешь завтра? — уточнила Эвис, и голос ее дрогнул.

— Да.

Что-то тяготило их обоих, некое чувство тревожнее и глубже естественной печали перед недолгим расставанием; вот почему Джоселин передумал ехать в дневное время, а решил дотянуть до вечера и отбыть почтовым поездом из Бедмута. Тогда, прикидывал он, у него еще будет время заглянуть в отцовскую каменоломню, а пожалуй, получится даже уговорить Эвис, чтобы проводила его до замка Генриха Восьмого, который высится над дюнами — там они побыли бы наедине, встретили бы восход луны над морем… Эвис вроде согласилась.

Итак, назавтра, проведя почти целый день с отцом в каменоломне, Джоселин уложил вещи и в назначенное время покинул родной дом (выстроенный из камней родного каменистого острова). Вдоль береговой линии двинулся он пешком к Бедмут-Реджис. Эвис вышла немного раньше — ей хотелось повидать подруг в Стрит-ов-Вэллз, а деревня эта лежала как раз на полпути к месту прощального свидания. Очень скоро Джоселин был уже на галечном пляже; оставив позади последние коттеджики заодно с развалинами деревни, уничтоженной штормом в ноябре 1824 года, он продолжил путь по узкой полоске суши между морем и бухтой. Пройдя сто ярдов, он остановился, развернулся лицом к галечным намывам, которые как бы сдерживали море, уселся и стал ждать Эвис.

Мимо него, освещаемые огнями судов, стоявших на рейде, не торопясь прошли два человека; они направлялись туда же, куда и сам Джоселин. Один из путников узнал его, поздоровался с почтением и добавил:

— Многих вам радостей, сэр, с вашей избранницей; мы чаем, скоро свадебке-то быть!

— Благодарю, Сиборн. А насчет этого… мы повременим до Рождества.

— А знаете, что моя хозяйка нынче утречком сказала? «Дал бы Господь до свадьбы-то до этой дожить, я ведь обоих еще карапузами помню» — вот они самые ейные слова, хозяйки моей, то есть, сэр.

Путники двинулись дальше. Когда они удалились на достаточное расстояние, товарищ Сиборна спросил:

— Кто этот молодой кимберлин? Он ведь не из наших, верно?

— Неверно. Тутошний он, земляк наш. Единственный сын мистера Джоселина Пирстона, который в Ист-Куорриз живет да каменоломней владеет; а в жены выбрал уж такую милашечку да разумницу! Матерь-то ейная — вдова; хозяин, покойник, тоже каменоломню держал, а теперь вот она дело ведет, как умеет. Только доходы и на двадцатую долю от пирстоновских не тянут. Пирстон-старший, сказывают, тысячи зашибает, а живет, как искони жил — все в том же доме на пустоши. Зато сынок его в Лондоне этакие знатнецкие штуки выделывает — из камня фигуры точит, вон оно что! Помню, он еще мальчонкой солдатиков вырезывал, все, бывало, пропадал в отцовской каменоломне. Подрос — шахматы смастерил, цельный набор. Так и пошло. А в Лон-

доне, говорят, и вовсе джентльменом стал. Вот я и дивлюсь, что он в наши края вернулся да приглядел себе малютку Эвис Каро, хоть сама по себе она и преславная девчурочка… Эге-ге! А погода-то на перемену пошла.

Тем временем предмет обсуждения ждал свою нареченную. В семь вечера — условленный час — Джоселин заметил, что в его сторону от последнего деревенского фонаря движется вверх по склону некая фигура, и очень скоро узнал мальчишку из местных. Приблизившись, мальчик осведомился, не мистер ли Пирстон перед ним, и после утвердительного ответа вручил Джоселину записку.

1. IV
Одинокий пешеход

Сразу по уходе юного посланца Джоселин вернулся к фонарю и прочел написанное рукою Эвис:

«Бесценный мой, мне чрезвычайно жаль огорчать тебя, однако вот что я скажу насчет нашего свидания возле развалин Сэндзфута. Мне кажется, что тот факт, что в последнее время мы виделись с такой регулярностью, дает право твоему отцу настаивать (а тебя вынуждает покоряться) на соблюдении нами здешнего обычая для влюбленных пар; ведь сам знаешь, твои предки испокон веков жили в этих краях, рождались и умирали, не покидая нашего Острова. По правде говоря, моя матушка высказала мнение, будто твой отец, что для него естественно, уже намекал тебе на то, что мы должны соблюсти обычай. Но все во мне этому противится: обычай устарел, да и никогда не был мне по сердцу. Вдобавок, в

твоем случае, речь идет о собственности и капитале – вот почему я бы предпочла положиться на Провидение.

Я начала издалека, а вывод — вот он: по-моему, лучше мне не приходить сегодня и своим появлением рядом с тобой не давать никому повода для того, чтобы распространить на нас островной обычай. Достаточно того, что все решено между нами двоими.

Я уверена, что это решение не слишком тебя огорчит. Надеюсь, ты понимаешь, что я чувствую и мыслю в духе времени, и не осудишь меня. И вот еще что, милый: если это совершенно необходимо, а мы все-таки не уступим, нам будет очень сильно не по себе, как уж точно было бы нашим предкам и, вероятно, твоему отцу; нас будет глодать мысль, что мы не сможем пожениться честь честью.

В любом случае, ты ведь совсем скоро вернешься, не так ли, дорогой мой Джоселин? И тогда уже не за горами будет время, когда расставаться вовсе не придется.

Всегда и навеки твоя
ЭВИС»

Письмо немало удивило Джоселина своей

наивностью; Эвис с матушкой, оказывается, пребывали в простодушной уверенности, что на «острове» до сих пор свято чтут полузабытый, а в понимании Джоселина и прочих «островитян», поживших вдали от родных мест, так и вовсе варварский обычай. Отец его, конечно, как человек, сколотивший состояние, вполне может иметь упования практического свойства, так что предположения Эвис и ее матушки, пожалуй, и не беспочвенны; однако, пусть и человек старой закваски, отец ни слова не сказал в пользу пресловутого обычая.

Джоселин мысленно усмехнулся выражению «в духе времени», которое Эвис употребила в отношении своих чувств и мыслей; однако он был огорчен. Он даже ощущал укольчики раздражения на этот непредвиденный довод, из-за которого не смог побыть напоследок с Эвис. До чего, оказывается, живучи прежние понятия — нет-нет да и проглянут сквозь лоск образованности!

Здесь деликатно напомним читателю, что описываемые события произошли более сорока лет назад[9], даром что в многовековой истории

---

[9] Примечания: 9

Т. е. в середине XIX в. Роман «Возлюбленная» написан в 1892 г.

«острова» это и не срок.

* * *

Небеса хмурились, однако Джоселину претило возвращаться и нанимать экипаж; скорым шагом он продолжил путь в одиночестве. Местность была открытая, вечерний ветер налетал порывами, волны набегали и откатывались, сохраняя сложный ритмический рисунок, могущий быть расшифрованным и как громы сражения, и как осанна Господу Богу.

Вскоре на дороге, что белела в сумерках, возник силуэт — притом силуэт женский. И Джоселин вспомнил, что, пока он читал письмо Эвис, мимо него прошла некая дама.

Целый миг он тешился надеждой, что видит свою невесту, что она передумала. Однако это была не Эвис; незнакомка вообще принадлежала к совсем иному типажу. Она имела более высокий рост и более статную фигуру; вдобавок, совсем не по сезону — еще не кончилась осень — эта дама была облачена не то в меха, не то в тяжелый, теплый плащ.

Еще немного — и Джоселин поравнялся с нею, и уже мог коситься на ее профиль, четкий благодаря огням на рейде. Черты поражали, даже

потрясали благородной правильностью; словно сама Юнона предстала перед Джоселином. Никогда не встречал он лиц, столь приближенных к классическим скульптурным изображениям. Дама, хоть и шла, как свойственно женщинам, то есть покачивая бедрами, но шаг ее был энергичен и легок, и в течение нескольких минут скорость ее движения почти не отличалась от тех же показателей Джоселина; в эти-то минуты Джоселин ее и рассматривал, и строил догадки. Впрочем, он почти обогнал ее, когда она вдруг повернула голову и произнесла:

— Вы — мистер Пирстон из Ист-Куорриз, не так ли?

Он ответил утвердительно; он успел заметить, что лицо у незнакомки красивое, властное, царственное — под стать горделивым интонациям. Никогда еще не видывал Джоселин подобных женщин; вдобавок, местный акцент, хоть и наличествовал, был не столь неоспорим, как у Эвис Каро.

— Не скажете ли, который сейчас час? — продолжала дама.

Джоселин чиркнул спичкой, взглянул на наручные часы. «Четверть восьмого», — сказал он, сам же за краткое мгновение, пока горела спичка,

разглядел покраснение и припухлость век — будто его попутчица недавно плакала.

— Мистер Пирстон, заранее прошу прощения за просьбу, которая может показаться вам весьма странной. А именно: не одолжите ли вы мне денег на день-другой? Я совершила оплошность — оставила кошелек на туалетном столике.

И впрямь, странная просьба; однако в повадках и во всем облике молодой женщины было нечто, убеждавшее: она не мошенница. Джоселин запустил руку в карман, но вынимать медлил. Какую сумму имела в виду сия ожившая Юнона? Ее стать, ее манера держать себя мигом нашли в нем отклик, и он решил не мелочиться. Он уже чуял романтическое приключение. Он дал ей пять фунтов.

Королевский жест, однако, не удивил незнакомку; по крайней мере, она сохранила невозмутимость.

— Этого вполне достаточно, благодарю вас, — с достоинством произнесла она, когда Джоселин, опасаясь, что в темноте она не разглядит цифр на банкноте, назвал сумму вслух.

Пока он нагонял незнакомку, пока говорил с нею, успел подняться ветер. Джоселин лишь теперь заметил, что порывы переродились в

неумолчный рев, а рев — в скрежетание. Перемена погоды свершилась с внезапностью, характерной для «острова», и в итоге принесла то, что и обещала — дождь. Капли, которые поначалу били путникам в левые щеки, будто пульки из детского пугача, скоро приобрели характер залпового огня, притом сразу со всех сторон. Одна такая острая струя умудрилась проникнуть Джоселину в рукав. «Юнона» обернулась, явно озадаченная этой атакой — выходя из дому, она ничего подобного не предвидела.

— Нужно где-то укрыться, — произнес Джоселин.

— Да, но где же?

С наветренной стороны тянулся длинный пустынный пляж, причем наносы гальки никак не могли служить защитой, будучи недостаточно высоки; из-за них доносился скрежет, словно собака грызла кость. Справа лежала бухта; огни судов светили теперь совсем тускло, а то и вовсе гасли. Позади остался каменистый «остров»; на его наличие слабо намекали только две-три искры освещенных окошек под хмурым небом. Впереди Джоселин и «Юнона» не видели ничего подходящего. Ближайшим объектом, который мог сойти за укрытие, был шаткий деревянный

мост в миле от них. Еще большее расстояние отделяло путников от замка Генриха Восьмого.

Зато аккурат на взгорке, явно втащенная туда, чтобы быть вне досягаемости прибоя, лежала кверху днищем рыбачья лодка из тех, что «островитяне» зовут лерретами[10]. Идея пришла к молодым людям одновременно, и они бегом бросились к лодке, повинуясь импульсу. По всем признакам, леррет находился здесь уже давно; к облегчению Джоселина и его спутницы, выяснилось, что места под ним больше, и защиту он может предоставить куда лучшую, нежели казалось издали. Вероятно, под этим лерретом прятались от непогоды рыбаки; возможно, хранили под ним сети и прочее, ибо днище было хорошо просмолено. Нос леррета с подветренной стороны укреплялся подпорками; пробравшись под ним чуть ли не ползком, молодые люди обнаружили доски, вёсла, всякие деревяшки — и, ни больше ни меньше, невод, притом совершенно

[10] Примечания: 10

Леррет — тип гребной лодки, используемой у галечного пляжа в Дорсете. Поскольку намывы гальки в этих местах очень круты, подобные лодки делают с высокой стойкой кормы и плоским днищем. Леррет рассчитан на 2–4 пары гребцов и предназначен для ловли рыбы неводом; также удобен в качестве спасательной шлюпки. Само слово «lerret» представляет собой сокращение от «Lady of Loretto». Так, в честь святыни в итальянском городе Лоретто, назвал в XVII в. это судно его разработчик.

сухой. На него-то они и уселись, ведь стоять в полный рост было нельзя.

1. V
Подопечная

Дождь молотил с такой силой, что казалось, некий сеятель-великан целыми горстями мечет зерно в днище старого леретта. Тьма достигла максимальной густоты.

Путники сидели рядом, близко-близко друг к другу; меха молодой женщины словно бы дышали Джоселину на щеку. С тех самых пор, как он и незнакомка свернули с дороги, между ними не было сказано ни слова. Наконец, молодая женщина произнесла с наигранной беззаботностью:

— Ну что за невезенье!

Джоселин признал: да, и впрямь не повезло, а после еще пары реплик совершенно уверился: его попутчица плачет. Об ее тихих слезах свидетельствовали характерные судорожные, подавляемые вздохи.

— В вашем случае невезенья, пожалуй, больше, чем в моем, — сказал Джоселин, — о чем я весьма и весьма сожалею.

Молодая женщина ничего не ответила, и тогда он развил мысль: местность, мол, слишком дикая

для леди, которая идет пешком, да еще и в одиночку, и выразил надежду, что вовсе не серьезная надобность вынудила его спутницу покинуть дом в столь неблагоприятное время.

Поначалу она как будто не была расположена к откровенности, и Джоселину оставалось только строить предположения — кто она, как ее зовут, откуда она знает его самого. А дождь, между тем, ни намека не давал на то, что утихнет в обозримом будущем. И вот Джоселин произнес:

— Думаю, нам следует вернуться.

— Ни за что! — воскликнула молодая женщина, и Джоселин безошибочно уловил непоколебимость воли в этом емком и округлом «что».

— Почему же?

— У меня свои причины.

— Мне непонятно, откуда вы меня знаете — я-то ведь ни малейшего представления не имею о том, кто вы сама.

— Да нет же — имеете. Во всяком случае, вы наверняка слышали обо мне.

— Нет, не слышал. От кого мне было слышать? Вы ведь не из наших мест.

— Ошибаетесь. Я самая настоящая «островитянка»; по крайней мере, была таковой. Разве вам неизвестно о компании «Бест-Бед Стоун»?

— Еще как известно! Они пытались разорить моего отца, каменоломню у него отжать. В смысле, этим занимался основатель «Бест-Бед Стоун» — старик Бенком.

— Он мой отец!

— Вон оно что. Простите, мне не следовало говорить о нем столь непочтительно, тем более, что я с ним никогда не встречался лично. Насколько я знаю, он, запустив дело, удалился на покой и проживает в Лондоне?

— Верно. Наш дом — точнее, его дом, а не мой — находится в Южном Кенсингтоне. Мы прожили там несколько лет. А в этом году сняли на пару месяцев, пока хозяин в отлучке, особняк здесь, на «острове»; он называется «Замок Сильвания».

— Выходит, я жил с вами по соседству, мисс Бенком. Замечали вы сравнительно скромный дом неподалеку от замка? Он принадлежит моему отцу.

— Ваш отец мог бы, при желании, поселиться в куда более просторном жилище.

— Таковы слухи? Не знаю, не знаю. Со мной отец скуп на информацию о своем бизнесе.

— А вот мой отец, — перебила мисс Бенком, — вечно выговаривает мне за расточительность! Сегодня же он просто превзошел себя. Заявил, что

я оставляю в магазинах дьявольски огромные суммы, и урезал мое содержание.

— Это случилось вечером?

— Да. Разразился настоящий скандал, страсти так и бушевали, и я заперлась в своей комнате с мнимым намерением провести там весь вечер, а сама ускользнула. И возвращаться не намерена!

— У вас, верно, имеется план?

— Да. Для начала я наведаюсь к тетушке — она живет в Лондоне; если же тетушка не примет меня, найду работу. Я покинула отца навсегда, слышите? Не представляю, что бы делала, если бы не встретила вас; наверное, пешком бы шла до Лондона. Зато теперь сяду в поезд, как только доберусь до «большой земли».

— Если это вам удастся — в такой-то шторм.

— Значит, буду пережидать его здесь, под лереттом.

Так они и сидели на неводе. Пирстону было известно, что старик Бенком — злейший враг его отца, что он сколотил состояние, «проглотивши» все не столь крупные каменоломни, и только родитель Джоселина оказался «тяжеловат» для его пищеварительной системы. Иными словами, компания Пирстона-старшего теперь была главным конкурентом «Бест-Бед Компани».

Джоселин дивился прихотливости судьбы, что принудила его к роли юного представителя клана Монтекки, определив ему в партнерши сию дочь Капулетти.

Во мраке лодочного нутра и он сам, и мисс Бенком невольно, чисто инстинктивно перешли на шепот, а грохот прибоя заставил молодых людей придвинуться друг к другу еще ближе. И вот, покуда текли минуты, слагаясь в четверти часа, в их голосах сама собой родилась проникновенность, и они уже не чуяли времени. Было совсем поздно, когда мисс Бенком как бы очнулась, осознав двусмысленность своего положения.

— Какой бы там ни хлестал дождь, я должна идти, — заявила она.

— Заклинаю вас: вернитесь домой, — произнес Джоселин, беря ее за руку. — Я тоже вернусь. Мой поезд давно ушел.

— Нет. Мне дорога в Бедмут; там я переночую, если, конечно, доберусь.

— Уже слишком поздно, и вам не найти ночлега. Открыта будет разве что гостиничка рядом с вокзалом, где вы точно не пожелаете остаться до утра. Впрочем, если вы настроены столь решительно, я провожу вас туда. Не могу бросить вас. Не годится вам идти одной — это против

приличий.

Мисс Бенком настаивала, и они тронулись в путь сквозь гнусавое завывание ветра, сквозь брызги прибоя. Морские волны дыбились слева от них, почти касались их, наступая справа — Джоселин и мисс Бенком словно уподобились детям Израиля[11]. Между ними и взбесившейся водной стихией был только узкий галечный пляж; каждая прибойная волна сотрясала землю, с зубодробительным скрежетом вода тащила за собой обкатанные камешки, а брызги, вздымаясь вертикально, обрушивались на головы путников. Массы морской воды лились сквозь галечную «стену» и ручьями стекали на тропу, чтобы устремиться обратно в море. «Остров» и впрямь сделался островом.

До сих пор наши герои не осознавали в полной мере, насколько мощна стихия. А между тем немало пеших путников было погублено морем, которое, внезапно пробивши брешь в галечной «стене», выплескивалось и утаскивало человека в свою утробу. Казалось, море обладало сверхъ-

[11] Примечания: 11

Имеется в виду сюжет из Ветхого Завета. Перед Моисеем, который вел народ Израиля из Египта, расступилось Красное море. Израильтяне прошли по дну меж волн, после чего волны снова сомкнулись, уничтожив их преследователей-египтян.

естественной силой — раздавшись надвое, могло сомкнуть волны и опять сделаться цельным, будто сатана, разрубленный мечом архангела Михаила — тот, чья «эфирная ткань» срослась, ибо «разъятой не дано ей оставаться долго»[12].

Даром что накидка мисс Бенком лучше защищала от ветра, чем одежда Джоселина, именно мисс Бенком подвергалась большей опасности. И невозможно было для нее не принять помощь молодого человека. Сначала он взял ее под локоть, но ветер отбросил путников друг от друга с той же легкостью, с какой разорвал бы двойной черенок парочки вишен. Тогда Джоселин крепко обхватил мисс Бенком за талию — и она этому не воспротивилась.

* * *

Приблизительно в это время — может, чуть раньше, может, чуть позднее — Джоселин ощутил, как в нем расцветает чувство, которое впервые дало о себе знать еще под лереттом, вблизи новой подруги, в миг, не зафиксированный разумом. И он встревожился; он даже испытал страх.

---

[12] Примечания: 12

Джон Мильтон, «Потерянный рай»; цитата дана в переводе А. Штейнберга.

Ибо, несмотря на юность, имел достаточно опыта, чтобы сообразить: Возлюбленная, очень возможно, изменит место пребывания. Впрочем, этого пока не случилось; пока Джоселин шагал, дивясь мягкости и теплу женского тела под меховой накидкой, под своей ладонью. Оба вымокли до нитки; сухими оставались только левый бок мисс Бенком и правый бок Джоселина — влага не коснулась сих частей по причине тесноты объятия.

Так они добрались до железнодорожной паромной переправы. Здесь стихия не могла разгулять-ся в полную силу, однако Джоселин по-прежнему обнимал мисс Бенком и убрал руку, лишь когда она попросила его об этом. Они миновали руины замка; «остров» остался далеко позади, а наши путники, миля за милей, стали продвигаться к курортному городку, в который и вступили около полуночи, перейдя мост; оба были мокрехоньки.

Джоселин, жалея свою спутницу, не мог не восхищаться ее упорством. Теперь уже их защищали от ветра ряды домов, и до нового железнодорожного вокзала (ибо в те дни он был новым) они добрались без затруднений.

Как и предупреждал Джоселин, для ночлега была доступна только крошечная гостиничка без права на торговлю спиртными напитками, где

люди дожидались утреннего почтового дилижанса и встречали суда, пересекающие Английский канал. Джоселин и мисс Бенком постучались; ответом был скрежет отодвигаемого засова. И вот они уже стоят в коридорчике, освещенном газовой лампой.

Тут-то Джоселину и открылось: его спутница, хоть и статная, и высокая — почти такого же роста, как он сам, — на самом деле еще только приблизилась к порогу расцветающей женственности. Что до лица, оно потрясало, однако не столько красотой, сколько горделивостью; ветер, дождь и морские брызги придали щекам оттенок лепестков самого яркого пиона.

Мисс Бенком оставалась тверда в намерении ехать в Лондон первым же поездом, и Джоселин смирился с ролью советчика по мелким бытовым вопросам.

— В таком случае, — сказал он, — вам следует подняться в номер и отдать вещи прислуге, чтобы развесила их у огня. Сделайте это немедленно, иначе к утру ваша одежда не высохнет. Я прослежу за этим и велю принести вам ужин.

Она согласилась, не явив, однако, никаких признаков благодарности; когда она ушла наверх, Пирстон распорядился насчет ужина. Заказ

приняла заспанная девица, чья должность в этом заведении называлась «ночной портье». Сам Пирстон был голоден как волк; он подсел к камину и взялся за еду, чтобы совместить процесс насыщения с процессом сушки платья.

Сначала он был в сомнении — что ему предпринять? Затем решил остаться в гостинице до утра. В шкафу нашлись пледы и домашние туфли; с их помощью Пирстон силился устроиться с маломальским комфортом, когда в залу спустилась горничная, неся целую охапку сырой женской одежды.

Пирстон подвинулся, давая ей место у камина. Горничная опустилась на колени и протянула к огню руки, на которых был распялен некий предмет — часть экипировки Юноны, расположившейся на втором этаже. Живо сформировалось и поползло к потолку облако пара. Молоденькая горничная, бедняжка, клевала носом, встряхивалась и вновь задремывала в своей неудобной позе.

— Спать хочется, да, милочка? — осведомился Пирстон.

— Ужас как хочется, сэр: я с утра на ногах. Когда гостей нету, я вон там ложусь, в смежной комнате, на топчанчике.

— Ну так я вас избавлю от напасти. Укладывайтесь на свой топчанчик, будто гостиница пуста. Я сам просушу одежду и сложу стопкой, а вы утром отнесете ее молодой леди.

С благодарностями «ночной портье» удалился в смежную комнату, и вскоре до Пирстона донеслось посапывание. Тогда Джоселин занялся делом: стал расправлять и сушить у огня одежду мисс Бенком. От мокрой ткани шел пар, и, чем гуще он делался, тем более и более Джоселин впадал в мечтательность. Вернулось ощущение, кольнувшее его еще там, меж морских валов: Возлюбленная меняла место обитания — переселялась в тело, еще недавно облаченное в эти вот юбки, сорочку и прочее.

Через десять минут Джоселин был уже без ума от мисс Бенком.

А как же малютка Эвис Каро? О ней Джоселин думал теперь иначе.

Он отнюдь не был уверен, что вообще видел в Эвис, подруге детства и отрочества, истинную Возлюбленную, хоть и желал этой девушке всяческого благополучия. Впрочем, любовь тут больше не играла роли, ибо дух, флюид, идеал, он же — Возлюбленная, тайком покинул тело той, что была далеко, и обосновался в той, что спала

этажом выше.

Эвис нарушила обещание дойти с Джоселином до руин замка — надумала себе бог весть чего, струсила. Однако сам Джоселин, оказывается, еще в большей степени, чем его невеста, изжил «островные» предрассудки относительно целомудрия — и это явилось неожиданным последствием фантазий малютки Эвис.

1. VI
На грани

Мисс Бенком покидала гостиницу и отправлялась на вокзал: до него было рукой подать, и открылся он словно бы нарочно — в преддверии сего события. По совету Джоселина, с целью успокоить отца и избежать преследования, она послала домой записку: мол, еду к тетке. И вот молодые люди вместе вошли в здание вокзала и попрощались; билет каждый покупал себе сам, а свой багаж Джоселин забрал из камеры хранения.

На перроне они снова встретились, причем каждый просветлел лицом при виде другого. Вспыхнувшие взгляды, будто телеграммы-молнии, просигнализировали: «Мы направляемся в один и тот же город, так почему бы нам не усесться в одном купе?»

Так они и сделали.

Мисс Бенком заняла место в уголке, против хода движения поезда; Джоселин сел напротив. Кондуктор посмотрел на них, счел влюбленной парой и никого больше не пустил к ним в купе.

Говорили они на общие темы, точнее, говорила мисс Бенком, рассказывала о том, что Джоселин и сам знал. На каждой станции он страшился вторжения новых пассажиров. Они не проехали и половины пути, когда подозрение Джоселина совершенно подтвердилось: Возлюбленная в очередной раз поменяла место пребывания, вселилась в эту молодую женщину, затрепетала, запульсировала в каждом ее нерве, в каждом изгибе тела.

Приближения к огромному лондонскому вокзалу Джоселин ждал как Судного дня. Разве можно оставить мисс Бенком в водовороте этой переполненной народом улицы? Разве по ней этот шум, эта суета и толкотня большого города? И он спросил, где живет ее тетушка.

— В Бейсуотере, — отвечала мисс Бенком.

Джоселин вызвал кеб и уговорил ее ехать вместе до тетушкиного дома; сам он поедет дальше, там уж будет близко, а пока им по пути. Как ни старался Джоселин понять, разгадала или нет мисс Бенком его чувства, ему это не удавалось, однако предложение насчет кеба она приняла.

— Мы ведь с вами старые друзья, — констатировал Джоселин, когда кеб тронулся.

— Верно, — без тени улыбки отвечала его спут-

ница.

— Хотя, учитывая семейную историю, должны быть смертельными врагами, не так ли, дорогая Джульетта?

— Да… Как вы меня назвали?

— Я назвал вас Джульеттой.

Она рассмеялась. В ее голосе отчетливо сквозила гордость, но следующая фраза была произнесена чуть слышно:

— Ваш отец — враг моему отцу, но ведь мой отец — враг мне самой. Да, это так.

Тут их глаза встретились, и Джоселин выпалил:

— Бесценная моя, королева моя! Зачем вам ехать к тетке? Поедемте вместе — и будьте моей женой!

Мисс Бенком вспыхнула — уж не от возмущения ли? Нет, по другой причине — от крайнего волнения. Она ничего не ответила; Джоселин испугался, что оскорбил ее достоинство. Как знать, вдруг она просто воспользовалась его услугами за неимением лучшего в предложенных обстоятельствах? Однако он рискнул продолжить:

— Если мы поженимся, ваш отец не сможет вернуть вас домой. Да и так ли скоропалителен будет этот шаг? Вам все известно обо мне и моей

семье, а также о моих перспективах. Я все знаю о вас. Наши семьи столетиями соседствовали на «острове», даром что вы теперь — столичная штучка.

— А вы станете членом Королевской Академии художеств? — спросила она мечтательно, ибо теперь ее волнение улеглось.

— Надеюсь… То есть, конечно, стану, если вы за меня выйдете.

Мисс Бенком смерила его долгим взглядом.

— Только подумайте, как легко все уладится, — вновь заговорил Джоселин. — Не нужно подольщаться к тетке, не нужно бояться, что вас заберет домой разгневанный отец.

Последний аргумент, кажется, стал решающим. Мисс Бенком позволила себя обнять.

— Как скоро можно будет пожениться? — спросила она через некоторое время, явно сделав над собой усилие.

— Думаю, уже завтра. Нынче я пойду в Коллегию юристов гражданского права — надеюсь поспеть туда к полудню — и завтра утром лицензия будет готова.

— Я не поеду к тетке, я стану независимой! А то меня во всем ограничивают, словно я — шестилетнее дитя. Да, я согласна выйти замуж, если это

и впрямь так легко.

Они остановили кеб и устроили совет. Пирстон снимал квартиру и студию неподалеку от Кэмпден-Хилл; но везти туда мисс Бенком, пока они не стали супругами, было бы крайне нежелательно. И влюбленные решили отправиться в отель.

Кеб вновь тронулся, но повез их уже в другом направлении. Они вернулись на Стрэнд и вскоре оказались у гостиницы с безупречной репутацией, одной из тех, что давным-давно построены в районе Ковент-Гарден, куда заглядывают пообедать обитатели Вест-Энда. Там Джоселин оставил мисс Бенком, а сам отправился хлопотать.

Дело шло к трем пополудни, когда, сделав все от него зависевшее и необходимое при столь резкой смене курса, Джоселин неспешным шагом двинулся обратно. Его потряхивало, и он рад был прогуляться, успокоить нервы. Он шел, изредка бросая взгляд то на одну, то на другую витрину; наконец, нанял хэнсом[13] и, повинуясь порыву, велел ехать в Меллсток-Гарденз, где позвонил в дверь квартиры-студии. Через пару минут дверь ему открыл молодой человек, с виду его ровес-

[13] Примечания: 13

Двухколесный экипаж, в котором возница (кебби) сидит на высоких козлах позади пассажирской кабины и глядит на дорогу поверх крыши. Хэнсомы отличались большой маневренностью.

ник. Он был в просторной блузе, а на большом пальце левой руки вертел неопрятную палитру внушительных размеров.

— Кого я вижу! Пирстон! Не знал, что ты опять в столице. Входи. Я очень рад. Я тут дописываю одну вещь для американского заказчика — он хочет забрать ее с собой.

Пирстон проследовал в мастерскую, где сидела за шитьем хорошенькая молодая женщина. По знаку художника она исчезла, не сказав ни слова.

— На твоей физиономии я читаю желание выговориться; так не медли же. Ты попал в переплет, верно? Чего тебе налить?

— Все равно; сойдет любой алкоголь. И, умоляю, Сомерс, выслушай меня — мне и впрямь есть что сообщить тебе.

Пирстон уселся в кресло, а Сомерс вернулся к картине. Когда вошел слуга с бренди для успокоения Пирстоновых нервов, с содовой для смягчения пагубных последствий бренди, а также с молоком для устранения истощающих последствий содовой, Джоселин заговорил, обращаясь в большей степени к Сомерсовой каминной полке, Сомерсовым часам в готическом стиле и готическим же Сомерсовым коврам, нежели к самому

Сомерсу, который стоял за мольбертом чуть позади своего приятеля.

— Прежде, чем ты узнаешь, что со мной приключилось, — начал Пирстон, — я тебе поведаю, что я вообще за человек.

— Господи, да ведь это мне известно.

— О нет! Я имею в виду одно качество — из тех, которые обычно не афишируют. Я ночей не сплю из-за него.

— Не может быть! — воскликнул Сомерс уже с бо`льшим сочувствием, видя, что приятель действительно подавлен.

— На мне лежит нечто вроде проклятия; или, если хочешь, назови это одержимостью. Я нахожусь во власти некоего коварного существа — точнее, духа, божества, которое застит мне взор и сбивает меня с пути. Поэт назвал бы мою тиранку Афродитой; мне самому следовало бы изваять ее в мраморе… Однако я забылся: это не вопль и не мольба, это — способ защиты, apologia pro vita mea[14].

— Так-то лучше. Продолжай!

---

[14] Примечания: 14
Оправдание моей жизни *(лат.)*.

1. VII
Ее предыдущие воплощения

— Я знаю, Сомерс: ты не из тех, кто упорствует в широко распространенном заблуждении, будто бы Возлюбленная всякого человека всегда, ну или, как правило, остается в одной и той же телесной оболочке, этакой ракушке; что она может пребывать там долго, очень долго — столько, сколько желательно Влюбленному. Если я ошибаюсь, если ты придерживаешься сего замшелого предрассудка… гм, тогда моя история покажется тебе весьма странной.

— Давай говорить «Возлюбленная отдельных мужчин», а не «всякого человека».

— Согласен. Пусть даже будет «Возлюбленная одного мужчины» — вот этого, что сейчас перед тобой, раз уж ты так щепетилен в формулировках. О, мы, жители «острова» — чудной народ, мечтатели и фантазеры; может, все дело в этом. Что до Возлюбленной твоего покорного слуги, она имела много инкарнаций — слишком много, чтобы мне сейчас вдаваться в детали. Каждая ее форма, или телесное воплощение, служила ей

лишь временным пристанищем; она вселялась ненадолго, а затем покидала свое жилье, иными словами, бросала плотскую оболочку — в моем понимании, увы, жалкий труп! И не ищи здесь спиритских бредней — все просто, факт есть факт, сколь бы ни страшил он обывателей. Но это, Сомерс, было вступление.

— Допустим. Продолжай.

— Продолжаю. Свидетелем первого воплощения я стал в возрасте примерно девяти лет. Возлюбленная изволила вселиться в голубоглазую девочку лет восьми, у которой было десять братьев и сестер. Ее льняные волосы длиною до плеч имели серьезное намерение виться, но их попытки терпели постыдный крах; в итоге, каждая прядь походила на каминный крючок — и только. Сие несовершенство изрядно меня смущало; полагаю, оно же явилось одной из главных причин, по которой Возлюбленная покинула свой приют. Не помню, когда это произошло, но точно уже после инициированного мною поцелуя на садовой скамейке, в жаркий полдень. Мы раскрыли зонт в синюю полоску, дабы он спрятал от прохожих, что следовали в Ист-Куорриз, признаки нашей взаимной привязанности; мы не учли, что столь броский «экран» вернее при-

влечет внимание, нежели наши персоны.

— Все закончилось, когда родитель моей зазнобы вздумал увезти с «острова» свое многочисленное семейство. Я не сомневался, что теряю Возлюбленную навеки — я ведь тогда был наивен, как Адам, наблюдающий первый в мире закат солнца. Однако я ошибся. Лору я действительно больше никогда не встречал — но Возлюбленная продолжала мне являться.

Несколько месяцев я оплакивал утрату голубоглазой, белоголовой ее инкарнации, и все это время Возлюбленная не давала намеков на возвращение. А потом вернулась — внезапно, неожиданно, в обстоятельствах, которых я никак не мог бы предвидеть. Помню, я балансировал на бровке тротуара непосредственно за школьными воротами и глядел на море, когда мимо проехал верхом джентльмен средних лет, а следом за ним — молодая девушка. Она обернулась, заметила, что я таращусь на нее во все глаза и что рот мой расплылся в дурацкой улыбке, и улыбнулась в ответ. Затем, удалившись на несколько шагов, снова обернулась и снова одарила меня улыбкой.

— Этого было более чем достаточно, чтобы во мне вспыхнуло пламя. Мгновенно я расшифро-

вал информацию, переданную мне через эмоции, а именно: Возлюбленная вернулась, на сей раз избрав себе оболочку вполне взрослой девицы и предпочтя образ шатенки. Волосы, собранные в узел, были каштановые без отлива, глаза, наверное, карие; впрочем, прелесть ее вполне раскрывалась только внимательному взору. В любом случае, по улице верхом ехала моя желанная, вновь воплотившаяся в смертную женщину. Я попрощался с приятелями, выдержав достаточно времени, чтобы не вызвать их подозрений, и бросился бегом вслед за всадниками. К моему отчаянию, их нигде не было видно — не иначе, они пустили лошадей галопом. Унылый, я свернул в переулок, но дух мой воспарил вновь, ибо отец с дочерью скакали прямо на меня. Я покраснел до корней волос; я застыл на месте и геройски встретил взгляд моей Возлюбленной. Она улыбнулась — в третий раз! — но, увы, ее щечки не вспыхнули ответной страстью.

Пирстон умолк и подкрепил себя глотком бренди, ибо заново прожил всю сцену, им воссозданную. Сомерс воздержался от комментариев, и Джоселин продолжал:

— После полудня я слонялся по улицам, тщетно высматривая мою Возлюбленную. Встретив

приятеля, одного из тех, что были со мной, когда она появилась в сопровождении отца, я как бы невзначай осведомился, не знает ли он, кто эти двое.

— Полковник Тардж с дочкой. Ее зовут Элси, — отвечал мой приятель.

— Как думаешь, сколько ей лет? — спросил я, терзаясь мыслью о возрастном превосходстве мисс Тардж надо мною.

— Вроде девятнадцать. Послезавтра она венчается с капитаном Поппом из пятьсот первого полка, и они сразу же отплывают в Индию.

Информация эта принесла мне такие страдания, что тем же вечером, в сумерках, я пошел в порт, намереваясь свести счеты с жизнью. Однако вспомнил слышанное о крабьих повадках: якобы эти твари цепляются клешнями за кожу на лицах утопленников и потихоньку объедают плоть. Вероятность такого исхода остановила меня. Кстати, я почти не переживал по поводу замужества моей Возлюбленной — нет, мое сердце разрывалось при мысли об ее отъезде. И действительно, больше я никогда ее не видел.

— Я уже усвоил: отсутствие телесной формы не означает отсутствия наполняющего ее духа; но мне не верилось, что в данном случае для

Возлюбленной возможно возвращение в ином, новом теле.

— Однако так и случилось, — вставил Сомерс.

— Да, но только через изрядный промежуток времени, за который я успел выйти из неуклюжего отрочества, когда мальчики питают к девочкам особый вид презрения. Мне было уже лет семнадцать; как-то вечером я сидел в кафе за чашкой чая — к слову, в том же самом курортном городке; и вот напротив уселась молодая дама с маленькой дочкой. Какое-то время мы поглядывали друг на друга, причем девочка явно хотела познакомиться со мной. Наконец, я выдал:

— Что за славная малютка.

Дама согласилась, и я осмелел:

— У нее чудесные глаза — ясные, кроткие, совсем как у матери.

— Вы находите, что ее глаза недурны? — уточнила дама, как если бы не слыхала четырех последних слов моей фразы.

— Да — но лишь как подражание оригиналу, — отвечал я, глядя ей прямо в лицо.

Мы разговорились. Дама сообщила, что ее муж отправился на морскую прогулку на яхте; я выразил сожаление, что он не взял с собой жену. Дама становилась все откровеннее, как это свойствен-

но женам, к которым до срока охладели мужья. Потом я встретил ее на улице — уже без девочки. По ее словам, она шла на пристань встречать мужа, но не знала дороги.

Я предложил проводить ее — и проводил. Не стану вдаваться в подробности, скажу только, что мы виделись еще несколько раз, и я скоро понял: именно в этой женщине воплотилась моя Возлюбленная (о чьем местонахождении я так долго имел неверное представление). Но вот почему она избрала тело замужней дамы, матери — по определению недоступной, когда кругом полно девиц; зачем ввергла меня в мучения? Нет, постичь сей замысел было мне не по силам. Роман мой закончился вполне невинно — дама уехала вместе с мужем и дочкой; кажется, она считала наше знакомство легким флиртом, но для меня все было ох как серьезно!

* * *

— Стоит ли рассказывать дальше? О нет — это слишком тяжело. После случая с замужней дамой явления Возлюбленной во плоти значительно участились, и я не смог бы выдать тебе, друг, всех деталей ее разнообразных воплощений. За последующие два-три года она явилась мне

девять раз! Трижды она была яркой брюнеткой, дважды — бледной блондинкой, и еще два-три раза выбирала средний вариант. Иногда я видел статную девицу, но со временем сделал вывод, что Возлюбленной больше нравится обитать в телах миниатюрных, подвижных, полувоздушных, что скульптурные формы — не по ней. Я привык и к вселениям ее, и к выселениям; я реагировал на них с обреченным спокойствием. Беседовал с очередной инкарнацией, целовал ее, вел с ней переписку, страдал из-за нее. Однако месяц назад все изменилось. Именно тогда я впервые крепко задумался, действительно ли Возлюбленная избрала телесную оболочку Эвис Каро, молоденькой девушки, которую я помню еще ребенком. В итоге я пришел к выводу, что нет, Возлюбленная не вселялась в Эвис — ведь я по-прежнему глубоко уважаю эту особу.

И Пирстон вкратце поведал историю отношений с Эвис, вплоть до их решения обвенчаться, и неожиданный для него самого разрыв из-за встречи с молодой женщиной, в которую Возлюбленная вселилась — и это уж совершенно точно — вот буквально у него на глазах. Зовут эту женщину мисс Марсия Бенком. Пирстон сообщил другу об обоюдном и спонтанном решении

немедленно обвенчаться — и тут же спросил, следует ли ему вообще связывать себя узами брака — с мисс Бенком или с кем бы то ни было — в подобных обстоятельствах.

— Ни в коем случае, — заявил Сомерс. — Если тебе на ком и жениться, так на малютке Эвис. А впрочем, нет; на ней тоже нельзя. Ты — как все мужчины, только хуже. Все мы ветреники, вроде тебя; но не у всех такая сверхвпечатлительность.

— Ветреники? Едва ли это подходящее слово. Ветреность, непостоянство подразумевает скорое охлаждение к женщине, притом что сама женщина не меняется. Я же всегда был верен эфемерному созданию, которое вечно ускользало из моих рук и лишь теперь, кажется, попалось. И еще позволь тебе заметить: ничего нет приятного в этих перемещениях из одной оболочки в другую, и я здесь выступаю отнюдь не как сластолюбец, и это для меня не игра. Вообрази: вот только что женщина казалась тебе верхом совершенства, божественным созданием — и на твоих глазах она утрачивает божественную суть, становится обыкновенной, одной из множества. От пламени остается зола; существо, в коем жизнь била через край, превращается в окаменелость — много ли радости наблюдать этот процесс? Для меня это

всегда было мучительно. Каждая прискорбно опустелая оболочка похожа на гнездо, покинутое дивной птицей, оставленное под снегопадом. Ища и не обнаруживая в такой оболочке милых черт, еще недавно бывших там, я всякий раз чувствую щемящую тоску.

— Нельзя тебе жениться, — повторил Сомерс.

— Пожалуй, это так! Увы, бедняжка Марсия будет скомпрометирована, если я не женюсь на ней… Но ответь, разве не проклятие лежит на мне? До сих пор, к счастью, от него страдал лишь я один. Зная, чего ожидать, я крайне редко сближался с женщинами; я боялся, что до срока спугну мою Возлюбленную, хотя она все равно исчезала — всегда, всегда!

Вскоре Пирстон ушел. Дружеский совет в его случае значил немного. Он поспешил вернуться к мисс Бенком.

Она показалась ему иной. Тревога сбила с нее толику спеси. Обыкновение надменно кривить рот хоть и не исчезло, но сам угол кривизны уменьшился на пару-тройку градусов.

— Как же долго ты пропадал! — воскликнула мисс Бенком. Видно было, что она извелась, дожидаясь Пирстона.

— Зато я все уладил, дорогая моя, — отвечал

он. — Мы поженимся через несколько дней.

— А разве не завтра?

— Нет, завтра не получится. Мы недостаточно времени прожили в Лондоне.

— Но откуда это известно клеркам в Коллегии юристов?

— Видишь ли… я совсем забыл об этом условии для жениха с невестой, взял да и ляпнул: мы, мол, только что приехали.

— Какая неосмотрительность! Только теперь ничего не поделаешь. А впрочем, дорогой мой, этого следовало ожидать!

1. VIII
«Все слишком второпях и сгоряча»

Следующие несколько дней они прожили в гостинице; горничные косились на них с любопытством, официанты то и дело заглядывали к ним в номер как бы по ошибке. Когда они выходили подышать воздухом — обыкновенно, из опасения столкнуться со знакомыми, они прогуливались в переулках, — Марсия хранила молчание и мрачную мину на властном, скульптурном своем лице.

— Изваяние ты мое! — однажды пошутил Пирстон.

— Мне очень досадно, что в Коллегии ты проболтался и тем отсрочил выдачу лицензии! Нехорошо, неправильно мне жить с тобой вот так!

— Но мы ведь поженимся, любовь моя!

— Да, — пробормотала Марсия и вновь задумалась. — Все-таки очень уж скоропалительно мы приняли это решение! — продолжала она. — Жаль, я не заручилась согласием отца и матушки… Послушай, раз наша женитьба откла-

дывается еще на пару дней, не послать ли мне письмо родителям? Как раз и ответ бы пришел. Да, я, пожалуй, напишу им.

Пирстон вслух усомнился в правильности такого шага, но его неодобрение только распалило Марсию, и результатом стала размолвка.

— Мы все равно вынуждены ждать; ну так вот, я не выйду за тебя без согласия отца и матери! — с горячностью воскликнула Марсия.

— Хорошо, дорогая. Напиши им, — сказал Пирстон.

Едва они вернулись в номер, Марсия действительно занялась письмом, но через некоторое время отбросила перо отчаянным жестом.

— Нет, я не в состоянии! Я слишком горда и ничего не могу с собой поделать. Лучше ты напиши им; напишешь, Джоселин?

— А почему я? Не вижу в этом резона, тем более, что, по моему мнению, подобное письмо писать рано.

— Но ведь ты не ссорился с моим отцом, а я ссорилась.

— Что же, что не ссорился? У меня давнее и стойкое отвращение к любой писанине. Погоди, вот обвенчаемся, тогда и напишу. Но не раньше.

— Ох, придется мне самой. Не знаешь ты, каков

мой отец. Решись я обвенчаться с любым другим мужчиной, неважно, из какой семьи, мне бы это сошло с рук. Но твою семью он презирает, к конкуренту питает ненависть, а потому до смертного часа не простит меня, если я втайне от него вольюсь в семью Пирстон. Поначалу я как-то упустила из виду это обстоятельство.

Слова эти покоробили Джоселина. Пусть он имел положение в артистических кругах Лондона и недурной доход, он горой стоял за своего старика-отца, простого человека, который столь долго и успешно сдерживал бенкомовские аппетиты и чьи деньги позволили самому Джоселину обучаться у лучших скульпторов. Поэтому он настоятельно попросил Марсию не говорить более о своей «презренной» семье, она же молча дописала письмо, указав адрес ближайшего почтамта, с тем чтобы местонахождение ее и Пирстона возможно дольше оставалось нераскрытым.

Назавтра почта не принесла ответа, но Марсии были переправлены те письма, что пришли на ее имя с тех пор, как она сбежала из дому. Что-то зловещее почудилось влюбленным в этих письмах. Одно за другим Марсия их вскрывала, а прочтя последнее, воскликнула «Святые Небеса» и расхохоталась.

— В чем дело? — спросил Пирстон.

Марсия прочла письмо вслух. Было оно от ее преданнейшего воздыхателя, молодого джентльмена с острова Джерси; сей джентльмен клялся, что намерен мчаться в Англию и вернуть свою возлюбленную, ибо она обещалась стать его женой.

Марсия то усмехалась, то впадала в задумчивость.

— Что мне делать? — наконец спросила она.

— Что делать? Дорогая моя девочка, по-моему, это очевидно. Ты можешь сделать только одно — немедленно написать этому человеку, что не сегодня завтра выйдешь замуж.

И Марсия повиновалась, причем Джоселин помогал ей формулировать максимально деликатные фразы.

Вот как завершалось это письмо:

«Я повторяю, что просто забыла о своем обещании! Мне очень-очень жаль, но это правда. Я уже рассказала все своему будущему супругу, который сейчас, когда я пишу эти строки, следит за моей рукой».

Джоселин, прочтя последний пассаж, произнес:

— Лучше вычеркни эту фразу. Она для бедняги — будто дополнительный удар кинжалом.

— Удар кинжалом? Ни в коем случае, милый. Он сам виноват — зачем докучает мне? А ты должен гордиться, что я вообще упомянула о тебе. Вчера ты назвал меня тщеславной, а ведь я всего только обронила, что могла бы выйти за одного ученого — ну, того, о котором тебе рассказывала. А теперь ты видишь: есть и другой претендент.

— Не желаю слушать о претендентах, — мрачно заметил Джоселин. — По-моему, ситуация крайне неприятная, и я удивляюсь, что ты воспринимаешь ее с таким легкомыслием.

Марсия надула губы.

— Я, во всяком случае, виновата вполовину меньше, чем ты!

— Это еще почему?

— Я не сдержала слово по забывчивости, а ты — сознательно!

— О да; разумеется, ты вправе попрекнуть меня бедняжкой Эвис Каро. Только не перегибай палку, не то я — вот будет сюрприз — раскаюсь в своей неверности этой девушке.

Марсия сжала губы и густо покраснела.

На следующее утро ответ мистера Бенкома все-таки пришел. Но, к недоумению Марсии, отец

избрал совсем не ту линию поведения, какой она от него ожидала. Скомпрометировала она себя или нет — разрешение этого вопроса, судя по всему, откладывалось на будущее мистером Бенкомом, коренным «островитянином», рожденным в те времена, когда в семьях царили старинные представления о браке. Нет, отец Марсии в письме упирал на недопустимость ее брака с представителем ненавистного семейства Пирстон. Он — против, и точка; он не скажет более ни слова, пока не увидит Марсию воочию. Если у нее осталась капля здравого смысла, пусть она поспешит вернуться в дом, откуда, без сомнения, была коварно выманена; это в том случае, если она еще не обвенчалась с Пирстоном. Тогда отец постарается вызволить ее из двусмысленной ситуации, в которую она сама себя ввергла; если же она не вернется, он умывает руки.

Пирстон не мог иначе как с сарказмом воспринимать явное презрение старика Бенкома к нему самому и его родне; Марсия сочла его сарказм для себя обидным.

— Если кого и следует высмеять, так это меня! — воскликнула она. — Зря я сбежала от отца, сильно сглупила: теперь я это понимаю. И какой ничтожный нашла повод! Подумаешь, меня

слегка пожурили за расточительность; ведь это пустяки.

— А ведь я советовал тебе вернуться, Марси.

— На словах — да; но думал-то ты другое. А с каким презрением ты говорил о моем отце — будто бы он нечестно ведет дела.

— Боюсь, я не мог иначе говорить о нем, зная…

— В чем ты его обвиняешь?

— Лишь в том, Марси, что известно всему «острову». Каждый знает: было время, когда твой отец целью всей жизни считал разорение моего отца. Да ты только вдумайся, как он отзывается в письме обо мне самом — разве это не доказательство, что враждебность никуда не делась?

— Чтобы честный, открытый человек вроде моего отца мог разорить такого скрягу, как твой отец? Немыслимо! — отрезала Марсия. — Твоя родня все это выдумала!

Глаза Марсии сверкали, лицо пылало. Необыкновенная красота, которая могла бы еще пышнее расцвести от этого румянца, увы, погибла, уничтоженная резкостью слов.

— Марсия, ты переходишь границы дозволенного! Я могу — да и каждый на «острове» может — в деталях описать шаги, предпринятые твоим отцом. Да ведь он обанкротил всех владельцев

каменоломен, поглотил их бизнес; лишь один мой отец удержал каменоломню, потому что ему нет равных в стойкости и отваге. И ни для кого это не тайна. Отношения наших родителей сильно осложнят нам, жениху с невестой, дальнейшую жизнь. Осознание данного факта только-только приходит к нам. И я не знаю, как мы преодолеем это препятствие.

— А я думаю, нам его вообще не преодолеть! — твердо заявила Марсия.

— Может, и так; да, шансов немного, — пробормотал Пирстон и воззрился на свою темноглазую Юнону, чьи классические черты застыли в маске великолепного презрения.

— Если только ты не извинишься за свое поведение! — добавила «Юнона».

Пирстон твердо знал: свою царицу он ничем не обидел и извиняться ему не за что.

Марсия вышла вон. В тот же день, вернувшись, она нарушила молчание горькой фразой:

— Я и впрямь вела себя непозволительно. Но всему есть причины; тебе не следовало бросать Эвис ради меня, это была ошибка. Вместо того, чтобы жениться на Розалине, Ромео тайно обвенчался с Джульеттой. Этим влюбленным веронцам повезло умереть так, как они умерли.

Не то семейная вражда очень скоро стала бы причиной бесконечных ссор. Джульетта вернулась бы к своим родным, Ромео — к своим; иными словами, противостояние разлучило бы их, как разлучает нас.

Пирстон усмехнулся. Однако Марсия говорила искренне. В ее серьезности Пирстон уверился за чаем, когда она заявила, что, раз он не намерен просить прощения, она все же отправится к тетке и поживет там — во всяком случае, пока отец не одобрит их брак. Ее решимость ужаснула Пирстона в той же степени, в какой его потрясла проявленная ею независимость, ведь обычно в подобных обстоятельствах женщины куда легче идут на попятную. Однако он не стал чинить ей препятствий, и после поцелуя, неожиданно прохладного в сравнении с недавним пылом, сей Ромео, сын владельца каменоломен по фамилии Монтекки, покинул гостиницу, чтобы не дать своей Джульетте — дочери враждебного семейства — ни намека на попытку удержать ее. Вернувшись, он нашел гостиничный номер пустым.

* * *

Между молодыми людьми, чей сговор был столь скоропалителен, началась переписка; в самом

серьезном тоне обсуждали они свое положение, столь непростое из-за семейной вражды. Теперь уже оба, и Джоселин, и Марсия, не обольщались насчет своего недавнего романа и признавали:

все вышло…

слишком второпях и сгоряча

Как блеск зарниц, который потухает,

Едва сказать успеешь: «блеск зарниц»[15].

В восприятии обоих появилась прохладная отстраненность, а еще, что немаловажно, мудрость; и эта манера смотреть на ситуацию не сулила возможному союзу ничего хорошего.

Конец обсуждениям положило последнее письмо Марсии, отправленное не откуда-нибудь, а из недавно покинутого ею дома на «острове». Марсия сообщала, что отец внезапно возник в доме лондонской тетки и заставил дочь вернуться домой. Марсия не скрыла от него ни обстоятельств бегства с Пирстоном, ни предпосылок к таковому. После отцовских наставлений она укрепилась в мысли, которая родилась еще при размолвках, а именно: брачные планы следует если не пере-

[15] Примечания: 15

Цитата из пьесы «Ромео и Джульетта» дана в переводе Б. Пастернака.

черкнуть, то, во всяком случае, отложить до поры до времени, ведь пятнышки на ее репутации и даже полноценный скандал предпочтительнее, чем пожизненный союз, фундамент которого — страсть длиною в два-три дня. Нет, жалкими жертвами ситуации, изменить которую будет не в их власти, они с Джоселином не сделаются.

Что до Пирстона, он отчетливо увидел: не будь отец Марсии коренным «островитянином» с набором предрассудков насчет семьи и брака (хоть и подлакированных благоприобретенными убеждениями), он неминуемо настоял бы на том, чтобы использовать проверенное средство от дочкиной горячности. Однако мистер Бенком предпочел подождать, не выйдет ли последствий.

Впрочем, Пирстон по-прежнему думал, что Марсия к нему вернется, вот только поостынет и осознает, каково ее истинное положение; вернется, проигнорировав семейную вражду. Ибо нет ни единого аргумента против их союза. По рождению они равны, а если Бенкомы и опередили Пирстонов в накоплении капитала и создали впечатление, будто все преимущества на стороне невесты, то ведь сам-то Пирстон — скульптор, и может прославиться. Выходит, их союз нельзя

считать неудачным для Марсии, у которой из перспектив — лишь изрядное состояние по смерти отца (и то не гарантировано), а взлетов никаких не предвидится.

Таким образом, Пирстон, хоть и свободный теперь от иллюзий, считал делом чести жить в своей лондонской квартире до тех пор, пока сохраняется шанс возвращения Марсии либо получения письма, в котором она призывала бы к себе Пирстона, дабы они наконец-то рука об руку пошли к алтарю. Однако по ночам молодому человеку мерещились голоса, исполненные сарказма; казалось, самый ветер смеется над тем, какой оборот приняла их с Марсией страстная влюбленность. Тянулись бесцветные дни, и молодой скульптор горестно констатировал про себя: Возлюбленная неумолимо покидает недавно избранную ею оболочку, столь им боготворимую. И вот она ушла совсем. Конкретный миг ее исчезновения Пирстон не зафиксировал. Просто все меньше черт Возлюбленной находил он в облике Марсии (который помнил в деталях), а в голосе Марсии, воспроизводимом мысленным слухом Пирстона, все реже слышались божественные переливы. Связь, даром что столь пылкая, оказалась слишком недолгой — впечатления не успели

закрепиться.

А вскоре Пирстон из надежного источника узнал сразу две новости, имевшие до него касательство. Одна была о замужестве Эвис Каро — она вышла за своего кузена; другая — о том, что семейство Бенком отправилось в кругосветное путешествие; в их планах было посетить Сан-Франциско, где жил родственник мистера Бенкома, банкир. Старик Бенком, отойдя от дел, буквально не знал, куда девать время; счел, что путешествие будет полезно для его здоровья — и не стал тянуть со своим планом. О дальнейшем Пирстон догадался без дополнительных сведений: Марсия поняла, что нежелательных последствий романа с ним, Пирстоном, не будет, и решила сопровождать родителей. Сильнее, чем все прочее, молодого человека ошеломил подтекст сего турне: упрямое сопротивление старика Бенкома браку дочери с представителем клана Пирстонов.

1. IX
Знакомые объекты в отдалении

Мало-помалу Пирстон вернулся к привычному существованию; профессиональная деятельность, как и прежде, занимала большую часть его времени. За последующие год или два он лишь однажды, от земляков, слышал о Бенкомах. Их турне все еще продолжалось; судя по всему, они вошли во вкус. Отец Марсии был еще в целом весьма бодр; говорили, что он берет все возможное от благоприобретенных космополитских взглядов — то есть, инвестирует в иностранные предприятия. Догадки Пирстона подтвердились: Марсия путешествовала вместе с родителями. Таким образом, конца его разлуке с без пяти минут супругой не предвиделось.

Казалось, Пирстону уже не отыскать плотского жилища, где вздумает поселиться его навязчивая идея. С Марсией у него дело зашло так далеко, что он хлопотал о разрешении на брак; он чувствовал себя связанным с ней нравственными узами и потому избегал высматривать свой эфемерный идеал в других женщинах. Тем

не менее, в первый год разлуки с мисс Бенком этот человек прихотливого нрава, решивший хранить верность последнему телесному воплощению своей Возлюбленной на случай, если ей взбредет вернуться и заявить на него свои права, по временам испытывал трепет. Что станется с его мрачным намерением, если Возлюбленная внезапно обнаружит себя в самом неожиданном месте и завладеет чувствами Пирстона, да так ловко, что он и опомниться не успеет? Несколько раз он и впрямь как будто видел желанный образ — то в конце улицы, то среди дюн, то в окне, то на лугу, то на перроне; однако Пирстон тотчас отворачивался и уходил в противоположном направлении.

И вот в течение многих бессобытийных лет, что последовали за приступом независимости мисс Бенком (каковой приступ служил Джоселину объектом тайного восхищения), наш герой вдыхал в свои скульптуры кипенье чувств, свойственное неугомонной юности; то самое кипенье, которое, если не дать ему должного выхода, фатально коверкает жизни, щадя только выдающихся людей. Возможно, по этой причине (и уж точно не благодаря судорожному стремлению к славе) Пирстон как художник вырос очень быстро; казалось,

он совершил прорыв, одним махом вознесся на огромную высоту, презрев постепенное накопление мастерства.

Он преуспевал, не стремясь к преуспеянию. Он был теперь членом Королевской Академии художеств.

Однако признание, некогда столь желанное, не приносило Пирстону практической пользы. Он оставался холостяком, не имел в море социальных связей ни якоря, ни причала, ни алтаря, и поэтому почести, которые могли бы кристаллизироваться в центре притяжения — семье, распылялись без толку, отнюдь не работая на материальное благополучие Джоселина Пирстона.

Если бы даже ни единому смертному не суждено было увидеть его творения, Пирстон ваял бы с тем же точно пылом. Безразличие к тому, как примет публика плоды его фантазии, дало Пирстону качество, редкое для художника — уверенность в себе. Шквалы критики не вредили ему и не лишали душевного равновесия.

На долгие годы единственной радостью для Джоселина стало изучение красоты. Случалось, его взгляд выхватывал лицо, или даже только фрагмент лица, и ему мнилось, что в этой бренной плоти выражено, пусть на толщину волоса,

как раз то, что он в данный момент стремился запечатлеть в вечном камне. Тогда Джоселин начинал преследование: он крался за потенциальной моделью, словно сыщик: мог запрыгнуть в омнибус или нанять кеб, мог сесть на пароход; он пробирался сквозь толпу, заходил в магазин, церковь, театр, паб, не гнушался даже городских трущоб — но, когда цель была близка, Джоселина, как правило, ждало горькое разочарование.

В ходе этих погонь творца за проблесками Прекрасного Джоселин иногда бросал взор на противоположный берег Темзы, точнее, на один конкретный причал, где ежедневно швартовались суда, груженные камнем, прибывшие с южного побережья Англии. В их числе, он знал, были кечи[16] с сырьем из отцовской каменоломни. Джоселину даже удавалось разглядеть нагромождения белых кубов. Его родитель столь методично выгрызал плоть скалистого «острова», что казалось, со временем «остров» будет съеден до последней крошки.

Одного только не мог понять Джоселин: на каком основании поэты и философы утверждают,

---

[16] Примечания: 16

В XVIII–XX веках в Британии кечем (или кэчем) назывался небольшой двухмачтовый парусник, который использовали в основном для прибрежных перевозок грузов.

будто любовное пламя всего сильнее в юношах, что оно угасает с наступлением зрелости? Возможно, причиной был статус холостяка; но только в самый плодотворный период своей жизни — с двадцати пяти до тридцати восьми лет, то есть через считаные годы после расставания с Марсией — Пирстон регулярно воспламенялся, причем страсть (которую, к чести его будь сказано, он умел обуздывать) имела накал, какой в незрелой юности Пирстону и не снился.

* * *

То, что начиналось как прихотливая фантазия коренного «островитянина», переросло в устойчивую эмоцию, в убеждение, будто Возлюбленная (которая вновь взялась воплощаться) постоянно находится где-то рядом. В течение нескольких месяцев Джоселин видел ее на театральной сцене; затем она улетучивалась, оставив оболочку — свое недавнее жилище, и этот ее жалкий пустой саркофаг тщился жить так, словно все еще был одушевлен. С болью наблюдал Джоселин потуги сего тела — изобилующего изъянами, запятнанного заурядностью. Возлюбленная, между тем, перемещалась едва ли не в первую попавшуюся женщину: допустим, в даму, встреченную

Джоселином на роскошном вечернем приеме, выставке, ярмарке, званом ужине. Пожив в ней месяц-другой, Возлюбленная воплощалась в грациозную молоденькую продавщицу из огромного магазина тканей, куда Джоселин принимался ходить без всякой нужды. Затем, оставив оболочку продавщицы, Возлюбленная избирала себе новое место обитания — вселялась в популярную писательницу, пианистку, скрипачку — и целый год именно эта оболочка была объектом поклонения Джоселина Пирстона. Однажды Возлюбленная воплотилась в танцовщицу из «Альгамбры»[17]: Джоселин ни разу не заговорил с нею, а сама она даже не подозревала о его существовании. Он знал: десятиминутная беседа за кулисами спугнет Возлюбленную, заставит ее скрыться в оболочке, доступ к которой будет для Джоселина затруднен еще более.

Возлюбленная являлась ему белокурой и темноволосой, рослой и миниатюрной, худощавой и пышнотелой; имела то классические, то неправильные черты лица. Одно только ее свойство сохранялось во всех инкарнациях — непредсказуемость выбора тела и срока пребывания в оном.

---

[17] Примечания: 17

Имеется в виду театр-варьете на Лестер-сквер, построенный в 1854 г. в неомавританском стиле.

Перефразируя Людвига Бёрне[18], можно было сказать, что в Возлюбленной, кроме непостоянства, не было ничего постоянного.

— Удивительно, — говаривал сам себе Пирстон, — что этот мой опыт, или моя особенность — да как ни назови — которая всякого другого вымотала бы, мне дает недурные средства к существованию.

Так оно и было, ибо свои фантазии Пирстон воплощал в камне; оказалось, что ему удается угодить публике, хотя он никогда не ставил себе такую цель — он вообще, по большей части, презирал общественный вкус. Одно время ему даже грозило скатиться с высот репутации серьезного художника в обыкновенную популярность, которая, суля блеск и всеобщие восторги, явно была бы скоротечной.

— Когда-нибудь ты будешь пойман, дружище, — время от времени остерегал Сомерс. — Нет, не ввяжешься в нечто неблаговидное — я говорю не об этом, ибо признаю, что твои поступки столь же безупречны, сколь и твои помыслы. Я имею в виду другое. Допустим, есть некая женщина, чей

---

[18] Примечания: 18

Немецкому писателю, публицисту, фельетонисту еврейского происхождения (наст. имя Иуда Лейб Барух, 1786–1837) принадлежит афоризм «Нет ничего более постоянного, чем перемены».

идеальный Возлюбленный тоже вот так перепархивает из одной телесной формы в другую; ты увлечешься этой женщиной, прилипнешь к ней, как моллюск, она же будет следовать за своим прекрасным Фантомом — то есть, бросит тебя и причинит тебе боль.

— Может, ты и прав, хотя вряд ли, — отвечал Пирстон. — Моя Возлюбленная умирает во плоти каждый день, тут все строго по учению апостола Павла[19]; едва я добираюсь до ее телесной формы — ее самой там уж нет, и я просто не в силах, даже при всем желании, быть верным одной-единственной инкарнации.

— Ну, значит, жди, пока наступит зрелость, — бросил Сомерс.

---

[19] Примечания: 19

В антропологии ап. Павла тело становится мистическим объектом человеческого бытия — либо смертным и греховным, либо чистым и духовным.

Часть вторая
Молодой человек сорока лет

Велит Любовь, чтоб я любил —
И мне ль ловить в контракте «блох»:
Мол, здесь не поскуплюсь на пыл,
А здесь довольно будет крох?
Нет! Вот мой росчерк – я готов
На все условья без торгов.

Сэр Томас Уайетт

2. I
Знакомый Фантом обретает плоть

В этот долгий период Пирстон был всего однажды выбит из колеи — когда узнал о кончине отца. Его родитель скоропостижно умер в Сэндбурне, куда отправился, чтобы «сменить климат», как ему посоветовал врач.

Мистер Пирстон-старший и впрямь был прижимист, как в пылу ссоры заявила его сыну Марсия Бенком. Однако Джоселина он никогда не стеснял в средствах. Требовательный работодатель, он аккуратно и не мелочась платил своим работникам; денежки у него всегда водились, причем наличные, но он их придерживал. Ко всеобщему удивлению, капитал Пирстона-старшего, нажитый на торговле камнем, оказался весьма велик; Джоселину, во всяком случае, и не снилось, что подобный бизнес может быть столь доходным, тем более что об истинных масштабах своего предприятия отец никогда не распространялся.

На деле же, покуда сын посредством резца воплощал в вечном камне свои эфемерные фантазии, отец целых полвека долбил породу, из

коей был сотворен «остров» в водах Английского канала, выбирая из его недр материал для этих самых фантазий. С помощью подъемных кранов со шкивами, вагонеток и кечей Пирстон-старший снабжал камнем все графства Великобритании. Когда Джоселин, как было рекомендовано ему завещанием, бросил столичные дела и стал вникать в тонкости отцовского бизнеса, он обнаружил, что может прибавить около восьмидесяти тысяч фунтов к тем двенадцати тысячам, которые заработал благодаря своему искусству и получил из иных источников.

Распорядившись о продаже «островной» недвижимости (кроме каменоломни, конечно), Джоселин вернулся в Лондон. Жить на «острове» он не планировал. Он часто думал о Марсии; както сложилась ее судьба? Верный обещанию не тревожить Марсию, он держался целых двадцать лет, хотя и вздыхал по ней — как по подруге, что в затруднительных обстоятельствах проявила великолепное здравомыслие.

Родителей ее, верно, уже нет в живых, рассуждал Джоселин; сама она, насколько было ему известно, на «остров» не возвращалась. Не иначе, вышла замуж в чужой стране, сменила фамилию — попробуй теперь, сыщи ее.

В жизни Пирстона наступило затишье. Едва ли не первым его появлением в обществе после траура по отцу стал ответ на приглашение одной из немногих высокородных леди, коих он числил в друзьях. Не имея на вечер лучших вариантов, Джоселин поймал кеб и назвал вознице адрес резиденции, которую сказанная леди занимала в течение трех-четырех месяцев в году.

Маневренный хэнсом свернул за угол, и Пирстону предстало великолепное зрелище — ряд особняков на северном берегу Темзы. В одном из них обитала леди; у дверей маячил знакомый факельщик. Балкон освещали китайские фонарики. Пирстон живо сообразил, что привычный ему «небольшой ранний прием» на сей раз будет пышным и затянется допоздна. Да ведь недавно разразился политический скандал, вспомнилось Пирстону. Результатом стало расширение салонного кружка леди Чэннелклифф, ибо ее дом считался нейтральным в смысле политических симпатий — а в таких домах о политике говорят свободнее, нежели там, где гости не прикрываются мнимой аполитичностью.

К особняку лорда и леди Чэннелклифф выстроилась столь длинная вереница экипажей, что Пирстон не стал дожидаться своей очере-

ди. Он остановил хэнсом за несколько ярдов до парадной двери и устремился вперед пешком. Ему пришлось задержаться — путь преграждала группа зевак. Как раз в это время на ковер, специально постеленный для этой цели у парадного входа, ступили, покинув каждая свой экипаж, несколько дам в белых накидках. Пирстон не разглядел их лиц, да и фигур тоже; перед ним мелькнули только смутные силуэты, однако его охватило предчувствие, что нынче же вечером Возлюбленная снова явит себя. В последнее время она скрывалась, а тут решила обрести плотскую оболочку и одурманить Пирстона. Влажный блеск ее глаз, мелодичные нотки в голосе, поворот головы — как хорошо Пирстон изучил ее свойства, даром что Возлюбленная поменяла уже столько пристанищ! Оттенок волос и кожи, рост и комплекция, тембр голоса, манера держаться, избранные на сей раз Возлюбленной, — все эти маскарадные уловки не помогут, Пирстон все равно ее узнает!

Другое его предположение — насчет политической дискуссии — подтвердилось, едва он вступил в салон. Характерное оживление бурлило, не умещалось в стенах, чувствовалось уже на лестнице. Пирстон и раньше замечал: гости так

взбудоражены, если внутренние противоречия в некоей политической партии или фракции перешли в открытую фазу.

— Где вы пропадали столько времени, молодой человек? — пропела леди Чэннелклифф, пожимая Пирстону руки (его всюду воспринимали как юношу, хотя ему почти сравнялось сорок лет). — Ах да, я помню, помню, — добавила хозяйка вечера, посерьезнев лицом при мысли об его утрате. Добродушие графини граничило с качеством, которое так часто приписывают женщинам — а именно с умением подладиться под собеседника; иными словами, леди Чэннелклифф выражала сочувствие без малейших усилий.

Выразив его, она заговорила о скандале в партии, к которой формально принадлежала, — как раз той, что вышла из недавнего кризиса; сообщила, что навеки зареклась от политики, так что пускай впредь мистер Пирстон считает ее еще более аполитичной хозяйкой салона, нежели когда-либо прежде. К этому времени в салон влилась еще группа гостей, и Пирстон собрался уходить.

— Вы кого-то ищете — это сразу видно, — сказала леди Чэннелклифф.

— Да, одну даму.

— Назовите ее имя, и я постараюсь определить, где она сейчас.

— Увы, я не знаю ее имени.

— Вон оно что! Как, по крайней мере, она выглядит?

— Описать ее я не могу; ни цвет волос, ни цвет платья мне неизвестны.

Леди Чэннелклифф надула губки — решила, что Пирстон дразнит ее; он же поспешил влиться в поток гостей. А дело было в том, что на секунду ему показалось, будто он открыл местонахождение Возлюбленной — будто она вселилась в плоть хозяйки вечера, очаровательной женщины, которая нынче была особенно прелестна. Пирстон оцепенел от ужаса: неужели Возлюбленная способна сыграть с ним столь злую шутку? Правда, однажды она уже принимала облик замужней дамы, но тогда, к счастью, обошлось без серьезных последствий. Впрочем, Пирстон быстро понял, что ошибся, и ошибкой обязан исключительно своей взвинченности, которая обусловлена долгим уединением.

Казалось, мнения, которым суждено просуществовать не более часа, представляют собой этакую реку, текущую через анфиладу комнат. Боги вечеринки явились со своими серафимами

(те были в полной боевой готовности), однако блеск красноречия, с каким они отвечали на вопросы, бил в глаза лишь самую чуточку слабее, нежели дефицит оригинальных мыслей. Ничей разум не допускал идеи о мудрости правительства, зато неприкрытая личная убежденность относительно понимания, что да как, веселила каждое из сердец. И только интересы Джоселина не устремлялись по течению; он был подобен валуну в бурлящем потоке, ибо ждал, пока к нему будет приближен волнами и брошен на поверхность его души некий совсем особенный плавучий объект.

Но, высматривая очередную телесную версию дивного Фантома, Пирстон еще не сознавал (хотя в предыдущих случаях с ним такое бывало), что нынешнее воплощение, хоть и осуществится согласно предчувствию, но пойдет не по обычному сценарию.

Его внимание было приковано к группке, что собралась вокруг экс-премьер-министра. Тот стоял посреди самой просторной из комнат и разглагольствовал в своей тогдашней сердечной, почти шутливой манере. К двум-трем дамам, которые внимали ему, подошла третья, одетая в черное и белое, и на нее-то Пирстон и пере-

ключился. То же самое сделал и почтенный государственный муж. Встретил он даму взором, в коем почти слышалось «Кто вы такая?», но живо подпустил в глаза участия и интереса к словам, произнесенным дамой, ибо от других премьер-министров отличался подчеркнутой деликатностью с робкими собеседниками и неизменно умолкал, стоило такому человеку подать голос. Никто лучше его не знал, что речистости можно выучиться; вообще он держался так, словно был чужд тщеславия и на лету ловил любые идеи (даром что сам не мог их генерировать).

Дама в черно-белом что-то кратко поведала ему — слов Джоселин не расслышал — и экс-премьер-министр выдал утробное «Ха-ха-ха!».

Дама вспыхнула. Джоселин, чьи нервы были напряжены до крайности из-за предчувствия, что вот сейчас явится, совсем по Шелли, его многоименная и многоликая[20], не глядел на остальных, но поедал глазами избранную им даму.

До сих пор ему не удавалось ее разглядеть — мешало соседство других дам. Отвлекающий маневр был предпринят леди Чэннелклифф, которой

[20] Примечания: 20

Аллюзия на поэму П.Б. Шелли «Возмущение ислама». В переводе К. Бальмонта «многоименным» и «многоликим» назван Гений зла.

вздумалось представить экс-премьер-министру кого-то из гостей; дамы поменялись местами, и Джоселин потерял из виду ту, о ком уже думал как о тайно вернувшейся Возлюбленной.

Тогда он стал приглядываться к юной леди, родственнице хозяев дома; нынче она явилась в куда более выигрышном наряде, нежели до сих пор. На ней было небесно-голубое платье, скроенное так, что ничто не мешало любоваться ее нежной шейкой. В целом образ получился воздушный; этакая сильфида, отметил Пирстон. Увидев его, девушка заговорила с ним. На ее личике читался вопрос: «Ну и что вы ТЕПЕРЬ обо мне думаете?»; определенно, понял Пирстон, дело в их предыдущей встрече, когда она еще носила траур (который ее не красил), и притом день выдался сырой и хмурый, и все обитатели деревенского особняка были не в духе.

— Есть несколько моих новых фотографий, и мне нужно ваше мнение, — заявила «сильфида». — Но только правдивое; лести я не потерплю.

И она достала фотографии из комода, и они с Пирстоном сели на оттоманку. Портреты, сделанные модным фотографом, оказались очень удачны, о чем Пирстон и сообщил своей даме;

но, пока он сравнивал их, пока говорил о них, его разум был занят делом более важным. Пирстон гадал, не воплотилась ли Возлюбленная в эту вот «сильфиду».

Он поднял взгляд и с удивлением нашел, что фотографии для «сильфиды» — лишь предлог. Она косилась на группку гостей в некотором отдалении, определенно оценивая эффект от своей беседы тет-а-тет с Пирстоном. Особенно «сильфиду» занимал один член группки, мужчина лет тридцати, по виду военный; Пирстон с ним знаком не был. Зато он теперь уверился, что его Фантом отсутствует в телесной оболочке «сильфиды», и мог хладнокровно наблюдать за этой молодой леди. Выходило, что оба заняты одним и тем же делом — каждый притворяется, будто чувствует глубокий интерес к собеседнику, но украдкой глядит на сторону, хотя главный вопрос остается нерешенным.

Нет, Возлюбленная пока не явилась. Пирстон, пожалуй, и не увидит ее нынче вечером; должно быть, ее спугнули жаркие политические дискуссии. И все-таки он продолжал поиски, едва ли замечая иных фантомов, не имевших отношения к Афродите — их всегда полно в модных салонах. Вот старик, насмешливо указывают они; старик,

убеленный сединами, увешанный орденами. Чело его испещряют морщины, нажитые над составлением договоров, что не раз сотрясли всю Европу; голос мгновенно меняется в зависимости от того, с кем он говорит — с высшим по статусу или с низшим; зато сердчишко вполне уместилось бы в ореховой скорлупке. Вот девица; розовость ее груди подчеркнута жемчугами, но легкое у бедняжки сохранилось всего одно, и ему придется любой ценой продержать свою обладательницу на этом свете до дня ее венчания.

Тут к Пирстону подошел любезнейший хозяин дома — и в то же мгновение он увидел ту самую даму, которая еще раньше привлекла его внимание и исчезла. Их взгляды встретились, даром что между ними было приличное расстояние, и Пирстон мысленно усмехнулся: зуд неопределенности, действительно ли Возлюбленная найдена, унялся, но ни на йоту не было веселья в Пирстоновом смехе. Скорее уж, он трепетал, как овечка на ярмарке, перед той, чьи глаза суть губительные болотные огни.

Тем не менее, с минуту ему пришлось поддерживать разговор с лордом Чэннелклиффом, который спросил чуть ли не в лоб:

— Кто эта хорошенькая женщина в черном

платье с белой отделкой и в жемчугах?

— Не знаю, — отвечал Джоселин; в нем шевельнулась ревность, и он добавил: — Я собирался задать этот же вопрос вам.

— Не беда — сейчас выясним. Наверняка эту даму знает моя супруга.

Они разошлись, поскольку на плечо Джоселина легла чья-то ладонь. Однако лорд Чэннелклифф вскоре вернулся.

— Оказывается, эта дама — внучка старого приятеля моего отца, последнего лорда Хенгистбери. Ее имя миссис… миссис Пайн-Эйвон; она овдовела года два-три назад, вскорости после свадьбы.

Далее, лорд Чэннелклифф занялся некоей важной особой из числа клириков, предоставив Пирстону дальше действовать самостоятельно. В облаке муслина возникла юная леди Мабелла Баттермид, с которой Пирстона связывали дружеские отношения; она собиралась на бал, к Пирстону ее вынесло потоком гостей. Чувствительная и добросердечная девица, леди Мабелла принадлежала к тем, кто смеется от полноты бытия. Она спросила, серьезно ли настроен Пирстон, а когда он ответил «да», воскликнула:

— Я знаю эту даму! Однажды она сама мне сказала, что мечтает познакомиться с вами. Бед-

няжка! Как печально потерять мужа. А впрочем, ведь это случилось давным-давно. По-моему, женщинам вообще не следует выходить замуж — тогда в их судьбах не будет и подобных катастроф, не правда ли, мистер Пирстон? Я лично никогда не выйду. Не хватало мне подвергать себя такому риску! Или вы считаете, что лучше все же выйти?

— Ни в коем случае, — сухо произнес Пирстон.

— Вот такой ответ мне по нраву!

Однако Мабелла, несмотря на шутливый тон, вряд ли была довольна ответом Пирстона.

— Впрочем, иногда я думаю, что можно и выйти — из интереса. Ну, поспешим же к ней, я вас представлю. Только не смотрите на нее как на потенциальную супругу!

— О, не беспокойтесь. Не желаю быть стиснутым в толпе, будто при выезде лорд-мэра[21].

Так, перебрасываясь остротами, Пирстон и леди Мабелла продвигались к новой инкарнации Возлюбленной; она же, беседуя с другой дамой, казалась одной из тех женщин, «в чьих жестах ум

---

[21] Примечания: 21

Имеется в виду ежегодный парад по случаю инаугурации лорд-мэра Лондонского Сити (проводится с XIII в.).

дышал»[22], увиденных поэтом в Золотом Городе.

Не сразу удалось им добраться до миссис Пайн-Эйвон. Пирстон шел будто во сне, и каждый шаг стоил ему неимоверного усилия. Через десять минут, в течение которых перед ним мелькали декольтированные спины, прилизанные затылки, мерцающие диадемы, узлы волос, мушки и шпильки; в течение которых он невольно замечал каждый напудренный нос, каждый прыщик, каждый драгоценный камешек, ограненный так, чтобы метать множество крошечных радуг, каждую застежку каждого ожерелья, каждый веер и корсаж; в течение которых ему были явлены семь фасонов рукавов и тринадцать форм ушной раковины; в течение которых он использовал мысы своих туфель как плужные резцы, прокладывая борозды в нужном направлении для себя и для леди Мабеллы, они наконец-то достигли цели. Миссис Пайн-Эйвон спокойно пила чай в дальней гостиной.

— Милая Никола, мы уже думали, что нам до вас не дойти; нынче толпа просто невыносима, и все из-за этих гадких политических баталий! Но вот мы здесь, с вами.

---

[22] Примечания: 22

Цитата из поэмы П.Б. Шелли «Возмущение ислама» (песнь 1) дана в переводе К. Бальмонта.

Так сказала леди Мабелла, прежде чем представить Пирстона миссис Пайн-Эйвон.

Кажется, молодая вдова и впрямь этого желала, и леди Мабелла Баттермид вовсе не потворствовала порыву, столь характерному для женщин. Познакомив своих старших друзей, она удалилась, чтобы беседовать с мужчиной помоложе нашего прославленного скульптора.

Бархат и шелк черного цвета, в сочетании с белой отделкой, подчеркивали дивный оттенок кожи миссис Пайн-Эйвон. Шею и плечи не стоило и пудрить — они были безупречны в натуральном виде. Вообще Пирстон счел молодую вдову и кроткой, и вдумчивой особой — именно такой, какой она казалась издали. Говоря об искусстве ваяния, она не использовала подхваченные на лету, затертые фразы — ее суждения отличались глубиной. Пирстон нашел, что миссис Пайн-Эйвон — первая женщина-интеллектуалка, встреченная им за весь вечер, кроме разве только пары уже упомянутых.

Скоро они сошлись короче, а когда в беседе возникла пауза, оба отметили новый всплеск оживления, вызванный прибытием запоздалых гостей с последними новостями. В частности, эти новости излагала одна импульсивная дама; ее

глаза так и сверкали, а тембр голоса вынуждал слушать даже тех, кто не имел такого желания.

— Хорошо, что я здесь всем почти чужая, — произнесла миссис Пайн-Эйвон; она теперь сидела на диванчике, а Пирстон стоял чуть поодаль. — Не хотелось бы мне походить на мою кузину; о нет, ни за что на свете! Она боится, как бы ее мужа не «задвинули» на грядущих выборах, и готова на все, чтобы не допустить этого.

— Вы правы: настоящие игроки в политике — женщины; мужчины для них — всего лишь карты в колоде. Очень жаль, что политика для государственных мужей только игра, вроде крикета, а не серьезное и ответственное дело.

— Ах, лишь немногие согласны, что основу каждой нации составляют обитатели сельских домишек[23], как сказал один человек, не помню кто.

— Да, верно. Только я не ожидал услышать от вас эту цитату.

— Пусть сама я аполитична, зато мои родственники помешаны на политике. А я считаю, что в любые времена государство должно придерживаться одного курса. Чтобы его определить,

---

[23] Примечания: 23

Фраза принадлежит Джону Брайту (*англ.* John Bright, 1811–1889), британскому политическому деятелю.

следует напрячь все силы, мы же лавируем меж двух дорог, делаем зигзаги в угоду той партии, которой дана власть.

Найдя точки соприкосновения в самом начале беседы, Пирстон и миссис Пайн-Эйвон и далее легко соглашались друг с другом. В четверть первого пополуночи Пирстон покинул салон; идя к поджидавшему его хэнсому, он миновал экипаж посланника, и посланниковы лошади пыхнули на него паром из ноздрей. Пирстон почти не сомневался, что Возлюбленная вновь явилась, причем без усилий с его стороны; да и не стал бы он по доброй воле возвращать источник своих проблем.

Тем не менее, Пирстон сознавал: хотя перед ним, возможно, и танцует, как бывало, его Любовь, за нею, НАД нею стоит Богиня, и она-то дергает за ниточки сию марионетку. Как раз недавно Пирстон-скульптор возобновил дерзкие попытки запечатлеть Богиню во всех ипостасях. Он сделался одержим этой идеей, но его усилия потерпели крах. Возможно, Богиня теперь карает Пирстона с новой силой, ведь он не сумел удовлетворить Ее непомерное тщеславие, он представил Ее в образах, плачевно далеких от оригинала.

2. II
Она приближается – и не разочаровывает

Пирстону все грезились глаза миссис Пайн-Эйвон, хотя ее лицо он помнил смутно. Но глаза — большие, пытливые, лучистые! А каштановые волосы, а их блеск; чтобы его подчеркнуть, миссис Пайн-Эйвон не нуждалась в диадемах. На приеме, к слову, была одна высокородная дама, тоже вдова; так вот она водрузила себе на голову бриллианты этак на десять тысяч фунтов, но выглядела не лучше, чем если бы надела девятипенсовый чепец из муслина, какой носят горничные.

Возникал вопрос: следует ли Пирстону снова увидеться с миссис Пайн-Эйвон? У него имелись сомнения. К несчастью (как позднее выяснилось), на выходе из салона Пирстон столкнулся с миссис Брайтуолтон — достопочтенной миссис Брайтуолтон; эта семидесятилетняя дама считалась его другом. Она пригласила его через день отужинать, с присущей ей прямотой заявив, что сделала бы это еще две-три недели назад, будь

Пирстон в Лондоне. Если что и было Пирстону по нраву в светской жизни, так именно вот такие спонтанные приглашения, когда на его особу падал выбор устроителей ужина, узнавших, что некий епископ, граф или помощник министра не придет, и рассудивших, что месту за столом пустовать не годится. Когда же достопочтенная миссис Брайтуолтон добавила, что на ужине будет леди, которая так впечатлила Пирстона, он согласился без колебаний.

Во время ужина Пирстон полностью завладел вниманием миссис Пайн-Эйвон; говорил он с ней одной. Затем, в гостиной, они некоторое время провели порознь, чтобы не вызвать толков, но вскоре взаимное притяжение соединило их, и вечер они завершили в компании друг друга. Откланиваясь уже в двенадцатом часу, Пирстон чувствовал: сквозь эти лучистые серые глаза глядит на него та Единственная, которой он хранил верность; да, она избрала этот приют, и, похоже, надолго. Но это не все. При прощании он почти бессознательно сжал ладонь миссис Пайн-Эйвон; пожатие было особого, неописуемого сорта, и миссис Пайн-Эйвон на него ответила — легчайшей пульсацией, в посыле которой нельзя ошибиться. Одним словом, она давала согласие.

Но вот был ли сам Пирстон готов идти дальше?

До сих пор его флирт с миссис Пайн-Эйвон по праву считался безобидным; но разве знала она историю Пирстона, разве подозревала о проклятии, обреченности быть Вечным Жидом в мире любви? Разве догадывалась о его тщетном стремлении к идеалу и о том, что Пирстон-художник давно подмял под себя Пирстона-воздыхателя? А страх, который не отпускает его ни на минуту — вдруг женщина вдвое его достойнее поверит ему, тогда как его намерения, пусть искренние, не могут быть осуществлены? А его прискорбная непригодность — в практическом смысле — к роли мужа и отца семейства, хотя, Господь свидетель, он всем сердцем стремится завести семью? Ему сравнялось сорок; миссис Пайн-Эйвон, наверное, около тридцати; нельзя с беспечным эгоизмом незрелого мужчины втягивать ее в связь, не ведущую к браку. Недостойно продолжать знакомство, не открывшись ей, даром что пока она не требует откровенности.

Короче, Пирстон решил без промедления навестить Новую Инкарнацию.

Ее дом был неподалеку, на длинной, фешенебельной Хэмптоншир-сквер, и Пирстон отправился туда, внутренне готовый пережить бурю

эмоций — это как минимум. Однако уже шнур дверного звонка показался ему холодным; почему бы это, ведь миссис Пайн-Эйвон сама звала его в гости?

Красноречивая сдержанность обнаружилась не только в вещах — она была и в хозяйке дома, и наш скульптор оробел. Двери, через которые лежал его путь, словно бы целый месяц не открывались; наконец, войдя в просторную гостиную, Пирстон узрел у дальней ее стены, в кресле, некую леди, к которой и направил свои шаги по ковру и которой в итоге достиг. Это, конечно, была миссис Никола Пайн-Эйвон — только словно покрытая инеем неприязни; воистину, необъяснимый факт. Подняв глаза над книгой и придав взгляду легкое недоумение, она откинулась на спинку кресла, словно рассчитывала получить наслаждение чувственного характера, к которому Пирстон явно был непричастен, а, выслушав его приветствие, обронила несколько банальнейших слов.

Бедняга Джоселин, хоть и обладал, в известной мере, выдержкой, поначалу очень расстроился из-за такого приема. Он ведь уже почти полюбил Николу — поэтому ему сделалось тоскливо; он даже чувствовал нечто вроде мстительной оби-

ды. К счастью, любовь еще только зарождалась. Внезапно Джоселин осознал всю иронию своего положения и благодаря ей до конца визита как бы парил над ситуацией, едва-едва не смеясь вслух. Миссис Пайн-Эйвон указала ему на стул и занялась пристальным изучением своих перстней.

Они вяло обсудили последние новости, когда вдруг на улице заиграла шарманка. Зажигательный этот мотивчик Пирстон не раз слышал в мюзик-холлах и, чтобы задать беседе новое направление, спросил, знакома ли мелодия миссис Пайн-Эйвон.

— Ни в коей мере! — был ответ.

— Тогда я просвещу вас, — с серьезной миной начал Пирстон. — Основой для этой мелодии послужил старинный танец «Хорнпайп[24] для Джилл». Точно так же, как Мадейру превратили в порт за одну-единственную ночь, так и этот мотивчик был заимствован, подправлен, вывернут наизнанку и выдан за новую популярную песенку.

— Неужели?

— Имей вы обыкновение посещать мюзик-хол-

---

[24] Примечания: 24

Хорнпайп — танец кельтских народов Ирландии и Британии, близок к джиге. Название происходит от древнего духового язычкового инструмента.

лы и бурлеск-шоу…

— Что же тогда?

— Вы постоянно слышали бы эту мелодию, и она производила бы на вас прекрасное действие.

Миссис Пайн-Эйвон немного оттаяла, и они заговорили об ее доме, стены которого как раз недавно были выкрашены и оклеены атласом на высоту человеческого роста. Зеленовато-голубой оттенок освежал чуточку поблекшее, хотя все еще красивое лицо хозяйки, а помогали ему в этом маркизы на окнах.

— Вот уже несколько лет, как я живу в этом доме, — заметила миссис Пайн-Эйвон не без самодовольства, — и он хорошеет с каждым годом.

— Разве вам не бывает здесь одиноко?

— О нет, никогда!

Дружелюбие миссис Пайн-Эйвон росло и достигло известной степени. Когда же Пирстон поднялся, чтобы откланяться — то есть сразу после того, как весьма кстати появились три дамы — хозяйка даже вроде бы огорчилась. Она попросила его прийти снова; он решился на откровенность.

— Нет, я этого не желаю, — выдал Пирстон тихо, чтобы гостьи его не слышали.

— Какой неучтивый ответ! — вырвалось у мис-

сис Пайн-Эйвон; они как раз подошли к дверям гостиной.

— Да, он таков. Прощайте, — бросил Пирстон.

Чтобы наказать его, хозяйка не позвонила в колокольчик, предоставив Пирстону самому искать выход.

— Ума не приложу, что за дьявольщина, — сказал он себе, замерев на лестнице, хотя смысл произошедшего буквально таращился на него.

Тем временем одна из молодых дам спросила хозяйку:

— Кто этот интересный мужчина? Ах, как хороши его волосы! Недавно я видела его у леди Чэннелклифф.

— Джоселин Пирстон.

— О, Никола, как вы это допустили? Позволили ему уйти, не представив нам, а ведь я, кажется, все бы отдала за такое знакомство! Я мечтаю об этом с тех пор, как обнаружила, сколь сильно жизненный опыт мистера Пирстона сказывается на его творениях. Об опыте же мне известно из одной джерсийской газеты. Пишут, что некая дама, которая много лет назад сбежала с мистером Пирстоном, но не стала его женой из-за каких-то ею же и придуманных принципов, вышла замуж за другого.

— Неужели венчания не было? — воскликнула миссис Пайн-Эйвон. — Я не далее как вчера слыхала, будто они все-таки поженились, но с первых дней жили порознь.

— Ничего подобного, — возразила молодая гостья. — Ах, я бы прямо бегом за ним бросилась бежать!

Однако Джоселин удалялся от дома вдовы огромными шагами. Следующие несколько дней он прожил почти затворником, но спустя неделю отправился, как официально приглашенный, ужинать к леди Айрис Спидвелл; он всегда принимал приглашения этой дамы, ибо она считалась в Лондоне лучшей устроительницей приемов.

Так получилось, что он прибыл довольно рано. Леди Айрис как раз вышла проверить, должным ли образом накрывают на стол. В гостиной, куда Джоселина проводила прислуга, стояла, освещенная лампой, не кто иная, как Никола Пайн-Эйвон, приехавшая самой первой. Джоселин никак не ожидал ее встретить, хотя, по правде говоря, на приемах леди Айрис возможны встречи с кем угодно.

Миссис Пайн-Эйвон только-только успела выйти из гардеробной; она заговорила с Джоселином так кротко и так виновато, что он поневоле про-

явил дружелюбие. Начали прибывать другие гости, и Джоселин с Николой скрылись в дальней нише. До самой трапезы Никола не умолкала, а Джоселин внимал ей.

В столовую ему надлежало вести другую даму, но, заняв место за столом, он обнаружил, что миссис Пайн-Эйвон сидит как раз напротив него. Ее лицо в мерцании свечей казалось свежим и милым. Джоселин вдруг сообразил: да ведь тогда, в доме на Хэмптоншир-сквер, она была холодна потому, что узнала о Марсии — притом получила неверную информацию. Сам Джоселин уже много лет не имел сведений о Марсии Бенком. В любом случае, он не был склонен игнорировать женскую благосклонность, которая, как он давно понял, не зависит ни от фактов, ни от доводов рассудка, ни от перспектив, ни от его, Пирстона, личных заслуг.

Итак, Джоселин продолжал угощаться, ловя взгляды миссис Пайн-Эйвон; она даже умудрялась время от времени любезничать с ним — через весь стол. Джоселин лишь отвечал ей, как это принято правилами хорошего тона, но сама миссис Пайн-Эйвон определенно делала ему авансы. В нем возродилась симпатия к ней, хотя одной мысли о холодном приеме хватило, чтобы

Джоселин «закрылся»; хватило ее и для того, чтобы усомниться, действительно ли Возлюбленная обитала в этой плотской оболочке, действительно ли эта интересная, достойная женщина стала для Фантома чем-то большим, нежели самое кратковременное из всех пристанищ.

Джоселин размышлял над этой загадкой, параллельно оттаивая под влиянием трогательных заигрываний миссис Пайн-Эйвон. Вот ему понадобился носовой платок; он полез в карман, и под его ладонью что-то зашуршало. То было письмо, доставленное, когда Джоселин выходил из дому. Он машинально спрятал его, думая прочесть в кебе, да позабыл о нем. Теперь он извлек письмо и по штемпелю понял, что оно пришло с родного «острова». Странно; вроде бы на «острове» у Джоселина не осталось знакомых, которые могли бы писать к нему.

Справа от него за столом сидела ведущая лондонская актриса (если уж совсем точно — ведущая актриса всего Соединенного Королевства, а заодно и Америки); существо в одеянии воздушном, прозрачном, словно какой-нибудь бальзам или желейная плоть морского анемона; в одеянии, не оставляющем тайн для наблюдателя. Что до повадок этой дамы, она вызывала ассоциации

с превосходно смазанным, оснащенным многочисленными проводками механизмом — стоит только в таком механизме нажать на нужную пружинку, как начинается работа. В данном случае «пружинкой» было профессиональное признание, которого дама заслуживала — и жаждала. Когда Пирстон обнаружил письмо, она увлеченно говорила со своим соседом справа — представителем венценосного семейства, чей голос был гулок и властен и доносился словно бы из пятивековой глубины феодального прошлого. Слева сидела супруга лорда судьи апелляционного суда; ее также полностью поглотил разговор с другим соседом по столу. Выходило, что Пирстон предоставлен самому себе. И он воспользовался ситуацией — вскрыл конверт, замаскировал письмо салфеткой и стал читать, уверенный, что никто за ним не следит.

Письмо оказалось от жены бывшего работника отцовской каменоломни. Она просила, чтобы Пирстон помог ее сыну занять некую должность, но в самом конце был пассаж, его ошеломивший.

«Вы огорчитесь, сэр, когда узнаете, что милая малютка Эвис Каро, как мы звали ее в девичестве, отдала Богу душу. Она обвенчалась со своим кузе-

ном — так уж вышло — и на много лет покинула наши края. Возвратилось семейство год назад. Эвис вскоре овдовела, с тех пор все угасала, и вот ее больше нет с нами».

2. III
Она становится недосягаемым призраком

Постепенно и неуловимо для Пирстона изменилось место действия — с такой отчетливостью он ощутил присутствие своей первой невесты. Он как бы очутился на родном острове Виндилия, каждый уголок которого был тесно связан с Эвис Каро. Вся обстановка столовой исчезла; Пирстон вновь стоял на Мыске, и море гнало к нему свои волны с запада. Импозантная маркиза в платье цвета темно-красной герани и в бриллиантах, сидевшая справа от хозяина дома и хорошо видная Пирстону, трансформировалась в огненный, киноварный закат над Мертвячьим заливом — один из тех, что Пирстон наблюдал вместе с Эвис. Ее лицо выплыло над столом, заслонив от Джоселина судью — соседа Николы, который, судя по раздраженной коже подбородка, брился каждые пятнадцать минут. Призрачная Эвис устремила на жениха все тот же прощальный взор. Далее, в морщинах вечно молодящейся светской львицы, которая, будь она несколькими годами старше,

выглядела бы столь же старомодной, как ее собственная дочь, Джоселину привиделись складки горной породы в каменоломнях их с Эвис отцов, где они сами сотни раз лазали, будучи детьми. Плющ, вышитый на скатерти, стал для Пирстона плющом на развалинах замка, свечи — огнями маяков, а цветочные композиции на столе — пучками водорослей. Наконец, соленый морской ветер вытеснил ароматы кушаний, а вместо жужжанья разговоров Пирстон теперь слышал извечный монолог прибоя.

Самая серьезная метаморфоза постигла Николу Пайн-Эйвон. Ни намека на недавнее сияние не осталось в ее облике, и ничто уже не выделяло ее среди знакомых Пирстона — никакая особенность. Она перешла в разряд сугубо материальных объектов, сделалась оболочкой из плоти и костей, без внутреннего наполнения, и ни черты ее лица, ни силуэт больше не казались Пирстону живыми литерами тайного языка.

После трапезы дамы удалились в гостиную при столовой, но ничего не изменилось для Пирстона. Душа Эвис — единственной среди любивших его женщин, которую сам он не любил — простерлась над ним подобно небосводу. Искусство в лице одного из самых выдающихся портретистов

приблизилось к нему ради беседы, — но для Пирстона существовал сейчас только один художник — его память. Цвет европейской хирургии, воплощенный в безобидном и непритязательном пожилом джентльмене, обратился к Пирстону. Руки сего милого старичка многажды вскрывали живые тела — но лилейно-белая плоть никому не известной юной «островитянки» заморозила Пирстонов интерес к хирургическим операциям.

Он вошел в гостиную, желая переговорить с хозяйкой дома. Даром что у этой леди ужинали разом двадцать три человека, ей были известны не только реплики каждого гостя, но и его мысли. Давно водя дружбу с Пирстоном, она тихо произнесла:

— Что вас так тревожит? Ведь вы встревожены, и всерьез, не правда ли? Я наблюдала за вами и все поняла по вашему лицу.

Ничто не могло слабее выразить значимость новости, полученной Пирстоном, нежели ее словесное изложение. Пирстон признался, что читал за ужином письмо из родных краев.

— Скажу не таясь: эту женщину — единственную из всех — я ценил слишком мало. Поэтому утрате суждено терзать меня до конца моих дней.

Неизвестно, сочла ли леди Айрис это объяснение удовлетворительным или нет, но, как женщина опытная, она приняла его. Ее — единственную из дам, знакомых Пирстону, — не мог удивить никакой, даже самый нелепый его поступок, и потому ей то и дело перепадали обрывки Пирстоновых откровений.

Больше он не подошел к миссис Пайн-Эйвон — просто не смог; он не нанял кеба и весь путь домой проделал пешком. Он двигался как во сне. У себя в комнате он уселся, закинув руки за голову, и принялся заново прокручивать недавние мысли.

Тут же стоял секретер; Пирстон выдвинул нижний ящик, извлек шкатулку, заколоченную гвоздями, и посредством кочерги сорвал крышку. За последние годы в шкатулке накопилось изрядно реликвий — Пирстон складывал туда всякую всячину, мысля когда-нибудь навести порядок. И вот из печального множества писем, выцветших фотографий, печатей, дневников, засушенных цветков и тому подобного он вынул миниатюрный портрет — фото на стеклянной пластинке, сделанное в те времена, когда фотография как искусство только зарождалась, и самым банальным образом обрамленное блестящей тесьмой.

На Пирстона глядела Эвис Каро — такая, какой она была в течение двух месяцев того памятного лета на «острове»: свежие губки сжаты, пальцы рук сцеплены. Благодаря особому эффекту таких фотографий, модель казалась еще более кроткой, чем в действительности. Пирстон припомнил, когда именно сделали снимок; они с Эвис провели тот день вместе, отправились в ближайший курортный городок. Там оказался бродячий фотограф, мысль же воспользоваться его услугами — запечатлеть Эвис среди дюн — пришла Пирстону за неимением других занятий. Он вперил взор в фотографию, и чувства к модели, которые проклюнулись после прочтения письма, скоро вызрели. Пирстон любил ту, что умерла, ставши для него недоступной, так, как никогда не любил ее, пока она жила и дышала. В эти двадцать лет он вспоминал об Эвис лишь изредка, да и то, как о девушке, на которой мог бы жениться. Но теперь, думая о детской и отроческой дружбе с нею — времени, когда ее невинная душа со всеми своими особенностями была ему открыта, Пирстон изнемогал от щемящей тоски. Он пылал запоздалой страстью, приправленной горечью раскаяния, и не было слов, чтобы вполне выразить его чувства.

Тот поцелуй, столь сильно задевший Пирстонову гордость и столь спонтанно ему подаренный Эвис, когда женственность еще не пробудилась в ней; о, чего бы Пирстон сейчас не дал хотя бы за четверть тогдашних своих эмоций!

Пирстон, можно сказать, злился на себя за глупые чувства — столь необоснованно, неоправданно сильны они были к утраченной подруге детства.

— Ну можно ли так убиваться! — воскликнул он в сердцах: ему не спалось в одинокой постели.

Почти все эти двадцать лет Эвис Каро была женой другого; сейчас она и вовсе — бездыханное тело. И все же абсурдность не умаляла Пирстоновых мук. Ясно было: новорожденная любовь к непостоянному Фантому излучает собственный чистый свет; едва это осознав, Пирстон перестал с собой бороться. Ничего плотского — плоть мертва. Осталась только любовь — так после тщательного отжима розовых лепестков остается капля драгоценной эссенции. Чувств, подобных этим, Пирстон раньше не ведал.

Назавтра ближе к вечеру он отправился в клуб, но не в фешенебельный, где многочисленные члены едва говорили друг с другом, а в меньший, по-домашнему уютный, где запросто обсужда-

лись последние новости и никто не стеснялся признаться в слабостях и ошибках, зная: тайна не выйдет из этих стен. Однако рассказать о своем летучем, неосязаемом чувстве у Пирстона язык не повернулся. Облечь его в слова было бы так же трудно, как запереть в клетку аромат.

Товарищи по клубу заметили перемену в Пирстоне и предположили, что он влюблен. Пирстон не спорил, но и ходу разговорам не дал. Уже дома, у себя в спальне он подошел к окну и стал прикидывать, в какой стороне сейчас пребывает его бесценная. Разумеется, глядеть нужно прямо перед собой, а точка — она как раз под серпом месяца. О, сколь ярко сияет его серебряная тетива, но это свечение все же не ярче, нежели совершенства утраченной подруги. Под луной остров — Логово пращников; на острове дом, от цоколя до печной трубы сложенный из камня. В окна льется лунный свет, подчеркивая белизну савана, в который закутана Эвис; до нее доносятся едва различимые, сугубо «островные» звуки: тюканье молотков в каменоломнях, пульсация волн в Мертвячьем заливе, да еще приглушенный, хоть и несмолкаемый, шум вечного океана.

И Пирстон принялся облагораживать истину. Почившая Эвис, даром что не воспламенила

его, обладала основополагающим качеством, которого не имели ее соперницы и без которого, похоже, в Пирстоне не могло расцвести постоянство в отношениях с женщиной. Подобно семье Пирстон, семья Каро жила на «острове» испокон веков; предки Эвис видели и норманнов, и англов, и римлян, и англичан в те времена, когда ими был захвачен остров Менорка[25]. Как и в самом Пирстоне, в Эвис присутствовал некий таинственный элемент, полученный из почвы и воздуха «острова»; или, лучше сказать, Пирстон чуял в ней «свою», и ощущение принадлежности к одному племени было необходимо для абсолютной гармонии. Отсюда вывод: хотя он, Пирстон, возможно, никогда не полюбит женщину-«островитянку» по причине ее неотесанности, не полюбит он и женщину из числа «кимберлинов» — из-за ее чуждости, из-за того, что на «фундамент» ее нрава пошел иной «материал».

Вот так Пирстон смотрел на вещи. И тут следует упомянуть еще об одной его странности, предрассудке сугубо профессиональном. Каро

---

[25] Примечания: 25

Менорка — один из четырех островов Балеарского архипелага в Средиземном море у восточного побережья Испании. Коренные жители были искусными пращниками. По итогам Войны за испанское наследство Менорка перешла к англичанам (1705 г.).

считали, что происходят от римлян (уверенность, характерная для многих старинных семейств «острова»); это уж после римскую кровь обогатили исконные «островитяне» — пращники. И действительно: всякий, кто, подобно Пирстону, видывал итальянских земледельцев, нашел бы их черты в лице любого из современных «островитян». Вдобавок имелись доказательства, что римские колонизаторы некогда населяли этот уголок Британии и были многочисленны. Сохранились слухи о храме Венеры — якобы дорога, проложенная римлянами из конца в конец «острова», как раз к этому храму и вела. Изначально, пожалуй, храм был посвящен богине любви, почитаемой древними пращниками. И что же удивительного, если истинная звезда Пирстоновой души сияет именно в дочери исконно «островного» семейства?

После обеда к Пирстону заглянул старый приятель — Сомерс; он закурил, и после пары фраз упомянул некое собрание, где друзья должны были встретиться назавтра.

— Я не приду, — сказал Пирстон.

— Ты же обещал!

— Пусть так; но мне срочно нужно на «остров». Я хочу навестить могилу одной женщины.

Говоря так, Пирстон отвел глаза. Взгляд его устремился к столу и замер. Оказалось, он смотрит на фотографию, поставленную вертикально.

— Это она? — уточнил Сомерс.

— Да.

— Дело давнее, не так ли?

Пирстон кивнул в знак согласия и пояснил:

— Это, Альфред, единственная из моих пассий, которой я пренебрег, в то время как должен был любить и беречь ее. Все из-за моей извечной глупости.

— Послушай, раз она мертва, ты можешь в любое время посетить ее могилу и отдать должное старому чувству.

— Ее, кажется, еще не похоронили.

— Но ведь завтра собрание в Академии! Неужели ты не можешь предаться сентиментальности в другой день?

— Плевать мне на Академию.

— Пирстон, из всех современных скульпторов лишь в тебе одном горит пламень вдохновения. Ты — наш Пракситель, или даже Лисипп. Пожалуй, сейчас ты единственный умеешь создавать фигуры, которые едва только не дышат; благодаря тебе праздная толпа отвлекается от живописных полотен и заполняет Лекционный зал, обычно

ею игнорируемый. Все, кто видел твои последние работы, утверждают, что с шестнадцатого века, то есть после ухода в мир иной «титанов», ничего подобного в искусстве ваяния не бывало. Ради нас ты должен остаться в Лондоне — ты здесь нужен, а не мчаться очертя голову на богом забытую скалу среди морских волн — и все ради женщины, которую ты сто лет не видел.

— Не сто лет, а всего девятнадцать; и еще девять месяцев, — отвечал Пирстон, демонстрируя неуместную точность.

На следующее утро он уехал.

За эти годы по галечной косе проложили железную дорогу, и «остров» стал легкодоступен во всякое время, кроме того, когда штормами разрушало рельсы (что случалось весьма часто). В два часа пополудни модная новинка — локомотив — прогрохотал вдоль каменной гряды унылого серо-коричневого цвета, а вскоре Пирстон высадился на вокзале, который казался чем-то нездешним среди черных лерретов, останков селения, разрушенного штормом, и белых глыб оолитового известняка, что в течение многих геологических эпох были скрыты и вот обнажились.

Еще въезжая на галечную косу, поезд прошел

совсем близко от замка Генриха Восьмого, или, как его иначе называли, Сэндфутского замка — именно до этих руин Эвис обещала проводить Джоселина. Если бы она повела себя, как обычная нареченная невеста, могли быть известные последствия, а поскольку еще ни один «островитянин» в таких случаях не нарушал слова, Джоселин женился бы на Эвис.

Он преодолел крутой склон, оказался там, где каменотесы, как в былые времена, занимались своим делом, и стал глядеть на юг, а точнее, на Мысок; визг, издаваемый камнерезными пилами, не раздражал его.

Над очертаниями скал пролегла ровная линия горизонта, а несколько дальше, на глади морской, наблюдалось вечное бурленье. Сия пучина была известна среди местных как Котел; не одного Люсидаса увлекла она, отправив «к насельникам ужасным тьмы подводной»[26].

Как раз против полоски воды, где под полуденным солнцем посверкивал спинками косяк макрели, Джоселин различил колокольню — она находилась примерно в четверти мили от него,

[26] Примечания: 26

Цитата из поэмы Джона Мильтона «Люсидас» дана в переводе Ю. Корнеева. Мильтон посвятил поэму своему утонувшему другу, представив его в образе юного греческого пастуха.

несколько ближе, чем маяк, на самом краю обрыва. Кладбище также хорошо просматривалось; силуэты надгробных камней четко вырисовывались на фоне беспокойного моря.

Среди могил двигалась мужская фигура; просторное белое одеяние дыбилось под порывами ветра. Следом шли шестеро, неся на плечах длинный ящик; в конце маленькой процессии — еще два-три человека в черном. Казалось, существо о двенадцати ногах ползет по диагонали; над ним скрещивались и расходились маячные лучи, «брюхо» испещряли «зайчики» от блестящих рыбьих спинок. На миг под этим «брюхом» возникла далекая рыбачья лодка.

Процессия добралась до места и остановилась, и долго стояла на ветру, над неспокойным морем; ветер бился в подол пасторской альбы[27]. Джоселин снял шляпу; он тоже присутствовал на похоронах, даром что находился за четверть мили от могилы. Он даже как будто улавливал звуки речей, произносимых над усопшей, хотя слышен был только свист ветра.

Инстинкт подсказывал Джоселину, что земле

---

[27] Примечания: 27

Альба — одеяние протестантских и католических священников, длинная белая подпоясанная рубаха. То же, что стихарь в православной церкви.

предают не кого-нибудь, а Эвис Каро; ЕГО Эвис, как он уже начал самонадеянно ее называть. Наконец, скорбящие удалились, пятнаемые бликами волн морских, и исчезли из виду.

Не в силах идти к свежей могиле, Джоселин долго и бесцельно бродил по пустоши, вспоминая: вот здесь он проводил время с Эвис, и вот здесь, и вот здесь. Однако он был словно на привязи; он ежесекундно сознавал, что держится поблизости от кладбища, ибо «колышек» вкопан на могиле Эвис Каро. Так он кружил, причем по мере того, как сгущались сумерки, радиус этих кругов делался все короче, а кончилось тем, что Джоселин вступил в церковные ворота.

Здесь не было ни души. Свежая могила сразу бросалась в глаза, а когда взошел молодой месяц — ровно тот же, на который Джоселин глядел накануне из окна своей лондонской квартиры, — стали видны следы тех, кто провожал Эвис в последний путь. С наступлением темноты ветер утих; распахнулось единственное око маяка. Не желая покинуть место, возвеличенное как воспоминаниями о прошлом, так и нынешним раскаянием, Джоселин шагнул к церковной стене. Камни еще хранили дневное тепло, и он уселся под окном так, чтобы видеть могилу.

2. IV
Она пугает новым воплощением

Только и слышалось, что пришепетывание волн, которые льнули к скалистому берегу, — ведь каменотесы окончили свой труд. Джоселин не ведал, сколько так просидел — одинокий, погруженный в раздумья. Не понял он и другого (хотя его давно уже клонило ко сну), а именно, что незваная печаль, это мягко действующее снотворное, убаюкала его, и он вовсе потерял счет времени и всякое понятие о том, где он и почему. И вот в эту минуту, а может, несколько минут, ему грезилась Эвис Каро; она, озаренная лунным светом, покинула могилу.

Не постаревшая ни на год, не погрузневшая ни на унцию, не погрубевшая лицом ни на йоту, Эвис была ровно такая же, какой Джоселин видел ее двадцать лет назад, при расставании, в переулке. Но тут здравый смысл, возмущенный нереальностью сего феномена, очнулся в Джоселине, и сонливость живо соскочила с него. Он понял, что Эвис была только грёзой.

— Наверное, я заснул, — сказал он себе.

Однако Эвис казалась куда как реальной. Тем не менее, Джоселин отмахнулся от данного факта; он стал убеждать себя, что, даже если в злополучном письме — неправда и Эвис жива (что немыслимо), ее юность сохраниться не могла — тут и лунный свет был бы бессилен. Эвис точно не выглядела бы как почти двадцать лет назад. Если Джоселину явилось существо из плоти и крови, значит, это другая женщина — не Эвис Каро.

Дань сентиментальности он отдал, могилу посетил; больше на «острове» ему было делать нечего. Джоселин решил вернуться в Лондон нынче же, однако до поезда еще оставалось время, и вот, повинуясь естественному порыву, Джоселин направился в Ист-Куорриз, деревню, родную для него и для Эвис. На рыночной площади он свернул к особняку под названием «Замок Сильвания». Это был большой частный дом сравнительно недавней постройки. Участок при доме мог похвалиться единственной на весь «остров» рощицей; других деревьев здесь не росло. К ограде «Замка Сильвания» вплотную подступали более скромные коттеджи, и последним в ряду стоял домишко Эвис — собственность семейства Каро, а не арендованное жилье. Там, наверное, она и скончалась.

Чтобы добраться до него, пришлось миновать ворота «Замка Сильвания»; на ограде над лужайкой Джоселин заметил табличку «Сдается внаем со всей обстановкой». Еще через несколько шагов ему предстал домик Эвис Каро. Его построили из массивных камней столетия два, если не три назад, но кладка была надежна, и всем своим видом этот дом говорил: мне время нипочем, не то что этим шаблонным новоделам. Взгляд Джоселина невольно устремился на окно — незанавешенное, хотя в комнате горела лампа. Джоселин отступил в тень противоположной стены и стал наблюдать.

У стола, покрытого белой скатертью, хлопотала молодая женщина: она убирала в буфет чайную посуду. Это была точная копия утраченной Эвис; это ее Джоселин только что видел на кладбище и принял за иллюзию или мечту. И пусть теперь не закрадывалось сомнений в том, что она реальна, ошеломляло само ее положение — одна, в притихшем, пустом доме. Объяснение сулили шаги по улице; Джоселин принялся ждать, и через несколько минут с ним поравнялся каменотес, спешивший домой. К нему-то Джоселин и обратился за разъяснениями.

— Это, сэр, будет дочка покойной миссис Каро;

ох, я чаю, и тошно ей, бедняжке, нынче! А что до сходства с матерью, так сами видите: как две капли похожи; это и все признают.

— Но как же вышло, что девушка осталась совсем одна?

— А так и вышло, сэр: один братец ейный утоп, другой в Америке обретается.

— Кажется, семья раньше владела каменоломней?

Каменотес тут же оседлал своего любимого конька и в подробностях поведал мнимому кимберлину, что на «острове» добычей камня занимались три семьи, причем представителям последнего поколения каждой из них пришлось отчаянно конкурировать. Звались они Бенкомами, Пирстонами и Каро. Бенкомы из кожи вон лезли, чтобы затоптать конкурентов, и частично преуспели. Они сделались сказочно богаты, продали бизнес и покинули «остров», где к ним так благоволила удача («с концами, стало быть, убрались, сэр»). Пирстоны, те еще упрямцы, держались середины; дела у них шли неплохо, но пыль другим в глаза пускать — это не про них сказано; в свой черед и они сошли со сцены. А вот Каро… Каро конкуренции не снесли. Дочка вдовы Каро вышла за своего кузена, Джима Каро;

он старался вернуть семейству былое положение, подряды брал, которые заведомо выполнить не мог, совсем увяз в спекуляциях — ну и разорился, понятно. Каменоломня ушла с молотка, семья уехала. Потом, правда, Каро вернулись, заняли дом — наследство новопреставленной Эвис Каро. Там Джим и помер, а его вдова отправилась следом за ним — доконали невзгоды сердешную.

Каменотес пошел своей дорогой, а Пирстон, мучимый глубоким раскаянием, постучался в крошечный домик. Девушка сама открыла ему; она стояла, держа в руках лампу.

— Эвис! — вырвалось у Пирстона, и голос его дрогнул от нежности. — Эвис Каро!

Даже теперь он не мог преодолеть странное чувство, что ему не сорок, а двадцать лет, и обращается он к брошенной им девушке.

— Нет, сэр: Энн меня звать, — возразила она.

— Значит, тебя не по матери нарекли!

— Эвис — мое второе имя, сэр. И фамилия матушкина, ведь она, бедная, обвенчалась со своим кузеном.

— Здесь все так делают… Что ж, зовись ты хоть Энн, хоть как-нибудь еще, а для меня ты — Эвис. Сиротой, значит, осталась, милая?

— Да, сэр.

Девушка говорила тем же звонким голосом, которому Пирстон внимал много лет назад; глаза ее, знакомого орехового оттенка, так же вопрошающе глядели ему в лицо.

— Я знавал твою матушку, — начал Пирстон, — и взял на себя смелость постучаться в твой дом, услышав, что она скончалась и предана земле. Ты ведь извинишь меня, чужака?

— Да, — безучастно сказала она и обвела глазами комнату. — Этот дом был матушкин, а теперь он мой. Простите, сэр, что я не в траурном платье, хотя матушку лишь нынче похоронили. Надо было снести цветов ей на могилку, а уж смеркалось; непременно, думаю, креповое платье замочу росой, испорчу. Вот и надела другое, обыкновенное. Матушка долго хворала, потому мне и приходится осмотрительной быть; я, сэр, белье стираю да утюжу, тем и живу. Матушка тоже стирала на чужих людей; выкручивала она однажды простыни для этих, которые в Замке, и так-то неловко дернулась, что в боку у ней будто что испортилось.

— Надеюсь, деточка, хотя бы ты не травмируешь себя.

— Нет, этому не бывать, пока здесь Чарл Вуллат, да Сэмми Скриббен, да Тед Джибси, да другие

парни; они чего угодно для меня выкрутят, коли рядом случатся. Только я им тонкое белье не даю: третьего дня Сэм Скриббен вот этак отжимал льняную скатерть — да и порвал надвое, словно она бумажная. Право слово, парни в этом деле никакого удержу не знают.

Эвис Вторая, хоть и имела тот же тембр голоса, производила впечатление особы куда более приземленной и легкомысленной, чем Эвис, которую помнил Пирстон; вдобавок она явно не получила приличного образования. Эта Эвис никогда не стала бы декламировать стихи ни с местной, ни с какой-то другой сцены — проникнуться огнем поэзии ей было не по уму. Едва Пирстон это понял, его постигло разочарование. И все же очень немногие женщины до сей поры имели над ним такую власть, как эта малютка — он положительно не мог расстаться с ней.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Девятнадцатый год пошел.

Эвис Первой, ее копии, было столько же, когда, невеста Пирстона, она бродила с ним по здешним каменистым кручам. Но самому-то ему сравнялось сорок. Перед ним, скульптором, членом Королевской Академии художеств, человеком с состоянием и репутацией, стояла необразован-

ная прачка; почему же именно сейчас пришло это неприятное осознание — что он вдвое старше ее?

Пирстон не сумел придумать нового предлога для задержки и попрощался с Эвис Второй. Имея в запасе еще полчаса, он направился к «Сильвании», только по другой дороге. Двигаясь с запада, он оказался рядом с бывшим отцовским домом. В летние месяцы дом сдавали в аренду, а теперь он был пуст и тих, только ветерок шевелил бересклет и тамариск, что росли в палисаднике (другие кустарники не выдерживали соленых брызг, приносимых штормами). Напротив дома, далеко в море, мигал с песчаной отмели знакомый плавучий маяк, и Пирстоном вдруг овладела дичайшая блажь: не надо ему репутации гениального скульптора, а вот бы он стал человеком никому не известным, пусть даже вовсе неграмотным; жил бы на «острове», обхаживал бы соседку — прачку-милашечку — и в свой срок добился бы ее благосклонности.

2. V
Продолжение – следует

По возвращении в Лондон привычная жизнь возобновилась, но Пирстон вел ее машинально, пребывая на самом деле совсем в других местах. Фантом, обретший плоть и кровь, удерживал его разум вдали от столицы. Пирстон ни о чем не мог думать, кроме как об «острове» и об Эвис Второй, что там обитает — вбирает его соленое дыхание, позволяет прикасаться к себе его ливням — и не чурается римской богини любви, которая не покинула «остров», хоть храм ее и разрушен. Вспоминая простушку Эвис Вторую здесь, в городе, Пирстон прельщался даже ее изъянами.

Ничто теперь не доставляло ему большего наслаждения, чем после обеда (он и раньше посвящал эти часы прогулкам на свежем воздухе) отправиться на берег Темзы и выследить кеч, везущий камень с родного «острова». Пронаблюдав за разгрузкой, Пирстон входил в ангар либо на правом, либо на левом берегу и долго созерцал белые кубы и плиты, напитывался ассоциациями,

вызывал genius loci[28] — и ему почти удавалось забыть, что он в Лондоне.

Однажды он направлялся к одному из причалов; пришлось пробираться по слякоти. Вдруг его внимание привлекла женская фигурка на противоположном краю причала: она как раз приближалась к той точке, которую только что оставил Пирстон. Она была миниатюрна, гибка и стройна; Пирстон заметил бы ее даже только благодаря одежде, подчеркнуто простой и нарочито сельской. Но его потрясло, в первую очередь, удивительное сходство девушки с Эвис Каро-младшей, или Энн Эвис, как она назвалась.

Она не прошла и сотни ярдов, когда Пирстон убедился: это и есть Эвис. Смесь его дневных эмоций достигла той степени гремучести, что Эвис утраченная и вновь обретенная показалась одним и тем же существом. Масла в пламень фантазий подлило поразительное внешнее сходство — вероятно, результат близкого родства между отцом и матерью девушки. Пирстон бросился обратно, живо отыскал ее в толпе. Она шла к причалу; вот приблизилась, огляделась по сторонам, как делает каждый в незнакомом городе, открыла

---

[28] Примечания: 28
Гений места *(лат.)*.

ворота — и исчезла.

Пирстон последовал за ней. Она уже пересекла площадку, куда выгружали камень и где стояла, пришвартованная, неуклюжая баржа. Сократив расстояние, Пирстон увидел, что Эвис разговаривает со шкипером и какой-то пожилой женщиной — оба прибыли прямо с «острова», это было ясно по акценту. И Пирстон решил представиться, открыть, что и он урожденный «островитянин», ведь о его разорванной помолвке с матерью Эвис практически никому не было известно.

Нынешнее воплощение Эвис Каро живо узнало Пирстона и с прямотой, свойственной ее происхождению и летам, объяснило ситуацию, хотя сделать это следовало скорее самому Пирстону, который вторгся в компанию.

— Это будет капитан Киббс, сэр, он в родстве с моим отцом, — говорила Эвис. — А это миссис Киббс. Мы прямо с «острова» прибыли, чтоб развеяться, а в среду нам надобно домой.

— Вот как! Где же вы остановились?

— Да тут, на судне.

— Неужели прямо на судне и живете?

— Ага.

— Господь свидетель, сэр, — встряла миссис Киббс, — я средь энтих кимберлинов во всю ночь

глаз не сомкнула бы со страху. Я и днем-то опасаюсь, как по улице иду: не могу упомнить, сколько разков направо свернуть, а сколько налево, чтоб до нашего суденышка добраться — верно, Джоб?

Шкипер кивком подтвердил слова своей жены.

— На берегу вам было бы безопаснее, чем на судне, — заметил Пирстон. — Ветра Английского канала непредсказуемы, к тому же всякий сильно рискует во время выгрузки камня.

— Ваша правда, — согласился Киббс, как только украдкой извлек нечто, застрявшее меж его зубов. — В эту пору ветра и впрямь лихие. А пуще того нашему брату, который на кечах ходит, надобно беречься пароходов, что к океану держат путь. Очутишься возле этакой громадины — она твою скорлупку надвое расколет, тело бренное так на дне лежать и останется, и не узнает никто, как оно все случилось.

Пирстон обернулся к Эвис, жаждая столь многое сказать ей; но что именно? Он не знал. В итоге он вымучил вопрос:

— Ты и обратно по морю отправишься, Эвис?

— Да, сэр.

— Соблюдай осторожность на судне.

— Ага, соблюду.

— Надеюсь… надеюсь скоро вновь тебя уви-

деть… и поговорить с тобой.

— И я, сэр.

К большему не располагала обстановка, и Пирстон, еще постояв с Эвис и четой Киббс, ушел. Он думал об Эвис более, чем прежде.

Назавтра он мысленно проводил всю троицу вниз по Темзе, дав кечу время на то, чтобы погрузить балласт, а в среду кеч уже представлялся ему в открытом море. Той ночью Пирстону все мерещилось крохотное суденышко, окруженное огромными пароходами, не имеющее возможности подать сигнал: здесь люди! Эвис, отныне бесценная, спала в своей каюте, не ведая, что отдана на милость тысячи вероятных бедствий.

Здравый смысл твердил ему, что эта Эвис, внешней прелестью превзошедшая свою матушку, куда беднее покойной интеллектуально и духовно. Тем не менее, пламя, разжечь которое в Пирстоне оказалось не по силам Эвис Первой, теперь пылало в нем, почти страша его. Пирстона стали мучить предчувствия: уж не намерена ли непостоянная Возлюбленная сыграть с ним злую шутку? Точнее, не вздумалось ли прихотливому Божеству судьбы использовать ее для этой цели?

Похоже, Пирстона высмеют, и притом прежестоко; нимфа, двадцать лет терзавшая его своими

воплощениями, приготовила ему роль в сатирической комедии. Ибо разве это не комедийный сюжет — оставить полную достоинств, богатую и знатную миссис Пайн-Эйвон ради молоденькой прачки, стать жертвой мистического магнетизма, который ничего общего не имеет с рассудком?

Но какое это было бы блаженство — отмахнуться от смутных подозрений и отдаться воле судьбы!

И Пирстон стал искать пути к этому блаженству. Он вспомнил про объявление о сдаче «Сильвании» внаем. Одинокому мечтателю, что стремился достичь идеала через искусство, вовсе не нужен был такой огромный особняк с роскошной обстановкой; но здесь все решало местоположение, а что до арендной платы за несколько месяцев, наш герой мог себе позволить такие расходы. И вот тем же вечером письмо агенту недвижимости было отправлено, а через несколько дней Джоселин стал временным владельцем особняка, никогда не виденного им изнутри; в детстве он, помнится, мысленно населял «Сильванию» зловредными призраками.

2. VI
Прошлое сквозит в настоящем

Итак, вот он, вечер прибытия Пирстона в «Сильванию», внушительный особняк среди утесов, окруженный зубчатой крепостной стеной более поздней постройки. Пирстон обошел все комнаты, прогулялся по лужайке, вступил под сень вязов, то есть почувствовал себя в приятном уединении, которого не сыскать более нигде на всем «острове», лишенном деревьев. По духу и убранству «Сильвания» представляла собой полную противоположность окрестным домам. Взять деревья; другая роща, имевшаяся между галечной косой и Мыском, требовала времени, чтобы быть найденной. Для этого потребовалось бы удалить слой сыпучей горной породы. Под ним обнаружилось бы каменное ложе с окаменелым сосновым бором, где все деревья наклонены в одну сторону: таков результат действия мезозойских штормов.

Когда сгустились сумерки, Пирстон приступил к делу, ради которого и арендовал «Сильванию». Двое слуг, оставленные им в особняке, уже разошлись по своим комнаткам, и он покинул дом,

никем не замеченный. Он прошел под навесом ветвей с набухшими почками и приблизился к пустующей беседке в елизаветинском стиле; она располагалась на внешней стене ограды и словно надзирала над соседними коттеджиками. Среди них был и дом воскресшей Эвис.

Пирстон правильно выбрал время: он знал, что местные жители с наступлением темноты не спешат занавешивать окна. Его упования сбылись: освещенное окно гостиной просматривалось из беседки не хуже, чем с улицы в тот, первый раз.

Слышались также и звуки — приглушенный стук. Это Эвис утюжила белье, постелив на стол фланель. Новая порция белья, еще сырого, была развешана на сушилке у очага. Тогда, в порту, Эвис предстала Пирстону бледной; теперь ее лицо раскраснелось от усилий и жара. Впрочем, судя по всему, Эвис хранила полное бесстрастие — почти Минерва, если смотреть в профиль. Когда она поднимала взгляд, Пирстону казалось, что в ее чертах дышат сердце и душа Эвис Первой — верный знак, что Фантом вселился в эту плоть. «Неужели это иллюзия; возможно ли такое?» — думал Пирстон. На его памяти Наследственность часто упорствовала в придании внешнего сходства представителям многих поколений одной

семьи, но не заботилась одарить их общностью интересов. И Пирстон отчаянно надеялся, что в случае с Эвис все не так категорично.

Вскоре он заметил, что мебели в комнате убыло. Так называемый буфет, а точнее, угловой посудный шкаф о двух дверцах, где хранилась фарфоровая посуда, исчез, а его место заняла простая полка. Не обнаружил Пирстон и старинных напольных часов в дубовом футляре, которые, казалось, были способны вскидывать бровь и добродушно усмехаться. Теперь их обязанности выполнял простенький, дешевенький экземпляр с белым циферблатом. Подтекст этих замен затронул в Пирстоне отнюдь не человеколюбие, но примитивные инстинкты. Вместо того, чтобы опечалить, он внушил недостойное соображение: нужда, грозящая юной Эвис, может толкнуть ее к нему в объятия.

Поскольку он арендовал «Сильванию» на изрядный срок, не было никакой спешки прямо сейчас навязываться Эвис, и Пирстон ушел. С каждой секундой рассеивались его сомнения в том, что этой девушке суждено стать телесным приютом для грёзы, изменчивой, как Протей, и не пожелавшей озарить изнутри Эвис Первую, пока та не переместилась в разряд воспоминаний.

Нельзя сказать, что Пирстон с легкостью признал это. Его нынешняя сердечная склонность отдавала сумасшествием. До сих пор он, идеализируя женщину, не терял головы; да и Возлюбленная крайне редко вселялась в ту, что, завораживая душу, одновременно коробила интеллект. Похоже, теперь будет иначе.

Утро настало изумительное. Шагая к воротам с намерением прогуляться, Пирстон увидел, как Эвис вступает в его владения через черный ход. Она тащила большую ивовую корзину овальной формы, прикрытую белым полотенцем. Ну конечно, догадался Пирстон: Эвис стирает, и раньше стирала, на обитателей «Сильвании»; как он об этом не подумал! Не прачкой, а сущей сильфидой явилась она в утреннем свете. Стирка, заодно с глажкой, подумалось Пирстону, была неподходящим ремеслом для миниатюрной Эвис Первой и столь же плохо подходит для ее дочери.

Но разве прачку он видел перед собой? Нет, внутренним светом эту девушку озаряло существо более реальное, более текучее и всепроникающее — и столь хорошо ему знакомое! Эвис была только исполнительной служанкой; с ее земными занятиями и недостатками следовало примириться, ведь сия бренная плоть обеспечи-

вала горенье божественному пламени; она была необходима, как необходимы на пиротехническом представлении разнообразные треноги и прочее оборудование.

Эвис, между тем, вышла из «Сильвании» и направилась домой по тропке, о которой Пирстон и не подозревал; возможно, она предпочла ее главной дороге, потому что заметила у ворот Пирстона. Вроде мелочь — они едва знакомы; однако Пирстон никак не думал, что Эвис может — и будет — сторониться его. Это был новый опыт. Познавать ее на расстоянии не получится, решил Пирстон, и тотчас измыслил предлог для встречи наедине. Он придрался к качеству стирки и послал за юной прачкой.

— Она совсем еще дитя, — пояснила, извиняясь, экономка. — После смерти матери на нее свалились все заказы, и она, бедняжка, барахтается, чтоб на плаву держаться; мы стараемся быть к ней снисходительны. Но я передам ваши претензии, сэр.

— Я сам с ней поговорю. Пришлите ее ко мне, когда она снова придет, — распорядился Пирстон.

И вот однажды утром прислуга доложила, что Эвис ждет в холле (Пирстон как раз писал ответ на ядовитую критику своего последнего произве-

дения). Он вышел в холл.

— Насчет белья, — холодно начал наш скульптор. — Я человек требовательный и желаю, чтобы перед стиркой мое белье не замачивалось в извести.

— Да я и знать не знала, что так делают, — тихо отвечала заробевшая дева, не смея взглянуть на него.

— Хорошо. Далее, я против катков для белья: они портят пуговицы.

— Да у меня и катка-то нету, сэр, — пролепетала Эвис.

— Тем лучше. Мне, кроме того, не нравится, когда при крахмаливании в раствор добавляют слишком много борного мыла.

— Да я его туда вовсе не ложу; я об нем и не слыхала, — последовал кроткий ответ.

— Понятно.

Пирстон не переставал думать об Эвис — или, как выразился бы ученый, Натура, под прикрытием диалога о белье, осуществляла свои планы на будущее поколение. Что за человек Эвис Вторая, каков ее нрав — постичь это Пирстону мешало внешнее сходство девушки с матерью, оцененной им слишком поздно. В младшей из двух Эвис ему против воли мерещились качества Эвис Первой,

а те черты, которые шли вразрез с его представлением о переселении душ, Пирстон задергивал мысленной занавеской.

Сама девушка, похоже, думала только о задании, что ей дали. В ее ответах не было подтекста, и вообще она едва ли воспринимала Пирстона как существо другого пола и интересной наружности.

— Я знавал твою матушку, Эвис; помнишь, я говорил тебе об этом?

— Как не помнить.

— Гм. Я снял этот дом на два-три месяца, и ты будешь мне нужна. Ты ведь по-прежнему живешь за крепостной стеной?

— Да, сэр, — безразлично произнесла Эвис.

И собралась уходить — ничуть не взволнованная, равнодушная. Ни единый мускул не дрогнул в ее красивом лице. Пирстон был обескуражен. Вот копия той, что некогда вся трепетала рядом с Пирстоном, и чей поцелуй, подаренный ему почти на этом самом месте, Пирстон сейчас ценил много выше прочих поцелуев (хотя и пренебрег им, когда он был свеж, как сама весна). Тогда Эвис Первая бросилась ему на шею (к слову, в считаных ярдах от этого места!); а сейчас Эвис Вторая

(как выражаются «островитяне», плодушка[29] на материнской ветке) взяла да развернулась, и вот-вот исчезнет; почему?

— Твоя матушка, Эвис, была, насколько мне помнится, образованной, начитанной женщиной.

— Да, сэр; все так говорят.

— Надеюсь, ты похожа на нее.

Эвис лукаво качнула головой и чуть попятилась.

— Погоди, Эвис. Вот еще что: я привез с собой мало белья, поэтому ты должна приходить каждый день.

— Как вам угодно, сэр.

— Ты не забудешь?

— Нет, сэр.

С тем он ее и отпустил. Он был человек городской, она — безыскусная «островитянка»; он раскрылся пред нею подобно актинии, но не раздражил эпидермиса ее души. Как это чудовищно, думал Пирстон, что девица, которой досталась внешность той, о ком он хранит сладчайшие воспоминания, столь неотзывчива и нечутка.

---

[29] Примечания: 29

Плодушкой, или плодухой, называют короткий побег на садовом дереве. На его конце видны цветочные почки, из которых затем формируются плоды.

Может, ему надо сделать первый шаг; может, Эвис — сама Страсть в маскарадном костюме Безразличия, потому что он ведь намного старше, и притом весьма искушен?

Вот он и добрался до сути. Сердцем он был столь же молод, как в те времена, когда ухаживал за матерью Эвис Второй. Опыта с годами прибавилось; чувства остались свежи, как в двадцать лет.

И до чего же Пирстон завидовал тем из своих знакомых, кого величают недалекими и даже узколобыми! Эти персонажи — все как один в очках и с трубкой — невозмутимые, приземленные, хоть и малость эксцентричные, прежде в изобилии встречались в каждом солидном доме, частной школе и колледже, а ныне постигли науку бросать невест. Уж они-то (думалось Пирстону) точно не имеют в своих пропитанных коммерцией и политическими пристрастиями душах ничего сверх нормы. Они не ринулись в бурный поток пылкости, а прошли по бережку, и вот нежатся в стоячей воде философии среднего возраста. А он, Пирстон, их ровесник, будто пробка, взлетает на гребень каждого буруна, сиречь влюбленности, ровно так же, как в юности, с той только разницей, что ныне ему очевидна любовная тщета, а значит, страдания его удвоились,

как удвоились годы.

Эвис ушла, и в тот день Пирстон с ней уже не пересекся. Вызвать ее вторично он не мог; иными словами, она была для него столь же недоступна, как если бы укрылась в стенах цитадели, венчавшей самый высокий утес на «острове».

Вечером Пирстон вышел на прогулку. Он прошагал мимо замка Рыжего Короля, почти висевшего над морем; против него, древнего, «Сильвания» казалась вчерашней постройкой. У подножия дыбились обломки стен; на некоторых были вырезаны либо инициалы, либо полные имена. Пирстон помнил, как сыскать один конкретный камень; в слабом свете луны ему скоро предстали два имени, «ЭВИС» и «ДЖОСЕЛИН» — он вырезал их лично, еще в отрочестве. Буквы едва виднелись, полустертые от времени и воздействия морской воды. Зато совсем рядом красовалось имя «ЭНН ЭВИС» в паре с именем «АЙЗЕК». Определенно, эту надпись сделали два, максимум три года назад; весьма вероятно, «Энн-Эвис» была его Эвис Вторая. А кто был Айзек? Не иначе, какой-нибудь юнец, приятель детских игр.

Пирстон повернул к «Сильвании»; путь лежал мимо домика семьи Каро. Возрожденная

Эвис сияла внутри, словно душа этого жилища; светился прямоугольник окна. Эвис была вне досягаемости.

* * *

Каждый внезапный приход Эвис в «Сильванию» становился для Пирстона шоком, выбивал из колеи. Причиной было не столько собственно ее присутствие, сколько новое состояние, в котором Пирстону мнилось нечто зловещее. Для самой Эвис неожиданные встречи с Пирстоном не имели того эмоционального накала, какой испытывала двадцать лет назад Эвис Первая. Энн Эвис не чуяла приближения Пирстона; она едва ли вообще его замечала. Для нее он был скорее каменным истуканом; она для него была пламенем пожара.

Нежданный сапфический трепет перед любовью охватывал нашего скульптора всякий раз, когда его зрелый, склонный к рефлексии ум брался упирать на то обстоятельство, что одержимость юной прачкой опасно близка к безумию. Пирстона прошибал холодный пот. Что, если пришло время расплаты за прежнее непостоянство эмоций (результаты коего были вполне материальны); что, если ему суждена вечная

тяга к женщине, презираемой его же интеллектом? Однажды Пирстону приснилось, будто, не слишком старательно прикрываясь плотской оболочкой Эвис Второй, «насмешку отражает каждой жилкой»[30] сама Афродита, «искусная в хитрых ковах»[31].

В любом случае, Возлюбленная вновь была жива; утраченная, она нашлась. Изменение тактики обескураживало Пирстона. Возлюбленная представала ему в разных обличиях; вселялась в женщин всех сословий — от достойной дочери священника или пэра до египетской танцовщицы, исполняющей с покрывалом танец живота, извивающейся в такт ритмам там-тама. Но каждая инкарнация имела особенную прелесть либо тела, либо души — чаще всего острый ум, реже — одаренность в каком-либо искусстве, иногда — выдающийся талант. А эта, новая инкарнация обладала только физической привлекательностью, была не более чем желанна. Не ведала, как играть веером или манипулировать кружевным

[30] Примечания: 30

Цитата из поэмы Э.Ч Суинберна «Анактория». Анактория — либо имя вымышленной возлюбленной древнегреческой поэтессы Сапфо, либо собирательный образ.

[31] Примечания: 31

Цитата из поэмы Сапфо «Подруги и ученицы. Соперницы» дана в переводе В. Вересаева.

платочком; едва ли умела перчатку натянуть.

Зато ее жизнь, пусть убогая, была невинна; невинность-то Пирстона и пленила. Бедная малютка Эвис, всему причиной твое полное сходство с покойной матушкой! В конце концов, рассуждал Пирстон, происхождением Эвис Вторая не ниже его. До жалкого статуса прачки ее низвела злая судьба. Как ни странно, именно за скудость чувств и ума он и любил Эвис. А как действовала на него ее юность — воистину, неописуемый эффект! Чувства Пирстона к Эвис Второй были столь же свежи, как к ее предшественнице; но, увы! — за эти двадцать лет он изрядно продвинулся к границе страны теней.

2. VII
Новизна вторгается в бытие

Минуло несколько дней. Утром, как обычно, Пирстон с верхнего этажа обозревал сад — ту его часть, которая располагалась за рощицей. Вдруг дверь отворилась, выскользнула некая фигурка — и исчезла, свернув в огород, где возился садовник. Вскоре, правда, она возникла вновь; она шла, помахивая пучками зелени. То была Эвис; ее темные волосы, заплетенные в косу, прикрывал опрятный чепец. С привычной безмятежностью, выражая лицом погруженность в себя, плыла она по дорожке, и ее мысли определенно не имели никакого касательства до Пирстона.

Как вышло, что Эвис хозяйничала в его доме, он не понимал, пока ему не вспомнилось: он же сам отпустил слуг на целый день, потому что им хотелось побывать на параде территориальной конницы в курортном городке на «большой земле»; отпустил с условием, что они найдут себе замену. И они предсказуемо пригласили Эвис. К своему удовольствию, Пирстон догадался, что у слуг сложилось о нем мнение как о человеке

неприхотливом, иначе они позвали бы кого-нибудь поопытнее.

Дух (ибо Эвис казалась Пирстону духом) ближе к полудню принес ему ланч. Пирстон сидел за письменным столом; под его взглядом крышка с блюда была снята, а затем Эвис отошла к окну, чтобы поправить шнур жалюзи. Теперь Пирстон четко видел ее близкий к совершенству профиль, в котором узнавал черты одной из богинь на рубенсовском полотне «Суд Париса»[32]. Зато анфас ярче было сходство юной прачки с матерью.

— Ты сама приготовила все эти кушанья, Эвис? — спросил Пирстон, вставая.

Эвис повернула голову и с полуулыбкой выдохнула:

— Да, сэр.

О, эта легкая кривизна двух верхних передних зубов! Безразличный к Эвис человек не заметил бы ее, да и сам Пирстон тоже, если бы не точно такой же изъян у Эвис Первой. Пирстон знал о нем, жаждал снова увидеть его. Пока Эвис Вторая не открыла на миг в улыбке свои беленькие зубки, Пирстон об этой кривизне и не помнил. Он поцеловал Эвис Первую на прощание, она

---

[32] Примечания: 32

Питер Пауль Рубенс написал несколько полотен на этот античный сюжет.

улыбнулась, он отметил, что зубки чуть наползли один на другой — и моментально забыл об этом. А манера улыбаться, кстати, у матери и дочери была одинаковая.

Назавтра утром, одеваясь, Пирстон сквозь расшатанные половицы слышал, как Эвис разговаривает с вернувшимися слугами. К тому моменту она водворилась в Пирстоновом сознании как инкарнация Неуловимой и Желанной; как та, которую, не спросив Пирстона, избрала сверхъестественная сила, чтобы явиться в очередной раз. Пирстон был заворожен ее интонациями: Эвис то и дело внезапно переходила на плутовской шепот, и тогда следа не оставалось от монотонности, свойственной малообразованной провинциалке. Тогда в ее голосе звучали Душа и Сердце — или то, что казалось душой и сердцем. Прелесть же была в интервалах (мы употребляем это слово в музыкальном смысле). Эвис выдавала несколько слогов на одной ноте, завершала фразу мягкой восходящей модуляцией, затем роняла голос, затем возвращала его на прежний уровень. И вот этот-то переход снизу вверх и обратно Пирстоном воспринимался как чистейшие линии, которые выводил его карандаш, и в его понимании был сродни восхитительным изгибам той,

которую вожделеет целый мир.

К словам Пирстон не прислушивался. Речь Эвис как таковая не интересовала его и никоим образом не касалась. Наоборот, Пирстон предпринимал все усилия, чтобы не улавливать ни фраз, ни отдельных слов — его внимание сосредоточилось на голосе. Он имел полное право на эти интонации, но только не на смысл. А вскоре ее голос сделался для него жизненно необходим.

В воскресенье он обнаружил, что Эвис пошла к вечерне. Он шагал за ней по пустынному тракту, и шляпка с пучком петушиных перьев была для него путеводной звездой — он страшился упустить ее из виду. Когда Эвис вступила в церковь, он от дверей проследил, где она усядется, и занял место позади нее.

Поглощенный созерцанием ее ушка и белой шейки, Пирстон вдруг почувствовал присутствие другой дамы — та сидела ближе к кафедре, и ее платье, даром что черное и наискромнейшее, имело покрой, более характерный для Лондона, нежели для Ultima Thule[33]. Любопытство даже заставило Пирстона забыть об Эвис, пусть и на минуту. Дама в черном чуть повернула голову,

---

[33] Примечания: 33
Край света *(лат.)*.

и, хотя на ней была не по сезону густая вуаль, Пирстон как будто бы узнал Николу Пайн-Эйвон.

Что здесь делает миссис Пайн-Эйвон, спросил себя Пирстон — если, конечно, это она.

К концу службы внимание Пирстона вернулось к Эвис и достигло той степени концентрированности, что он напрочь забыл о таинственной даме в черном. Когда настало время уходить, она скользнула в боковую дверь; Пирстон спохватился слишком поздно. Если это и впрямь миссис Пайн-Эйвон, ее присутствие в церкви объяснимо: она живет в курортном городке, в гостинице, а сюда, на вечернюю службу, пришла по галечной косе моциона ради: так многие делают. Впрочем, Пирстона сейчас занимало совсем другое, и он не стал строить догадки.

Он вышел на воздух; огромное бесстрастное око маяка на Мыске было распахнуто, и, чтобы не столкнуться с Николой (или с ее двойником), а также избегнуть и остальных прихожан, Пирстон сделал вид, будто направляется к маяку. В нужный момент он развернулся и поспешил домой по тракту, который был теперь безлюден, рассчитывая обогнать возрожденную Эвис. Он не увидел ее и заключил, что она в сравнении с ним слишком резва. Приблизившись к воротам «Силь-

вании», Пирстон помедлил. В домишке Эвис окна были темны. Значит, она не возвращалась.

Пирстон снова двинулся в сторону церкви, но Эвис не обнаружил. Ему попались только двое пешеходов, супруги, как он догадался, не видя их в темноте, по словам мужчины:

— «Если бы ты не был на мне женат, я с тобой и знаться не стала бы» — хорошенькое дело для жены этак вот говорить!

Фраза покоробила Пирстона. Пройдя еще немного, он решил возвращаться. В коттеджике Эвис теперь светилось окно; не иначе, она добралась домой кружным путем. Успокоенный, что ей не угрожают ночные опасности, Пирстон открыл ворота и удалился в свою комнату.

* * *

На востоке (если находиться возле «Сильвании») берег дыбился утесами: от его живописности спирало дыхание. Пирстон вышел за стены своего жилища через калитку и сразу же оказался среди скал, над морем. Здесь лежал в руинах замок Рыжего короля, а рядом был колодец, вероятно, в древние времена снабжавший водою обитателей сей цитадели. Пирсон предавался мечтам под утренним солнцем, как вдруг заме-

тил внизу, возле самого моря, знакомую фигурку: девушка расстилала на камнях белье.

Джоселин стал спускаться. Эвис, понял он, вновь вернулась к своему занятию. Ее руки были изящной формы, но пухленькие, с ямочками у локтей; розовость кожи оттеняли густо-лиловые, с рисунком, рукава хлопчатобумажного платья, которые трепал свежий ветер. Пирстон застыл поодаль. Ветер, тем временем, выдернул рукав сырой сорочки из-под окатыша (так на «острове» зовут морскую гальку); Пирстон наклонился, выбрал другой окатыш, потяжелее, и заново придавил рукав.

— Спасибо, — выдохнула Эвис.

Лишь после этого она подняла свои карие глаза и, кажется, обрадовалась, что имеет в помощниках Пирстона, а не кого-то другого. Судя по всему, ее поглощали невеселые думы, потому-то она до сих пор не замечала, что не одна на берегу.

Девушка продолжала разговор с дружелюбной прямотой, не выказывая ни энтузиазма, ни робости. Что до любви — от помыслов о ней Эвис была еще дальше, чем от помыслов о смерти и забвении.

С одной из простыней никак не удавалось совладать, и Джоселин предложил:

— Прижми края вот здесь и вот здесь и держи, а я придавлю их окатышами.

Эвис молча повиновалась, и Джоселин, укладывая очередной окатыш, коснулся ее руки.

Рука была совсем девичья, с длинными, тонкими пальчиками. И последний из окатышей, по невниманию Джоселина, тяжко лег на эти пальчики, чуть распухшие от постоянной возни с водой.

— Ох, прости, пожалуйста! — засуетился Джоселин. — Как я неловок: я тебя поранил, кожу содрал!

И он схватил ее руку, чтобы оценить ущерб.

— Вовсе это не вы, сэр! — воскликнула Эвис, зардевшись, однако не отнимая руки. — Это… это я сама нынче булавкой укололась. Окатыш никакого вреда мне не причинил, сэр!

На обоих рукавах яркого платья был повязан черный креп; при мысли о причине настроение Джоселина изменилось.

— Матушкину могилку навещаешь, Эвис? — спросил он печально.

— Да, сэр, хожу, как не ходить. Вот и нынче вечером пойду, маргаритки полью.

У Эвис оставалось еще не разложенное белье, и Пирстон попрощался, а вечером, едва заалели

небеса, он выскользнул из калитки и прокрался к домику Эвис. Занавески не были задернуты; Эвис сидела за шитьем. Пока Джоселин медлил, взирая на нее, она вдруг вскочила, словно вспомнив о времени, и рывком надела шляпку. Джоселин ринулся вперед, скрылся за углом; он прошел улицу до середины, когда почувствовал, что за ним движется миниатюрная фигурка.

Он прибавил шагу, миновал парней и девушек, которые, звеня ведрами, брали воду из источников поодаль от дороги, и направился к церкви. Солнце зашло, и луч маяка вновь озарил небосвод. Церковь темным силуэтом встала на переднем плане. Тогда Пирстон сбавил скорость, чтобы Эвис нагнала его.

— Ты очень любила свою матушку, Эвис? — спросил он.

— Как же иначе? Известно, любила, — отвечала девушка.

Ее шаг был столь легок, что Пирстону казалось, он мог бы подхватить ее и нести на ладони.

Он едва не сказал «Я тоже», но счел за лучшее не посвящать Эвис в дело, о котором она явно не знала. Между тем Эвис, подумав, заговорила:

— Матушке ох как тяжело пришлось, когда она была тех же годков, что я сейчас. Не хотела бы я

себе такой судьбы. Был у ней дружок; раз она к нему вечером на свиданье не вышла — тут его любви и конец. Матушка чуть не всю жизнь по нем убивалась. А я бы вот не стала, на ее месте. Не знаю, как звали того изменщика — не добилась от матушки его имени, — а только ясно: негодяй он. Ух, как подумаю об нем — зло берет.

После таких слов Джоселин не мог войти с Эвис в церковные ворота. Он отправился на южную оконечность «острова»; его терзания длились не один час. И все же, решил он, не достичь бы ему таких высот в своей профессии, тесно связанной с уровнем воображения, если бы он регулярно не отдавался на милость фантазий, близких к одержимости. Пусть он никчемен как гражданин и член общества, зато эти недостатки в полной мере компенсируются его талантом — значит, нечего распускать нюни, сетовать на уязвимость — не просто врожденную, но им же самим и культивируемую.

Но как же дорого платит он за каждую свою Лилит! Без сомнения, не за горами страшная кара. Что он такого свершил, за какие преступления страдает? Из плоти Николы Пайн-Эйвон Возлюбленная переместилась в сущий фантом — умершую женщину, которой Пирстон не был

пленен при жизни — и почти сразу оставила свое пристанище, обосновавшись в живом двойнике покойницы, да, кажется, навсегда. Причем сей кареглазый двойничок своим полным безразличием к Пирстону лишь укрепляет позиции Фантома.

Неужели он действительно хочет сделать следующий шаг — посвататься к этой девчонке? Безусловно; желание, наконец, оформилось — даже несмотря на очевидность ее изъянов, усугубляющих низкий социальный статус. Рассудок, даром что его так легко обмануть, внушал Пирстону: Эвис Вторая лишена той особой впечатлительности и чуткости, какими обладала начитанная, пылкая маленькая женщина — Эвис Первая; как личность она неинтересна. Однако за двадцать лет идеалы Пирстона поменялись. Он стал придирчивее к женской внешности, и в угоду этим дополнительным требованиям закрывал глаза на душевные качества и интеллектуальные способности. Глядя на себя в зеркало, Пирстон радовался внутреннему несовершенству Эвис Второй, которое двадцать лет назад вынудило бы его пренебречь ею.

Странно разнилось восприятие Пирстоном его нынешней блажи и его любовных увлече-

ний в юные годы. Сейчас он мог позволить себе одержимость, руководствуясь разумом, зная, что безумствует; в юности он путал безумие с мудростью. Тогда всякий проблеск здравого смысла насчет изъянов любимой женщины Пирстон гасил с ужасом и поспешностью. Сейчас подобные озарения не охлаждали его. Он изучил себя — и принял. Да, он раб своих прихотей; да, он таков.

В практическом смысле выходило, что семья Каро, единственная из знакомых Пирстону (а пожалуй, и единственная из всех, какие ему суждено встретить во всю жизнь), имеет «сырье» для оболочек Возлюбленной. И не страшно, что Каро на протяжении поколений (а то и вовсе никогда) не обновляли форму той, которая уравновесит его собственные изъяны, с тем чтобы они двое сделались идеальным целым. Похоже, Каро нашли «глину», но не сыскали «гончара», в то время как прочие семьи, чьими дочерьми Пирстон мог бы плениться, нашли «гончаров», но не разведали, где залегает та самая «глина».

2. VIII
Ему противостоит его душа

Из просторных покоев «Замка Сильвания», а также с участка при нем, а еще с ближайших утесов, Пирстон мог следить за каждым шагом той, что вмещала для него возрожденный Дух Прошлого, в чьем сиянии исчезали все низменные подробности.

В числе прочего Пирстон заметил, что Эвис делается беспокойной в дождливую погоду. А если в такой вот сырой день пелену облаков над Мертвячьим заливом взрезал золотой луч, девушка оживлялась — не ходила, а буквально порхала.

Пирстон ломал голову над этой загадкой. Обнаружил он и еще кое-что: в такое время Эвис избегала его, делалась скрытной, спешила свернуть разговор. И, хотя о грубости речь не шла, неприязнь была неоспорима.

Однажды вечером, когда Эвис покинула свой домишко и направилась в деревню у подножия холма, Пирстон двинулся за ней и засел в засаде на тракте, который, минуя «Сильванию», вел дальше, к Ист-Куорриз. Пирстон рассчитывал

подловить Эвис на обратном пути.

Он достиг высшей точки тракта — отсюда начинался крутой спуск к деревне; но Эвис не появлялась. Пирстон пошел обратно, почти добрался до «Сильвании», развернулся и уже в сумерках долго бродил по каменистым кручам. Звезды висели не только над его головой, но, казалось, подступали с боков; горел в отдалении сухопутный маяк, с опасной отмели мигал маяк плавучий, где-то внизу скрежетал окатышами прибой, а на юго-западе темнела церковь, под сенью которой покоились пращуры «островитян».

Пирстон шагал все вверх, пока не заныли ноги, пока не закололо сердце и не возникла слуховая галлюцинация — будто свистят мимо него камни, пущенные пращниками, и раздаются голоса чужаков, что вторглись на «остров», перебили мужчин и сошлись с их женами и дочерьми, чтобы, благодаря смешению кровей, мог расцвесть цветок по имени Эвис. Каковой цветок, к слову, пропадал сейчас неизвестно где. Куда как глупо было ждать, но уйти не хватало духу. Наконец, Пирстон различил вдали крошечную фигурку и не столько по ее очертаниям, сколько по манере двигаться понял, что это Эвис.

Поразительно, как эфемерная грёза умаляет

величайшие вещи из материального мира, стоит только среди трех величавых стихий — скал, небосклона и моря — появиться малютке-прачке! Секунда — и грандиозный безлюдный пейзаж скукожился у самых границ Пирстонова сознания, вытесненный сим ничтожным существом.

И вдруг существо, которое вот только что приближалось, исчезло, будто в воздухе растаяло. По одну сторону тракта тянулась низкая стена, но Эвис не перелезла бы через нее без изрядных усилий, которые Пирстон обязательно заметил бы. Он стал озираться — и что же? Плутовка вновь возникла на тракте.

Джоселин Пирстон поспешил к ней; она, видя это, остановилась. Приблизившись, он обнаружил, что Эвис едва сдерживает смех.

— Ну и что все это значит, проказница? — осведомился Пирстон.

Смех все-таки прорвался; Эвис повернулась к Пирстону в профиль и заговорила, глядя на него искоса:

— Да я еще два часа назад вас приметила, когда вы за мною пустились к Стрит-ов-Вэллз! Взяла да и схоронилась за валуном! Вы мимо прошли, подол мой задели, а меня не увидали. Иду назад: снова вы меня стережете. Я тогда прыг через сте-

ну и ну бежать, чтоб впереди вас очутиться! Не оглянись я, не остановись, вы бы в жизни меня не догнали!

— Но зачем ты вообще пряталась, бесенок ты этакий?

— Чтоб вы меня не нашли.

— Это не причина. Я жду ответа, милая Эвис, — произнес Пирстон.

Они уже шагали к дому. Эвис колебалась.

— Отвечай! — велел Пирстон.

— Ну, просто… просто мне причудилось, будто вы хотите ухажером моим быть.

— Вот нелепая мысль! А если даже и так — что бы ты сказала, Эвис?

— Что пока это нельзя… и долго еще будет нельзя, наверное.

— Почему?

— А вы меня не засмеете? Другим никому не скажете?

— Никогда.

— Тогда слушайте, — с серьезным видом начала Эвис. — Все потому, что мне любой ухажер прискучивает, чуть только я его поближе узнаю. Вот, к примеру, есть что-то этакое в парне, глянулся он мне; а ОНО — которое в нем — возьми да и пропади. Только не так чтоб с концами; нет, сэр,

ОНО в другого парня переходит. Я следом бегу; а пока ох да ах, глядишь, ОНО уж в третьем, а мне куда деваться? Словом, никак я не угомонюсь, сэр. Уж пятнадцать раз такое было! Да, целых пятнадцать; стыд-то какой, — повторила она и засмеялась. — Не в моей это власти, сэр, право слово. А главное-то: для меня самой ОН — присуха моя — один, всегда тот же самый, только не могу я его удержать, и все тут! Вы ведь никому не скажете, сэр, про мой порок? — уточнила она с тревогой. — Потому что, если откроется, какова я на самом деле, меня уж никто не полюбит.

Пирстон стоял, не в силах двинуться с места. Эта малограмотная простушка, оказывается, тщетно гоняется за Идеалом — совсем как сам Пирстон. Только она это делает неосознанно, сама дивясь своим склонностям, подчиняясь своей природе. А не вселился ли ее Фантом в него, в Пирстона? И, трепеща сердцем, он спросил:

— А я, Эвис, — я не один из них?

Она задумалась.

— Были, сэр; были одну неделю. Вот как я увидала вас впервые, так оно и случилось.

— Лишь одну неделю?

— Около того.

— По какой же причине ОНО оставило мою

бренную оболочку?

— Я, сэр, тогда поглядела на вас и думаю: вот красавчик, и притом джентльмен…

— Продолжай.

— А потом — почти сразу — узнала, что вы… старый.

— Ты правдивая девушка.

— Вы же сами спросили, сэр! — упрекнула Эвис.

— Верно. И вот, получив ответ, я зарекаюсь тебе докучать. Поспеши домой, уже поздно.

Давши Эвис удалиться, Пирстон двинулся к «Сильвании». Погоня за Фантомом, оказывается, подобна палке о двух концах, с горечью думал он. Одно дело — гнаться самому; совсем другое — быть одной из мертвых оболочек, которую Идеал оставил ради нового приюта. Вот, значит, кто отныне Пирстон — труп, посмешище Судьбы.

Шокирующее свойство, общее для него и Эвис — это тщетное стремление настичь Идеал, — пожалуй, говорило о том, что Пирстоны и Каро имели общего предка. От него-то свойство и унаследовано; многие поколения оно дремало, и вот проявилось во всей мощи. Впрочем, ясность не умалила шока.

Приблизившись к воротам, Джоселин уловил

запах табака и различил в переулке две фигуры: они направлялись к дому Эвис, но не вошли, а продолжили путь по тропе, что вела к замку Рыжего короля и к морю. На миг Джоселином овладело тяжелое чувство: будто эти двое не кто иные, как Эвис и ее воздыхатель из местных парней, никчемный тип без видов на будущее. Однако мужчина заговорил, и по сварливым ноткам в его голосе Пирстон понял: это давешние супруги возвращаются домой.

Назавтра в обед он отпустил прислугу, чтобы хоть на несколько часов залучить в свое жилище прелестную Эвис и понаблюдать за ней. На закате, когда она опускала жалюзи, откуда-то из-за утесов раздался характерный свист. Щечки Эвис вспыхнули, но она продолжала хлопотать, словно и не было никакого условного знака.

А Джоселин, заметивший ее румянец, сразу заподозрил, что на счету этой девицы не только пятнадцать возлюбленных в прошлом, но и один — в настоящем. Впрочем, он мог и ошибаться. Прежние воспоминания и теперешние нежные чувства побуждали Джоселина предпринять все возможное, чтобы Эвис вышла за него, и вот, волевым усилием, он отбросил мысли о таинственном сигнале. Только бы Эвис согласилась! Не может

она отказать: где это видано, чтобы простушки с края земли отвергали подобные предложения? О, тогда Джоселин определил бы ее в колледж на пару-тройку лет, затем обвенчался бы с ней, затем, чтобы расширить ее кругозор, «обтесать» ее, они отправились бы в небольшое турне… А дальше как Судьбе будет угодно. Что же до холодности Эвис (столь прискорбной в сравнении с благоговейным пылом ее матушки), так ведь мужчина, который на двадцать лет старше, чем его невеста, на лучшее и рассчитывать не может. Джоселин смирится с холодностью, утешится блаженством обладания той, что благоухает, словно дивными духами, его юностью и его родиной.

2. IX
Соседство

Время было послеобеденное, день хмурый и печальный. Пирстон шагал длинной, круто забиравшей вверх деревенской улицей. По обеим ее сторонам толпились девушки с кувшинами — они пришли за водой к источникам. Сразу за домами, которые стояли так, что напоминали каменные врата, вздымалось крутое чело «острова», увенчанное фортом, будто каменной короной.

Добравшись до конца этой улицы, словно бы лицом к лицу сталкиваешься с почти отвесным уступом; он преграждает путь, он словно глядит на тебя в упор. Если бы всей этой каменной массе суждено было сползти вниз, она погубила бы деревню Стрит-ов-Вэллз. Однако путник, в первый миг ошеломленный, обнаруживает, что дорога — древний римский тракт, проложенный через весь «остров», — у самого уступа делает поворот направо под острым углом и стремится вверх. Слева есть другая дорога; ее выстроили в наши дни, она рвется в вышину почти столь же отчаянно, как и римский тракт, и отличается идеальной

прямизной. Эта дорога ведет к форту.

Пирстон дошагал до развилки и остановился передохнуть. Обычно для прогулок он выбирал римский тракт — за живописность, но тут зачем-то окинул взглядом скучную современную дорогу. Она годилась для штудирования законов перспективы: была длинна, бела, ровна, конусовидна — то есть, линии ее обочин вдали сходились в одну точку. На обочине, на полпути к форту, сидела девушка; возле нее стояла корзина с бельем. Пирстон вмиг узнал ее по форме шляпки и характеру ноши.

Она его не видела, и вместо того, чтобы двинуться римским трактом, Пирстон начал медленный подъем по современной дороге. Эвис неотрывно смотрела вперед и вверх. Он проследил ее взгляд. Над дорогой нависала серо-зеленая каменная громада, плоская на верхушке — там помещались крепость и казармы. Казалось, линию небосклона, слитого со стеной, через равные промежутки нарушают этакие штырьки; то были будки часовых. Между двумя такими штырьками ползала взад-вперед красная точка, хорошо заметная на фоне свинцовых туч.

Тут-то Пирстон и догадался: у Эвис роман с солдатом.

Она обернулась, увидела Пирстона, подхватила корзину и продолжила путь. Крутизна была такая, что и без поклажи всякий бы запыхался, поднимаясь; Эвис выбивалась из сил.

— С этаким грузом ты не дойдешь, — сказал Пирстон. — Давай сюда свою корзину.

Эвис не послушалась. Пирстон стоял не двигаясь; под его взглядом она, почти задыхаясь, продолжала идти — лучезарное создание, воплощенная женственность в ореоле Пирстоновой одержимости. Поистине, Пирстон видел не ее саму, а «ткань ее сиянья»[34]; воспринимал ее не такой, какой она была на самом деле, и даже не такой, какой она казалась ему до сих пор. А вот кто она для солдата — еще вопрос.

Двигаясь прочь от Пирстона по наглядному математическому пособию, Эвис постепенно уменьшалась; однако Пирстон видел, что она не сводит глаз с караульного — ведь сам он не сводил глаз с нее. Вот с разных наблюдательных пунктов к Эвис ринулись караульные, но, узнав в ней прачку, не стали ей препятствовать. А вот она прошла по откидному мосту над огромным рвом, миновала очередной караул, скользнула

[34] Примечания: 34

Цитата из поэмы П.Б. Шелли «Эпипсихидион» дана в переводе В. Микушевича. Название по-гречески значит «то, что в душе».

под арку — и исчезла. Тот солдат, которого она поедала глазами, был теперь скрыт от Пирстона. Кошмарная мысль терзала его: соперник в красном мундире встретил Эвис, болтает с ней — беззащитной сиротой, дочерью милой Эвис Первой. А вдруг он сдал пост и повел Эвис осматривать форт? Вдруг взял у нее корзину, обнял ее, и она льнет к нему всем своим трепетным телом?

— На кого это, дьявол тебя возьми, ты таращишься как зачарованный?

Пирстон обернулся. Перед ним стоял старина Сомерс. Выглядел он по-прежнему как закоренелый холостяк — каковым и являлся.

— Я парировал бы фразой «А ты какого дьявола тут делаешь?», если бы не был так рад тебе.

Сомерс объяснил, что приехал с целью узнать, почему его друг в разгар сезона торчит в столь неподходящем месте, а заодно и подышать свежим воздухом. Пирстон пригласил его в «Сильванию», и приятели начали спуск.

— Насколько я понял, ты пялился на миловидную девчонку-прачку с целой корзиной белья? — уточнил художник.

— Верно. Но это для тебя она — просто прачка. Со мной иначе. Я, в отличие от всего мира, вижу в этой «островитяночке» Идею — или, если вы-

ражаться терминами Платона, квинтэссенцию и воплощение всего самого желанного в нашем бренном бытии… Надо мною, Сомерс, тяготеет проклятие; да, проклятие. Словно я недостаточно настрадался, гоняясь за фантомом, который обитал в женщине, покуда она была далеко, но исчезал, стоило ей приблизиться! Теперь все еще ужаснее: фантом и не думает исчезать, и терзает меня, даже когда я рядом, когда понимаю, что к чему! Я пленен этой девчонкой, хотя глаза мои открыты, хотя я отлично вижу, какой я болван!

Сомерс отметил про себя, что с годами в глазах Пирстона мечтательности только прибавляется (хотя должно бы убывать), но от комментариев воздержался. Когда приятели добрались до «Сильвании», Сомерс окинул взглядом окрестности, а Пирстон, указывая на коттеджик, построенный в елизаветинские времена, пояснил:

— Вот здесь она живет.

— Очень романтическое место, — отреагировал Сомерс, — и эта деревня, и «остров» в целом. В этаком антураже наш брат влюбится даже в

огородное пугало или в фонарь из брюквы[35].

— Да, но к женщинам это не относится. Пейзаж не производит на них впечатления, хоть они и утверждают обратное. Что до этой девушки, она ветрена, как…

— Как ты во время о`но.

— Вот именно — но только с твоей точки зрения. Она мне сама призналась. И причинила ужасную боль.

Сомерс на миг застыл, потрясенный открытием.

— Хорошенькая смена ролей! Но ты ведь не намерен брать ее в жены?

— Напротив: женился бы хоть завтра. А почему нет? Что значат слава и светское общество для меня, потомка мародеров и контрабандистов? В этом плане я ей ровня. Вдобавок я изучил ее душу до последнего, наиглубиннейшего фибра; мне известно, в которой из каменоломен добыт материал для этого создания. А это, Сомерс, изрядно добавляет уверенности.

— В таком случае, ты будешь вознагражден.

---

[35] Примечания: 35

Резьба по овощам зародилась в Ирландии. В старину ее жители использовали корнеплоды — брюкву и репу. Лишь в XIX веке ирландские эмигранты, обнаружив в Америке куда более эстетичную и вкусную тыкву, стали делать хэллоуинские фонари именно из нее.

* * *

В тот же вечер за ужином в неспешную дружескую беседу вторгся свист. Долгий, на одной низкой ноте, он долетел из-за утесов. Сомерс его и не заметил — в отличие от Пирстона. Ибо этот свист раздавался всегда в одно и то же время: когда Эвис хлопотала по дому. Пирстон извинился перед своим гостем и вышел на лужайку. Было уже темно. Он различил шорох гравия под чьими-то стопами и тяжкое дыхание моря. Шаги были почти невесомы, как если бы невидимка имел на ножках крылышки. А через пару минут Пирстон будто воочию увидел, как губищи некоего верзилы приложились к ротику, на который он сам едва дерзал глядеть, раненный его юной прелестью.

Еще через миг Пирстона спугнули голоса; в числе прочих, к «Сильвании» приближались те самые не ладящие между собой супруги. Они опять ссорились, сварливый голос женщины интонациями напоминал голос Эвис. Пирстон поспешил скрыться в доме. Наутро Сомерс отправился бродить по «острову»: ему нужно было найти живописные уголки для своих будущих марин. Пирстон, выйдя искать уже самого Сомер-

са, столкнулся с Эвис.

— Так-так-так! У вас, юная леди, имеется воздыхатель! — сурово начал он, а когда Эвис признала данный факт, добавил: — Все равно парню долго не продержаться.

— Нет, ЭТОГО я вряд ли брошу, — возразила Эвис, но Пирстон тогда не понял, на что она намекала. — Правда, он один раз меня обманул, но уж вперед так не сделает.

— Полагаю, он прекрасной души человек?

— Для меня сгодится.

— Уж, во всяком случае, он хорош собой.

— Мне краше и не надобно.

— Может, он еще и благороден, и достоин уважения?

— Благородства в нем на мой век хватит.

Смутить ее безмятежность Пирстону не удалось, и он закончил разговор. Назавтра было воскресенье. Сомерс с этюдником отправился к дальней оконечности «острова», на облюбованное им место, а Пирстон поставил себе цель — поглядеть, каков он, ухажер Эвис. Она вышла из домишки — своей цитадели; обнаружив это, Пирстон поспешил на Мысок, к маякам. Добравшись до ближайшего из них, он обернулся и на пустынной дороге, что вела к каменоломням,

увидел молодого мужчину, явно каменотеса, и под руку с ним — Эвис.

Перехватив его взгляд, Эвис виновато покраснела. Лицо ее спутника, энергичное, с выражением вечной подозрительности, почти наполовину заросло жесткой черной бородой; типичный «островитянин», подумал о нем Пирстон. Проницательные темные глаза блеснули (так, во всяком случае, показалось Пирстону), словно этот человек был в курсе его дел и насмехался над ним.

Выходит, Эвис болтала о нем, перечисляла симптомы его нежной страсти! Эта девчонка, которую Пирстон берег бы пуще глаза не столько из-за ее собственной очевидной привлекательности, сколько в память ее бесценной матери, пренебрегла им играючи; да как она посмела?!

Недавнее превосходство, которое чувствовал Пирстон, сменилось чувством униженности столь внезапно, что на миг он даже забыл об одном обстоятельстве, а именно: кавалер Эвис отнюдь не был военным. Спохватившись, Пирстон задался вопросом: а как же солдат-караульный, адресат томного взгляда Эвис? Едва ли она так быстро переметнулась к каменотесу; точнее, если применять к ней теорию Фантома, интервалы между перепархиваниями ее Возлюбленного из

одной оболочки в другую не могли быть столь коротки. И кстати — кто из этих двоих вызывает ее свистом?

Пирстон брел домой, подводя мрачные итоги: не выйдет искупить вину перед оригиналом, путем женитьбы вырвав копию из лап бедности и невежества. Небывалое постоянство в новой любви, на которое Пирстон уже настроился, Судьба разрушила еще на стадии замысла.

У ворот «Сильвании» стоял экипаж, причем не простая повозка, на какой к нему могли бы приехать из деревни под утесом, а элегантное ландо явно из курортного города на «большой земле». Теряясь в догадках, Пирстон вошел в дом и обнаружил в гостиной Николу Пайн-Эйвон.

На первый взгляд она, модно одетая и грациозная, казалась красивой; на второй взгляд Пирстон счел ее жалкой, столь бледно и взволнованно было ее лицо. Вообще она сильно отличалась от той леди, что в гостиной дома на Хэмптоншир-сквер сидела, будто проглотив палку, и мучила Пирстона высокомерной холодностью.

— Вы удивлены? Разумеется, вы такого не ожидали! — заговорила миссис Пайн-Эйвон тихим, умоляющим голосом. Пирстон взял ее за руку, и она томно подняла тяжелые веки. — Я не могла

не приехать, мистер Пирстон! Я чем-то обидела вас тогда — верно ведь? Но чем же я так сильно задела ваши чувства, что вы удалились на эту скалу и живете здесь среди варваров, когда в разгаре лондонский сезон?

— Вы не обидели меня, дражайшая миссис Пайн-Эйвон, — отвечал Пирстон. — Как я сожалею, что подобное предположение закралось в вашу головку! С другой стороны, я рад, ибо ваша фантазия привела вас сюда, ко мне.

— Я поселилась в Бедмут-Реджис, — пояснила она.

— Значит, это вас я недавно видел в церкви?

Бледные щеки чуть порозовели; Никола вздохнула. Их взгляды пересеклись.

— Итак, мистер Пирстон, я имею все причины явить добродетель правдивости. Вы понимаете, что это значит. Не так давно верх был мой; теперь он ваш. Какие бы страдания я ни причинила вам за время наших неровных отношений — простите меня. Я готова загладить вину будущей кроткой покладистостью — до известных пределов, конечно.

Джоселин не мог не почувствовать внезапной нежности к этой привлекательной и еще недавно свободной сердцем даме, которая, с какой

стороны ни взгляни, идеально подходила ему и даже превосходила его по всем параметрам, кроме финансового. Он снова взял руку миссис Пайн-Эйвон, задержал в своей — и она вся затрепетала. Но увы, дальше Пирстон пойти не мог. Юная «островитянка» в кокетливом воскресном платье и шляпке с пучком петушиных перьев держала Пирстона, будто на манильском канате. И он отпустил руку Николы Пайн-Эйвон.

— Завтра я уезжаю из Бедмута, — сказала она. — Вот почему я не могла не нанести вам визит. Вы ведь не знали, что я провела в этих краях и Троицын день, и всю последующую неделю?

— О нет, не знал; а то я бы сам вас навестил.

— Я не хотела писать к вам — и напрасно!

— Мне тоже очень жаль, что вы не написали, дорогая миссис Пайн-Эйвон.

Но ей-то хотелось быть для него просто Николой! Уже у ландо Пирстон сказал, что скоро приедет в Лондон и сразу же явится с визитом, но в тот самый момент, когда он произносил эти слова, мимо прошла к своему дому Эвис — одна, без кавалера. К Пирстону и миссис Пайн-Эйвон она не выказала ни малейшего внимания — не повернула головы, даже глаз не скосила.

Зато Пирстон буквально окаменел. Холодность

к Николе, принесенная этой девчонкой — этим эльфом, колдуньей, духом каменоломен, — обрушилась как проклятие. Пирстон сознавал степень своей глупости, не зря ведь он назвал себя болваном. Но страсть, идеализирующая свой предмет, держала его крепко, и он был бессилен перед нею. Кончики пальчиков Эвис Каро волновали его больше, чем миссис Пайн-Эйвон вся, целиком, как женщина и как личность.

Не иначе, она догадалась об этом, ибо произнесла скорбно:

— Ну вот, я сделала все, что было в моих силах! Я чувствовала, что искупить мою тогдашнюю жестокость можно только одним способом: явившись к вам просительницей.

— Очень хорошо, что вы приехали; я вижу в этом проявление великодушия, дражайший мой друг! — выдал Пирстон. Учтивость, а не искренность сквозила в его тоне.

Затем они попрощались, и Никола Пайн-Эйвон покатила прочь. Но Пирстон ничего не видел, кроме удалявшейся Эвис, ничего не чувствовал, кроме своей беспомощности в ее руках. Церковь на «острове» построили рядом с останками языческого храма, дух которого, войдя в новое убежище, наказывал Пирстона руками тех самых

ложных богов, которым он посвятил себя как в искусстве (подобно Деметрию Эфесскому), так и в сердце. Видимо, настал час божественной кары за идолопоклонство.

2. X
Фантом на прежнем месте

Пирстон повернул к дому, но не сделал и нескольких шагов, когда его нагнал Сомерс, сопровождаемый местным жителем, который тащил за ним этюдник и краски. Вместе они приблизились к воротам «Сильвании», где помощник Сомерса оставил свою ношу и удалился, а двое друзей стали прогуливаться вдоль ограды.

— Я только что встретил чрезвычайно интересную женщину, — выдал Сомерс.

— О да, она хороша. Истинныйй эльф, а может, сильфида; сама Психея, если угодно!

— Она потрясла меня.

— Вот и наглядный пример, что красоту не спрятать под самым простеньким платьишком.

— Может, и не спрятать, но это не тот случай. Дама, которую я встретил, была одета по последней моде и с большим вкусом.

— Так ты говоришь о даме в ландо?

— Разумеется. Погоди! Ты что, думал, будто я распоэзиваюсь о смазливенькой прачке, твоей соседке? Ну да, я встретил и ее тоже — но что она

такое? Сгодится для портрета, но не для домашнего очага. А вот леди в ландо…

— Ее имя миссис Пайн-Эйвон. Она великодушна и благородна; она из тех, кто решается на поступки, которые людьми без внутреннего чувства чести всегда бывают дурно истолкованы. Завтра она покидает Бедмут, а сюда приезжала, чтобы повидать меня. Возможно, до тебя доходили слухи, будто между нами что-то есть? Миссис Пайн-Эйвон проявляла ко мне щедрость души, меня же надолго не хватило… Наверняка она кончит тем, что доверится какому-нибудь негодяю.

— Ты так думаешь? — пробормотал Сомерс, чуть подумал и сказал решительно: — Я сам на ней женюсь, если она согласится. Она мне очень приглянулась.

— Ох, Альфред, как бы это было хорошо! Только бы у тебя с ней сладилось. Она, между прочим, давно мечтает сменить высший свет на мир искусства. Она женщина нестандартная, импульсивная; вся — порыв. Мне перед нею совестно. Не скажу, что ее можно покорить — с моей стороны это были бы недостойные слова. Но ты попытайся. Если хочешь, я сам вас познакомлю.

— Я женюсь на ней, если она за меня пойдет! — повторил Сомерс и с характерным для себя флег-

матичным догматизмом добавил: — Решился жениться — бери первую, которая понравилась. Они все одинаковы.

— Ты же совсем не знаешь миссис Пайн-Эйвон, — возразил Джоселин, щедрый на похвалы тем, к кому не испытывал любви.

— Зато ты ее знаешь; вот я на твое мнение и положусь. Слушай, а она действительно красива? Я видел ее только мельком, вот в чем дело. Хотя… Зачем сомневаться? Будь она заурядна, она не зацепила бы меня, известного привередника.

— Поверь мне на слово, миссис Пайн-Эйвон вблизи хороша не менее, чем на расстоянии.

— Какого цвета ее глаза?

— Ее глаза? Насчет цвета я неприметлив, ведь по роду деятельности привержен форме. Погоди, вспомнил: они серые. А волосы скорее русые, чем каштановые.

— Я бы предпочел более темную масть, — беспечно бросил Сомерс. — Среди англичанок и так полно белокурых моделей. А, ладно! Блондинка — хорошее капиталовложение!.. Нет, нельзя так рассуждать: это легковесно. Главное, в целом она мне нравится.

* * *

Сомерс вернулся в Лондон. На крошечном полуострове выдался дождливый день, но Пирстон дошагал до беседки в пределах арендованного замка, уселся и закурил. Сие строение было возведено у самой стены, и Пирстону время от времени отчетливо слышался голосок Эвис, ведь дверь ее домишки стояла настежь, а отделял его от стен «Замка Сильвания» только узкий переулок. Однако говорила Эвис без своих восходящих и нисходящих интонаций. Пирстон знал, в чем причина: Эвис хотелось выйти из дому, но что-то мешало. Он еще раньше заметил: когда Эвис планирует вылазку, характерные интонации появляются в ее голосе уже за несколько часов до таковой. Эвис будто бы воркует, как голубка — без сомнения, потому, что думает о своем возлюбленном — или возлюбленных. Нет, не может их быть больше одного: она чиста душой, она лишена кокетства — это видно невооруженным глазом. Почему тогда мужчин — двое? Гм… каменотес, наверное, ей родня.

Предположение как будто подтвердилось, когда Пирстон, выйдя за ограду «Сильвании», увидел того самого солдата. Военные появлялись здесь

редко; во время увольнительных они выбирали другую часть «острова». Значит, этот «красный мундир» имеет особую причину, решил Пирстон, оглядев его. Щекастый, добродушный парень; над верхней губой топорщатся два пучка волос — ни дать ни взять «усики» рассерженного карпа; глаза небольшие, черные, шапочка гленгарри[36] низко надвинута на лоб. Пирстон поежился, вообразив, как этот малый, не облагороженный ни единой битвой, даже и с беззащитными дикарями, смачно чмокает Эвис в нежную щечку.

«Красный мундир» потоптался возле домишки, заглянул в дверь и побрел по извилистой тропе к утесам, откуда начиналась дорога в форт. Однако он не ступил на нее, а повернул обратно, явно желая вновь пройти мимо жилища Эвис. Никакого сигнала от нее не последовало, и солдат ретировался.

Пирстону недостаточно было знать, что Эвис у себя дома; он пересек переулок и постучал в открытую дверь.

Никто не вышел к нему, однако он услышал некие звуки и шагнул через порог. Эвис была од-

---

[36] Примечания: 36

Гленгарри — шотландский национальный головной убор типа пилотки с кокардой и двумя ленточками сзади. К середине XIX в. получил повсеместное распространение в британской армии.

на; она сидела на низенькой табуретке в темном углу, словно боясь, как бы ее не увидел в окно случайный прохожий. На Пирстона она взглянула равнодушно; она даже не удивилась. Глаза у нее были заплаканные. Впервые эта беззащитная молоденькая девушка, к которой Пирстон, как ему казалось, был привязан узами нежного благоговения, предстала перед ним в слезах. Он расчувствовался сверх всякой меры и потому вошел без церемоний.

— Эвис, деточка моя дорогая! — воскликнул он. — Что стряслось?

Она не ощетинилась, и он ободрился:

— Расскажи мне все как есть. Может, я сумею тебя выручить. Ну же, я слушаю.

— Тут нельзя, — прошептала Эвис. — Надоеда Стоквул услышит — она наверху.

Миссис Стоквул была пожилая особа, приличия ради поселившаяся в доме Эвис, когда та осиротела.

— Тогда идем ко мне в сад. Там чужих ушей не будет.

Эвис поднялась, надела шляпку и вместе с Пирстоном вышла из дому. Но в переулок она ступила не прежде, чем Пирстон, по ее просьбе, удостоверился, что там никого нет. Наконец, они

очутились в саду «Сильвании».

Здесь царили тенистая прохлада и уединение; сквозь сеть ветвей виднелось море, а поскольку до него было рукой подать, слышалось бормотанье волн. С деревьев падали капли, но недостаточно часто, чтобы промочить беседующих.

— Я весь внимание, Эвис, — мягко начал Пирстон. — Не таись передо мной. Я был другом твоей матушки, как тебе известно. В смысле, я хорошо знал ее. И тебе тоже я буду другом.

Говоря так, Пирстон балансировал на грани: Эвис могла заподозрить, что не кто иной, как он, двадцать лет назад бросил ее мать. Впрочем, имя «изменщика», судя по всему, оставалось ей неизвестно.

— Не могу я вам открыться, сэр, — с усилием отвечала она. — Одно скажу: я через ту свою слабинку страдаю, про которую уж говорила. Прочее — чужой секрет.

— Очень жаль.

— Я увлеклась одним парнем, а мне об нем и думать нельзя, не то — беда. Сбежать бы — самое оно сейчас было бы.

— Сбежать с острова? — уточнил Пирстон.

— Ага.

Пирстон задумался. В Лондоне требовалось

его присутствие, причем уже не первый день, он же тянул с отъездом, поглощенный новыми волнениями. А вот если он возьмет с собой Эвис, можно будет приглядывать за ней и развивать ее ум, одновременно избавляя ее от явной угрозы. Правда, покровительствуя молоденькой девушке, он, холостяк, должен быть осмотрителен; но в целом все выполнимо. И Пирстон задал прямой вопрос: хочет ли Эвис на время уехать?

— Я хочу остаться, но уехала бы, потому — так надо.

— Что скажешь о Лондоне?

Эвис просветлела заплаканным лицом.

— Да разве такое возможно?

— Почему нет? Ты бы поселилась у меня: мне нужна помощница. Я снимаю жилье, которое зовется квартирой; слыхала ты о таком? И в этой квартире есть мастерская.

— Не, не слыхала, — ответила Эвис без проблесков любопытства.

— Ну так вот, у меня там двое слуг, а камердинер сейчас в отпуске. Ты могла бы пригодиться; поработала бы месяц-другой.

— Я, сэр, нехудо мебель воском натираю.

— Видишь ли, не так много у меня мебели, которую надобно натирать воском. Зато в ма-

стерской на полу вечно целые горы гипсовых и мраморных осколков, а также глины. Вдобавок ты бы мне позировала. И смахивала бы пыль с моих незадавшихся Венер, а также слепков рук, голов, ног, костей и тому подобного.

Эвис глядела испуганно, однако новизна явно привлекала ее.

— Говорите, сэр, это на время?

— Да-да, на время. Короткое или долгое — тебе решать.

Первый шок прошел, и по обстоятельности, с какой Эвис расспрашивала Пирстона о деталях его предложения, он мог бы понять, что ее чувства к нему зовутся дружеской симпатией, максимум — благодарностью, но отнюдь не являются теми, от которых спирает дыхание. Впрочем, разница в возрасте между ним и Эвис не была скандальной, и Пирстон продолжал надеяться, что завоюет Эвис, когда несколько разовьет ее ум. А вот что довело ее до слез, он сказать не мог.

По всем признакам, Эвис не потребовалось бы много времени на сборы; однако она удивила Пирстона почти моментальной готовностью. Казалось, она рвется покинуть «остров» немедля и так, чтобы об этом не знала ни единая живая душа. Почему она — влюбленная и поначалу не

расположенная к отъезду — вдруг стала торопить его самого, Пирстон не понимал.

Он сделал все возможное, чтобы ничем не скомпрометировать девушку, страстно им любимую, ведь в его интересах было еще и заботиться о ней. С «острова» они выбирались порознь; Пирстон ждал Эвис на станции в нескольких милях от деревни. Показавшись ей из окна вагона, он перешел в соседнее купе. Он буквально сиял: впервые на его попечении была та, чьи имя и облик давным-давно он считал судьбой своей. Предвкушая, как исправит давнюю ошибку, Пирстон испытывал чувство, близкое к чистой радости.

2. XI
Фантом не желает перемещаться

Было уже совсем темно, когда четырехколесный кеб, в котором Пирстон вез Эвис с вокзала, остановился перед доходным домом. Пирстон занимал в нем целый этаж. В те времена подобный вид жилья был не так широко распространен в Лондоне, как ныне. Предоставив Эвис самой выбираться из кеба, а швейцару велев отнести багаж, Пирстон пошел вверх по лестнице. К его удивлению, на этаже царила тишина. Он открыл дверь своим ключом — комнаты были погружены во мрак. Пирстон спустился в лобби. Там, не зная, что делать, ждала среди саквояжей растерянная Эвис. Швейцар толковал с кебменом.

— Куда подевались мои слуги? — спросил его Джоселин.

— А их разве нету, сэр? Не ошибся я, значит; подтвердилось худшее-то! Скажите, сэр, могли вы оплошкою винный погребок не запереть?

Пирстон задумался. Кажется, он оставил ключ от погребка своей экономке, полагая, что может ей доверять, тем более, что погребок был далеко

не полон.

— Так и есть, сэр! — продолжал швейцар. — Она, экономка-то ваша, неделю цельную, ежели не две, ой как чудно себя вела. Знай дует в говорящую трубку[37]: доставьте мне то, доставьте это; мы тут, внизу, уж и вниманья не обращали, так она нас загоняла. А вчера гляжу: выплывают парой, голубчики; должно, вас не ожидали, выходной себе устроили. Или вовсе — с концами смылись. Ежели б вы написали мне, сэр, я бы комнаты подготовил — я ж знаю, камердинер ваш отдохнуть отпущен. Хотя, право слово, не моя это обязанность!

Пирстон снова поднялся к себе и обнаружил погребок открытым; некоторые бутылки были пусты, другие вовсе исчезли. Впрочем, из вещей ничего не пропало. Его письмо на имя экономки так и лежало в почтовом ящике.

К этому времени саквояжи подняли в квартиру. Эвис — сама как бы часть багажа — мялась у двери, а из-за ее спины предлагал свои услуги швейцар.

— Проходи же, Эвис, — сказал наш скульптор. — Ну и что нам делать? Хорошенькое

---

[37] Примечания: 37

Имеется в виду устройство наподобие домофона для связи жильцов с прислугой на первом этаже.

положеньице!

У Эвис долго не было идей; наконец, ее осенило: надо разжечь огонь в камине.

— Огонь? Разожги, пожалуй, если сумеешь. Ох, это стечение обстоятельств… до чего неловко! — пробормотал он. — Да, Эвис: займись камином.

— Не пойму: это кухня, что ли, у вас? От гостиной и не отличишь.

— Да, это кухня.

— Ну так я буду ее в порядке держать, пока вы кого мне в помощь не подберете, сэр. Еще бы найти, где тут у вас уголь… А дом ничего, не сильно велик; я думала, он больше.

— Ну вот и не робей! — с ласковой улыбкой напутствовал Пирстон. — Сегодня я поужинаю в городе, а ты наводи блеск. Швейцар и его жена тебе помогут.

И Пирстон ушел. Так началась его жизнь под одной крышей с Эвис. В Пирстоне крепло ощущение, что на родном «острове» девушку подстерегает опасность, и он решил не отсылать ее обратно, пока любовник (или любовники) — судя по всему, причина ее проблем — не поостынет. Вот каких масштабов достигло заботливое внимание Пирстона: он готов был, и даже почти хотел, рискнуть ради Эвис.

* * *

То было одиночество вдвоем, ибо, хотя, кроме них, в квартире никто не жил, Пирстон и Эвис не составляли друг другу компанию. Теперь, когда Эвис была под боком и Пирстон имел все шансы находиться в ее обществе, он избегал ее так же отчаянно, как преследовал на «острове», шансов не имея вовсе. Они даже не разговаривали; Пирстон записывал поручения и раскладывал бумажки на видных местах. Его задевало, и пребольно, безразличие Эвис к их изоляции от мира. Она вела бы себя иначе; она, пожалуй, всполошилась бы, если бы чувства Пирстона находили отклик в ее сердце.

Выходило, что Эвис, хотя и не обладает мудростью, не может считаться девицей приземленной в общепринятом смысле этого слова. Зато приземленной до невыносимости была ее манера отвечать на дружеские реплики (они изредка срывались с Пирстоновых уст как бы сами собой), да и отношение к нему в целом. Когда бы Пирстон ни измыслил предлог для того, чтобы заглянуть на кухню (требовалось пройти несколько ярдов по коридору с мозаичным полом и говорить с Эвис через дверь), он слышал от нее только

«Да, сэр» или «Нет, сэр», причем Эвис даже не поднимала глаз, поглощенная тем или иным насущным делом.

Если бы жизнь его текла как обычно, он сразу подыскал бы пару умелых и добросовестных слуг; вместо этого он довольствовался одной служанкой. Хотя, по правде, Эвис и на одну не тянула. Пирстон теперь неизменно ужинал в клубе, а если ему случалось есть дома, на столе перед ним стояло блюдо с прискорбно одинокой отбивной котлетой или стейком — он ограничивал себя, страшась, как бы Эвис не возроптала: мол, слишком много работы — и не попросилась домой. Каждые два-три дня приходила поденщица, что означало потребление дополнительной еды и согревающих напитков, но Пирстон боялся ее появлений по другой причине. Что, если поденщица откроет Эвис глаза на двусмысленность ее положения в доме, думал он. Эвис, конечно, и сама могла догадаться, что до нее Пирстону служили два или даже три человека; впрочем, она, казалось, и в голову себе не брала вопрос, почему теперь Пирстон обходится без них.

Изначально Пирстон думал поручить заботам Эвис мастерскую — и только; но случай внес поправки. Тем не менее, однажды утром он отпра-

вил Эвис прибраться в мастерской, а когда, чуть позже, пришел сам, она с упоением вытирала пыль с гипсовых слепков и готовых скульптур.

Оттенок пыли неизменно интриговал ее.

— Гляньте, сэр! Словно бы какой углежог из Бедмута их лапал! Ишь как испоганил ваших глиняных красавчиков!

Пирстон долго смотрел на нее, а потом обронил:

— Вероятно, однажды ты выйдешь замуж, Эвис?

— Есть, сэр, которые выходят, а есть, которые не выходят, — отвечала Эвис, сдерживая улыбку, по-прежнему занятая пылью на изваяниях.

— А ты за словом в карман не лезешь, — заметил Пирстон.

Она задумалась, взвешивая комментарий, и больше ничего не сказала. Изнемогая в сладостных муках, подавляя порывы, глядел Пирстон на Эвис. Особенно его волновал профиль девушки, когда она склоняла головку: нос прямой, но без этой хищной классической красоты; округлый подбородок с наметившейся складочкой у самой шеи; тень от ресниц на румяной щечке, когда глаза так маняще потуплены. Напрасно старался Пирстон вдохнуть прелесть этого лица в глину;

черты ему удавались, но ускользала самая суть!

Тем вечером, в спешке составляя письмо за письмом, Пирстон отправил Эвис купить почтовых марок, хотя уже начало смеркаться. Примерно через четверть часа его как подбросило: да ведь Эвис не ориентируется в Лондоне. Он совсем забыл об этом, и вот внезапно вспомнил.

Он велел ей идти на главный почтамт, ведь другие отделения уже закрылись, а туда путь лежал через две-три улицы. Пирстон распорядился самым обыденным тоном, не вдавшись в детали, а Эвис охотно согласилась, даже будто обрадовалась. О чем он только думал?

Он шагнул к окну. Пробило уже половину девятого, но из-за отсутствия Эвис жалюзи не были спущены. Пирстон открыл застекленную дверь и вышел на балкон. Настольная лампа сочила свои лучи сквозь зеленый абажур. Над площадью висела луна. Направо тянулась длинная улица, утыканная фонарями, и яркие их пятна — одиночные или скученные, в основном желтые, но с вкраплениями голубых и красных — казались тем мельче, чем были дальше от Пирстона. В доме на углу механическое пианино исполняло бравурный марш Россини. Фигуры пешеходов, темные, как тени, двигались вдоль и поперек

по смутно видимой мостовой. Над крышами клубился мертвенно-бледный туман. Повыше, на фоне зеленовато-голубого неба, где уже проклюнулись первые звезды, хотя в нижних слоях еще держался дневной свет, торчали каминные трубы, формой напоминая локти, вилки и сжатые кулаки.

И над площадью, и над улицей стоял утробный гул, должно быть, слышный за многие мили; звуки шагов, голоса, свист, собачий лай были в этом гуле словно пена волн морских. Пирстона потрясла догадка, что ни единый элемент этой массы и не помышляет об отдыхе, о тишине.

И этот бескрайний людской океан качал, увлекал куда-то былинку бытия — его Эвис.

Пирстон взглянул на наручные часы. Эвис отсутствовала уже тридцать минут. С такого расстояния невозможно было бы узнать ее, даже если бы она и возникла на площади. Пирстон вернулся в комнату, схватил шляпу: он решился выйти на поиски. Он дошагал до конца улицы — Эвис ему не встретилась. От его дома на почтамт она могла пройти двумя-тремя путями, и Пирстон, выбрав маршрут наобум, ринулся к почтамту — лишь для того, чтобы обнаружить его запертым. Не помня себя от тревоги, он поспешил домой, но

только нашел, что Эвис не возвращалась.

Потом он вспомнил собственные наставления: если, мол, заблудишься, садись в кеб и называй вознице адрес. Возможно, Эвис так и сделает. Он опять вышел на балкон. Улица, весьма респектабельная и престижная, была теперь почти безлюдна. Фонари напоминали солдат, выстроенных для встречи некоей процессии, которая все медлила появиться. Прямо под балконом, там, где мостовая разветвлялась, горел красноватый фонарь; на углу двое мужчин беседовали вальяжно, словно разморенные полуденным солнцем. Любвеобильные представители кошачьего племени, которых не встретишь днем, так и шныряли друг к дружке в гости, проскальзывая под воротами особняков.

Теперь внимание Пирстона было сосредоточено на кебах. Он почти переставал дышать, заслышав гулкий стук лошадиных подков, но все кебы направлялись к площади. Каждый из двух фонарей на передке расширялся, как зрачок, и Пирстону казалось: вот этот кеб точно повернет к его дому, именно в нем едет Эвис. Но нет, кеб катил мимо.

Уже не контролируя себя, Пирстон спустился по лестнице, вышел и направился в ту сторону, где

пока было довольно оживленно, судя по гулу. Не успев свернуть на главную улицу, он выхватил глазом миниатюрный силуэт, который весьма неспешно двигался по противоположному тротуару. Пирстон метнулся поперек мостовой, и — хвала небесам — это была Эвис.

2. XII
И явилась преграда

— О Эвис! — вырвалось у Пирстона, причем тон был практически материнский — нежно журящий. — Что ты наделала! Как я волновался!

Судя по ее виду, она не могла припомнить за собой никакого предосудительного поступка; она простодушно удивлялась его тревоге. Он же, все еще во власти чувства облегчения, некоторое время ни о чем не спрашивал и вдруг предложил ей опереться на его руку — она ведь устала, не правда ли?

— Нет, сэр! — заверила Эвис. — Ни капельки не устала, и помощи мне не надобно, спасибо.

Они поднялись по ступеням, проигнорировав лифт; Пирстон открыл дверь своим ключом и ввел Эвис в квартиру. Она сразу прошла на кухню; он последовал за ней и уселся на стуле.

— Где ты пропадала? — начал он сурово. — Ты должна была отсутствовать не более десяти минут.

— Да ведь все дела по дому переделаны были, вот я и подумала: пройдусь немножко, хоть на

Лондон погляжу, — в простоте душевной отвечала Эвис. — Купила марки и пошла к центру, где улицы такие нарядные, где дамы гуляют, будто днем! Ей-богу, мне теперь кажется, что я домой с ярмарки в день Святого Мартина[38] воротилась; только тут, в Лондоне, все так по-благородному, что просто ах.

— Запомни, Эвис: тебе нельзя гулять одной! Разве ты не знаешь, что я несу ответственность за тебя? Я твой… твой опекун, и в соответствии с законом, моралью и всем прочим обязан вернуть тебя в родные края в целости и сохранности, ничем не запятнанной. А ты ночью по улицам бродишь — куда это годится?

— Но, сэр, право слово, джентльмены там солидные, нашим, с «острова», не чета! А как одеты! Все до единого по последней моде! Такой джентльмен девушку никогда не обидит. А какие они мне слова говорили! Дома я ничего и близко похожего не слыхала.

— Больше так не делай, Эвис. Причины я после объясню… когда-нибудь. Что это у тебя в руках?

— Мышеловка. В кухне пропасть мышей, при-

[38] Примечания: 38

День Святого Мартина (Martinmas) отмечают 11 ноября. Праздник считается христианским, хотя корнями уходит в языческие времена и связан с завершением уборки урожая.

том это не те чистенькие мышки, которые у нас дома водятся, а этакие гадкие, все в саже. Вот я и решила их переловить. Для того и в город пошла: ближние лавки уже позакрывались. Прямо сейчас мышеловку и налажу.

И она приступила к делу, а Пирстон остался на своем месте. «Налаживание» мышеловки, казалось, полностью поглотило Эвис. Поразительно, думал Пирстон, с какой готовностью она сама сужает круг своих интересов, с какой покорностью довольствуется самыми обыденными вещами, предлагаемыми жизнью, и с каким упорством отказывается уразуметь очевидное: что он, Пирстон, введет ее в жизнь истинную, откроет ей широчайшие горизонты. Да скажи она хоть слово, он добыл бы лицензию на брак и женился бы на ней уже завтра утром. Возможно ли, чтобы она не догадывалась о его чувстве? Если так, значит, она не женщина! Однако в высшей степени женственны были ее спонтанная грация, уклончивость речей и непредсказуемость поступков.

— Мышеловка рассчитана всего на одну мышь, — рассеянно заметил Пирстон.

— А я ночью услышу, как она захлопнется, и заново ее налажу.

Пирстон только вздохнул. Он оставил Эвис в кухне и пошел к себе, хоть и не чувствовал сонливости. В темный предрассветный час его потревожил щелчок мышеловки; Пирстон услыхал его, вероятно, потому, что осталась открытой одна из внутренних дверей. Встрепенулось от щелчка и другое чутко спавшее создание, о чем Пирстону сообщило шлепанье босых ног по коридору и шорох портьеры. Пирстон ждал; прошло достаточно времени, чтобы заново поставить мышеловку. Вдруг из кухни раздался визг. Пирстон вскочил, набросил халат и ринулся на помощь.

Эвис, босая, закутанная в шаль, стояла на стуле; мышеловка валялась на полу, а вокруг нее кругами бегал мышонок.

— Я его достать хотела, а он скок — и улизнул! — выпалила Эвис.

Пирстон обезвредил мышонка, но Эвис продолжала стоять на стуле. А потом, когда мышеловка была заново установлена, его прорвало.

— Подумать только: чтобы девушка вроде тебя — и вдруг связалась с примитивным и грубым каменотесом! — раздраженно начал он. — Почему ты так себя ведешь?

Эвис была настолько поглощена сиюминутной задачей, что не сразу поняла Пирстона, ведь он

говорил вовсе не о мышах.

— Потому что я глупая, — тихо отвечала она.

— Как? Разве ты его не любишь? — изумился Джоселин. Он смотрел на нее снизу вверх, и она, взволнованная, казалась ему той самой Эвис, которая поцеловала его двадцать лет назад.

— Что толку про это говорить? — произнесла она.

— Выходит, ты увлечена солдатом?

— Ага, только я с ним ни слова не сказала.

— Ни слова?

— Ни единого.

— Значит, кто-то из них дурно с тобой обошелся? Что ж, он обманул тебя?

— Нет. Ничего такого.

— Никак не раскушу тебя, Эвис. Но я и не желаю знать больше, чем ты сама готова рассказать. Ну же, откройся мне, не таись!

— Ох, сэр, только не сейчас! — воскликнула она со своего пьедестала, всем своим миленьким зарумянившимся личиком и карими глазами выражая мольбу. — Я вам завтра все расскажу, ей-богу!

Он ретировался в свою комнату; он долго лежал без сна. Примерно через четверть часа после того, как пошла к себе Эвис, мышеловка снова

щелкнула. Пирстон, приподнявшись на локте, весь обратился в слух. В квартире было так тихо, а двери были сделаны столь небрежно и из столь тонких досок, что Пирстон слышал, как мечется в клетке, бьется о прутья решетки незадачливая мышь. Однако босые ножки не прошлепали по коридору. Пирстону все равно не спалось, и вот он со свечой прокрался на кухню, где освободил и заново установил мышеловку. На обратном пути он опять прислушался. В дальнем конце коридора темнела дверь спальни Эвис; но звуки второй за ночь удачной охоты явно не разбудили сию рачительную хозяйку. Из комнаты доносилось тихое, почти младенческое посапывание.

В мрачном расположении духа Пирстон снова лег. Полное безразличие к нему Эвис, вид необжитой кухни, холодный очаг внушили ему чувство одиночества — куда более глубокого, чем он испытывал раньше.

Поистине он дурак, что до такой степени увлекся этой юной особой. Ее беззащитность и полное неведение об опасности, что таится в их проживании под одной крышей, были, по сути, стражами второго порядка; они тоже удерживали Пирстона от посягательств на Эвис, и почти так же надежно, как делал это главный страж — полное

сходство Эвис с покойной матерью. Но именно отсюда проистекала его тоска.

Назавтра, взглянув на Эвис, Пирстон решил изменить порядок вещей. Эвис он отправил в мастерскую, написал агенту по найму заявку на пару слуг и приступил к ваянию. Эвис хлопотала, избавляя от пыли все статуи и слепки, к которым ей позволялось притрагиваться. Произведения Пирстона вызвали в ней живой интерес, едва она их увидела. Так сонная душа стремится постичь Прекрасное: идея вроде бы и маячит впереди, а не дается. Ясность ума Эвис могла бы унаследовать от матери вместе с наружностью, но вмешалась отцовская кровь — отец-то был человек самый заурядный. Согласно убеждениям многих (и Пирстона в том числе), качества-антиподы нередко ведут борьбу в такой вот дуалистической личности.

Они были одни в мастерской, и Пирстон дал волю чувствам. Он обнял Эвис обеими руками и воскликнул:

— Дорогая моя, обожаемая малютка Эвис! Я хочу спросить тебя кое о чем; наверняка ты уже и сама догадалась? Я хочу знать, согласна ли ты выйти за меня замуж и навсегда остаться здесь, со мной?

— Ой, мистер Пирстон! Что за чепуха!

— Чепуха? — повторил Пирстон, отступая на шажок.

— Да, сэр.

— Но почему? Я слишком стар для тебя? Разница в возрасте между нами вроде не так уж серьезна.

— Не в ней дело, сэр; по мне, беды тут нету. Для замужества такая разница в самый раз; это для приятельства она не годится.

Эвис попыталась высвободиться из его объятий и опрокинула бюст императрицы Фаустины[39]. Пирстон ее не удерживал. Он видел, что девушка не только удивлена, но и встревожена.

— Ты не сказала, почему это чепуха! — с горечью бросил Пирстон.

— Да мне и не снилось, что вы насчет меня этакое в голове держите. Вот честное слово! И мы тут с вами совсем одни, в этой квартире! Ой! Что мне делать?

— Скажи «да», красавица моя, и мы тотчас поженимся, и никто нас не попрекнет.

Эвис покачала головой.

— Не могу, сэр.

---

[39] Примечания: 39

Имеется в виду либо Фаустина Старшая, либо Фаустина Младшая; мать и дочь. Обе вышли за будущих римских императоров — Антонина Пия и Марка Аврелия, соответственно.

— Но для тебя это выгодный брак. Или, может, я тебе неприятен?

— Нет, сэр, вы мне по нраву, только не как ухажер. Хотя, думаю, я вас потом полюбила бы, если б…

— Ну так попытайся, — проникновенным голосом попросил Пирстон. — Как твоя матушка!

Он раскаялся в этих словах, едва они сорвались с его уст. Он мгновенно понял: нужный ему исход дела теперь под угрозой.

— Матушка вас любила? — переспросила Эвис, глядя на Пирстона с недоверием.

— Да, — вымучил он.

— Но вы ж не тот ее жених, правда? Не тот изменщик, который…

— Нет, это я и есть. Ни слова об этом, Эвис.

— Который от нее сбежал?

— В общем, да.

— Ну так приязни от меня не ждите. Не будет вам ее! Никогда! Это я просто не знала, что тот человек был джентльмен; я думала…

— Ты права: джентльменом он и не был.

— Ох, сэр, уйдите, пожалуйста! Глаза бы мои на вас не глядели! Может, после я к вам опять по-прежнему стану относиться, но…

— Нет! Будь я проклят, если уйду! — отвечал

до крайности взвинченный Пирстон. — Я был с тобой честен; значит, и тебе хватит запираться!

— Что вы хотите, чтоб я вам рассказала?

— Ты должна четко объяснить, почему не принимаешь мое предложение. Все сказанное тобой до сих пор дает повод пойти на попятную. Не бойся, дорогая, я не сержусь.

— Нет, вы сердитесь.

— Нисколько. Итак, что это за причина?

— Она, сэр, зовется Айзеком Пирстоном. Ну, тем, который дома остался.

— А точнее?

— В общем, он меня обхаживал, обхаживал, и до того дообхаживался, что деваться стало некуда; вы ж знаете, каков на «острове» обычай. И вот однажды утром мы с ним тайно обвенчались. А почему тайно? Потому что матушке он был не по нраву, да и мне самой тоже. Потом он со мной поругался, а как раз перед тем, как мы с вами в Лондон подались, взял да и уплыл на Гернси[40]. Ну а тогда, после ссоры, я увидала солдата и влюбилась по уши, даром что даже имени его не знаю.

---

[40] Примечания: 40

Гернси — остров в проливе Ла-Манш, один из Нормандских островов. Нормандские острова — т. н. коронные земли, или владения, Британской короны, которые формально не входят в состав Соединенного Королевства, но и не являются заморскими территориями и не имеют и никогда не имели статуса колоний.

И всегда вот со мной так! А оно ведь нехорошо, дурно; потому я себе думать об нем запрещала, глядеть на него, когда он мимо проходил. Сама запрещаю, а сама слезы лью. Очень мне одиноко тогда было, а тут вы, сэр: поедем, дескать, в Лондон. А мне куда бы ни убраться — все едино. Вот я и согласилась.

— Святые небеса! — вырвалось у Пирстона. Он сильно побледнел, лицо исказилось горестным изумлением. — Почему, о, почему ты поступаешь так нелепо? Или, лучше спросить, почему ты мне сразу не сказала? Это что же получается? Ты замужем за человеком, который уплыл на Гернси; и ты его ничуть не любишь, а любишь солдата, с которым ни словечком не перемолвилась. Я чуть на нас обоих скандал не навлек, и все потому, что ты позволила мне любить тебя. Поистине ты очень коварная женщина!

— Вовсе нет! — надулась Эвис.

Однако она была бледна и явно напугана; она глаз поднять не смела.

— Я вам сказала, когда вы посватались, что чепуха это, — продолжала Эвис. — Я бы все равно за вас не пошла, даже если б не была за окаянным Айзеком Пирстоном. Разве можно, когда я теперь знаю, что это вы мою матушку бросили?

— За этот поступок я достаточно наказан! — печально молвил Пирстон. — Таких, как я, всегда ждет жестокая расплата. Но твоей матушке я никакого бесчестья не сделал. А теперь, Эвис, — я буду называть тебя милой Эвис в память твоей матушки, а не ради тебя самой, — теперь, милая Эвис, давай-ка посмотрим, как помочь тебе выпутаться, ибо ты и впрямь попала в беду. Почему ты не любишь своего законного мужа, Эвис?

Она отвела глаза; она смотрела на одну из статуй, словно не находила слов, чтобы поведать обо всех тонкостях своей натуры.

— Айзек — тот самый чернобородый мужчина, с которым я тебя встретил однажды в воскресенье? У него вид типичного «островитянина»; и он мой однофамилец, хотя данный факт ускользает от внимания там, где в ходу всего с полдюжины фамилий.

— Да, это Айк, он самый. В тот вечер мы с ним как раз и поругались. Он на меня взъелся, я не смолчала (вы, верно, нас слыхали), а назавтра он уехал.

— Как я уже сказал, я должен подумать, чем тебе помочь. Прежде всего, по-моему, надо вернуть домой твоего мужа.

Эвис нетерпеливо передернула плечами.

— Он мне постыл!

— Зачем же ты вышла за него?

— А куда было деваться, если мы уж друг дружке обещались, по нашему обычаю?

— Подумаешь, обычай! Он дик и нелеп, и давно устарел.

— Айк иначе понимает насчет всякого такого. Да что толковать — уехал ведь он.

— Между вами произошла обычная размолвка. Если он вернется, я помогу ему начать свое дело. Скажи, дом все еще принадлежит тебе?

— Да, это моя собственность. Пока меня нет, за порядком следит Надоеда Стоквул.

— Хорошо. Вы, сударыня, отправитесь домой немедленно и будете ждать, когда ваш супруг вернется и помирится с вами.

— Да не поеду я! Не надо мне его! — Эвис всхлипнула. — Я хочу здесь быть, при вас, или еще где-нибудь; где угодно, лишь бы он туда не добрался!

— Это у тебя пройдет. Ступай в квартиру и собирай вещи. Ну-ну, не упрямься, милая Эвис. Жди меня в лобби, я вернусь через час.

— Не хочу!

— Придется!

Она поняла, что в ее интересах послушаться

Пирстона. Он действительно зашел за ней в назначенное время, минута в минуту, взял чемодан и зонтик, а она несла коробку и остальные вещи. Велев швейцару погрузить багаж Эвис и усадить ее саму в четырехколесный кеб и отправить на вокзал, Пирстон вышел из дома и глядел на дорогу, пока не появился кеб. Ошеломленная Эвис уселась; Пирстон тоже занял место в кебе, и они поехали.

В купе, где больше никого не было, они сели друг против друга; началось утомительное путешествие. Глядя в лицо Эвис и держа в уме ее признание, Пирстон недоумевал, как до сих пор не разгадал ее тайны. Всякий раз, когда их взгляды встречались, в глазах Эвис был вызов; в конце концов, она разрыдалась.

— Я к нему не хочу, не хочу! — всхлипывала она, вся такая жалкая.

Пирстон был огорчен почти так же, как она.

— Почему ты поставила меня и себя в такое положение? — спросил он с горечью. — Что толку теперь сожалеть! Я, по крайней мере, не сожалею. Для меня это означает выход из трудной ситуации. Если бы даже ты не была замужем, ты не стала бы моей женой!

— Нет, сэр, стала бы.

— Что? Ты бы согласилась? А кто совсем недавно утверждал обратное?

— Теперь вы мне куда больше нравитесь. С каждой минуточкой, сэр!

Пирстон вздохнул, ибо в эмоциональном плане был немногим старше Эвис. Эмоциональный рост тормозило вечное невезение; из-за этой помехи Пирстон оставался самым односторонне развитым из Божьих созданий. В его уме зародилось некое предложение, но было тотчас отвергнуто как вероломное по отношению к неискушенному земляку, почти родичу — ведь предки-то у него с Айзеком явно общие, и в одних и тех же традициях они оба были взращены.

В тот проклятый, вечно памятный день между Пирстоном и Эвис больше ничего существенного не произошло. Афродита, Астарта, Фрейя, или как там звалась богиня любви на его «острове», карала Пирстона, и прежестоко — как она всегда карает своих служителей при попытке сменить эфемерность на постоянство. Когда же снимется проклятие с Пирстонова сердца — по-прежнему юного, в то время как телесная оболочка претерпевает естественные изменения? Пожалуй, это кончится вместе с самой его жизнью.

Вернув Эвис в ее домишко, Пирстон прямиком

отправился в часовню, где состоялось венчание. Пирстону требовалось увериться, что брак действительно заключен. Возможно, он питал ни с чем не сообразную надежду, что Эвис еще свободна, хотя ее свобода грозила ему скандалом. Но нет, в приходской книге было черным по белому написано: Айзек Пирстон и Энн Эвис Каро, сын и дочь тех-то и тех-то, поженились тогда-то. Здесь же стояли подписи жениха и невесты, священника, их венчавшего, и двух свидетелей.

2. XIII
Она исчезает из виду

Зима только-только началась, дул сухой, пронизывающий ветер. Уже стемнело; переулком, который разделял два участка — при «Замке Сильвания» и при коттеджике Эвис — ведя дальше, к руинам замка Рыжего короля, шагал одинокий путник. Он направлялся к коттеджику, с западной стороны притиснутому к «Сильвании», почти к самым ее воротам, а с восточной — к подъемному мосту древней крепости. Ближайшие несколько домишек (все они казались вытесанными непосредственно из скалы) были погружены во тьму; слабо светилось лишь верхнее окно в доме Эвис. Этот свет повторялся дальним плавучим маяком, пришвартованным у таинственной отмели, носившей имя «Прорва», и таким образом уравновесил две противоположности — неукротимость и приручeнность.

Море словно страдало физически, ворочаясь на ложе из камней, что некогда были стенами замка; стоны слышались через равные промежутки времени. И с той же периодичностью долетали

стоны из освещенной комнаты коттеджика; казалось, вода и плоть вздымаются в едином ритме, стонет одно и то же земное существо — и, если смотреть под определенным углом, так оно и было.

Пирстон — ибо мерил шагами переулок именно он — взглядывал то на плавучий маяк, то на светящееся окошко и невольно сопоставлял спазмы моря с родовыми муками женщины. Скоро к стонам добавился новый звук — слабенький писк младенца. Пирстон вздрогнул, повернул на запад и застыл на развилке. Там он простоял весьма долго. Наконец мирный сон селения, что находилось в той стороне, был нарушен легким скрипом колес и стуком лошадиных копыт. Пирстон вернулся к коттеджику и стал ждать, пока приблизится повозка.

Это была простая телега; едва она остановилась, наземь спрыгнул ездок. Широкополая шляпа, скрывая его лицо, позволяла разглядеть лишь черную бороду, подстриженную на манер тисовой изгороди — признак типичного «островитянина».

— Вы — муж Эвис? — быстро спросил наш скульптор.

Бородач ответил утвердительно; говорил он с

местным акцентом.

— Только нынче оно причалило, судно-то, — добавил он. — Раньше никак нельзя было приехать. В Питер-Порте[41] по контракту я работал: не свалишь, покуда срок не выйдет.

— Факт вашего возвращения, — начал Пирстон, — означает, что вы хотите помириться с женой, верно?

— Не то чтоб сильно хочу, но помирюсь, — отвечал бородач. — Мне что так, что эдак — все едино.

— Если вы заживете с ней, как положено супругам, вам будет обеспечен свой маленький бизнес здесь, на «острове»; я говорю о традиционном для этих мест ремесле.

— Тогда я готов, — оживился бородач. В голосе угадывалась энергичность. Обида, судя по тону, не прошла, но в целом этот человек склонялся к тому, чтобы исправить положение.

Возница получил плату, а Джоселин и Айзек Пирстон вошли в дом. Не было сомнений, что они — отпрыски одного рода на «острове» — где сплошь и рядом браки заключаются между кузенами, — как не было и доказательств их родства.

---

[41] Примечания: 41

Имеется в виду город Сент-Питер-Порт — столица о. Гернси.

В комнате на первом этаже их никто не встретил. Посередине стоял квадратный стол, на столе шерстяная салфетка, на салфетке — лампа; здесь явно регулярно прибирались и вообще содержали помещение в готовности к некоему событию.

По лестнице к вошедшим спустилась женщина, которая делила с Эвис кров. На их расспросы она отвечала, что все идет как нельзя лучше, но наверх им пока нельзя. Затем миссис Стоквул подвинула к столу стулья и принесла ужин, а сама удалилась. Джоселин с Айзеком уселись по обе стороны от лампы — человек, любящий ту, что мучилась сейчас наверху, но не имевший на нее прав, и человек, который имел все права, но не чувствовал любви. Перебрасываясь общими фразами, эти двое мужчин прислушивались к шагам наверху: Джоселин тревожно и внимательно, Айк — невозмутимо: дескать, как суждено, так оно и будет.

Вскоре жалобный, словно блеющий писк повторился, а затем вышел доктор.

— Ну как она? — спросил Джоселин.

Айк, человек замкнутый, лишь поднял глаза, полагая, что одного ответа хватит на двоих.

— Она молодчина, просто молодчина, — выдал местный эскулап; явно это была его всегдашняя

фраза.

Поскольку экипаж за ним еще не приехал, он сел к столу и немного подкрепился. После его отъезда опять спустилась миссис Стоквул и сказала, что о присутствии Айка сообщено его жене.

Судя по всему, блудный каменотес предпочел бы остаться за столом и допить свой эль, но, понукаемый Джоселином, все-таки ступил на лестницу. Едва комната первого этажа опустела, Джоселин поставил локти на стол и уронил лицо в ладони.

Айк отсутствовал недолго. Вернулся он уже с видом собственника и сказал, что Джоселину надо пойти к роженице — таково ее желание. Джоселин поднялся по ветхим ступеням; муж остался внизу.

Эвис, хоть и бледная, как полотно, выглядела бодрее и счастливее, чем ожидал Джоселин; ее настроение явно определял розовый комочек, лежавший тут же, на постели. Эвис протянула Джоселину руку.

— Я только хотела сказать вам, — начала она, превозмогая слабость, — я подумала, вреда не будет, если мы повидаемся, хоть я еще и не оправилась… Так вот, сказать вам спасибо за то, что помирили меня с Айком. Он тоже очень рад, что

домой вернулся; он так говорит. Вы вообще столько добра мне сделали, сэр, очень много добра…

Джоселин не понимал — и не пытался понять, — вправду ли Эвис рада или говорит то, что положено.

В ответ он сказал, что ценит ее благодарность, и добавил мягко:

— А теперь, Эвис, я слагаю с себя обязанности твоего опекуна. И очень надеюсь в скором времени узнать, что твой муж завел здесь, на «острове», свое дело.

— А я-то как надеюсь — ради малышки! — выдохнула Эвис. — Хотите поглядеть на нее, сэр?

— Малышки? Ах да — твое дитя! Ты должна назвать ее Эвис.

— Ага, я и сама так хотела, — отвечала Эвис с готовностью. Затем она робко откинула одеяльце. — Вы же ведь простите меня, сэр, за то, что я вам сразу не призналась в замужестве своем скороспелом?

— Если ты простишь меня за любовь к тебе.

— Да чего уж там! Откуда вам было знать? Если б только…

Пирстон попрощался с ней, поцеловал ее руку, отвернулся от нее и от существа, которое только явилось в жизнь и с которым ему было суждено

встретиться вновь при совершенно иных обстоятельствах, и вышел из комнаты. В глазах его стояли слезы.

— Так умирает мечта! — констатировал он.

Гименей, под личиной или без оной, в то время глумился над Пирстоном в манере, которая более пристала арлекину, нежели факелоносцу. Через два дня после того, как Пирстон расстался с женщиной, которую столь бескорыстно любил, ему встретился на Пиккадилли Сомерс; нехарактерно опрятный, одетый с лоском, он куда-то спешил, причем вид у него был целеустремленный.

— Дружище! — воскликнул Сомерс. — А у меня новость! Правда, я обещал не говорить тебе, ну да все равно! Какая разница, сейчас я душу изолью или позже.

— Что? Но ведь ты не намерен… — начал изумленный Пирстон.

— А вот и намерен. Сказанное мною полгода назад под влиянием импульса я теперь хочу осуществить, руководствуясь холодным рассудком. У нас с Николой завязалось вроде в шутку, а итогом стало серьезное чувство. Через месяц мы дадим клятву в вечной верности.

Часть третья
Молодой человек, которому перевалило за шестьдесят

Во мне ты видишь отблески огней,

Лежавших в пепле юности своей;

Они окончат жизнь на этом ложе.

Снедаемые тем, что их зажгло [42].

[42] Примечания: 42

Строфа из 73-го сонета У. Шекспира дана в переводе В. Брюсова.

3. I
Она возвращается

Годы, числом два десятка, легли пеленой на события, финалом которых было воссоединение Эвис Второй и ее мужа, но древний полуостров, называемый островом, выглядел как прежде. Правда, за это время многие из тех, чьи тени ежедневно пятнали монотонную белизну летнего ландшафта, перестали быть преградой бесцветному солнечному свету.

Впрочем, существенных изменений на «острове» не произошло. Тихо причаливали и отчаливали кечи, звякали молотки в каменоломнях; лошади бело-коричневой масти, по восемь либо по десять в упряжке, надрывались, волоча вниз по дороге квадратные каменные блоки на телегах с допотопными деревянными колесами. Плавучий маяк еженощно подмигивал с отмели маяку сухопутному, а тот отвечал ему с Мыска пристальным взглядом. Скрежет, с каким пес гложет кость, слышимый с галечной косы, повторялся все эти годы при каждом отливе, но окатышей не убывало.

В трактирах, где пили, курили и сплевывали на пол мужчины, в разбавленных напитках всего лишь на малую толику прибавилось воды, а в речах «островитян» чуть меньше стало сугубо местных словечек. Но ни разу за эти двадцать лет не возник на скалистом «острове» силуэт скульптора Джоселина Пирстона, который впервые взял в руки резец, побуждаемый «островным» духом.

Пирстон провел эти годы, в основном, за границей, а в тот конкретный день находился в одном римском отеле. Хоть он ни разу не видел Эвис с тех пор, как оставил ее в спальне с новорожденной дочкой, он умудрялся время от времени получать о ней известия. Он узнал, к примеру, что вскоре после возвращения к нормальной семейной жизни Айк Пирстон стал ее поколачивать. К счастью, дело, переданное ему Джоселином, сделалось доходным, Айк начал вникать в его тонкости и предоставил жене спокойно хозяйничать в доме. Между супругами установились ровные отношения из тех, что длятся и длятся, ибо главный ингредиент в них не ненависть и не любовь, а всеобъемлющее безразличие.

Сначала Пирстон посылал Эвис деньги — строго на ее имя, из опасения, как бы на ее материаль-

ное благополучие не покусился супруг. Однако вскоре он, к величайшему облегчению, узнал, что помощь его не нужна, ведь Айк, человек амбициозный, заделался этаким «островным» джентльменом и позволяет Эвис тратить деньги напоказ, из тщеславия — чего никогда не позволил бы из чистой доброты.

Как уже было сказано, Пирстон проживал в Риме; однажды вечером он вернулся в отель после целого дня, проведенного в бесконечной галерее Ватикана, среди мраморов. Многим свойственно находить подобия там, где их нет; к этому был склонен и Пирстон, и оттого видел (или воображал, что видит) нечто, напоминающее «остров», в самой атмосфере Рима, в его тенях и свете (особенно — в свете отраженном). Возможно, потому, что и на «острове» и в Риме глазу представал главным образом камень, руины в Вечном городе вызывали у Пирстона ассоциации с девственным камнем родины.

Размышляя об этом, Пирстон ужинал в ресторане отеля; вдруг, к его удивлению, некий американский джентльмен, сидевший за столом против него, обронил название «Остров пращников». Американец рассказывал своему приятелю о некоей леди — англичанке, вдове, с которой

он познакомился много лет назад, когда она с родителями прибыла в Сан-Франциско. Он встретил ее вновь, случайно, на одном из островов в Английском канале, совершая турне. Отец этой дамы был человек состоятельный; тогда, давно, он отошел от дел (он держал каменоломни на «Острове пращников»), но, втянувшись в финансовые спекуляции, потерял почти весь капитал. Далее, Джоселину открылось, что имя этой дамы — миссис Леверр, она была замужем за джентльменом с острова Джерси, вдовцом, и у нее есть пасынок — умный и красивый юноша; кажется, из него выйдет толк.

Пирстона осенило: да ведь эти сведения, заодно с намеками, пусть и туманными, говорят в пользу того, что речь идет об утраченной им Марсии. Нет, ему не хотелось искать ее через дважды двадцать лет после расставания, но он был впечатлен в достаточной степени и решил, как только представится случай, поговорить с американцами.

Во время ужина это не удалось — на столе между ними стояли цветы, да и сам стол был широк; в любом случае, Пирстону претило расспрашивать о Марсии при таком скоплении народа. Он дождался конца трапезы. Американцы встали

из-за стола, и Пирстон тоже встал.

Однако в гостиной их не оказалось. Они ушли. Догнать их не было шансов, но Пирстон, в котором их слова столь многое всколыхнули, долго мерил шагами Пьяцца ди Спанья[43], думая: должны же американцы вернуться. Улицы, расположенные ниже уровня площади, погрузились в тень; фасад церкви Тринита-дей-Монти[44] был залит оранжевым светом; вечерний сумрак постепенно сгущался у подножия широкой, длинной лестницы[45], по которой вверх и вниз сновали пешеходы, безликие, как муравьи. И вот полная темнота окутала дом слева, где жил Шелли, и дом справа, где умер Китс.

Вернувшись в отель, Пирстон узнал, что американцы всего только заходили поужинать, а живут они где-то в другом месте. Больше он их не видел, но не огорчался. В самом деле, разве Марсия, эта сугубо земная женщина, которая покинула его так неожиданно и столько лет не давала о себе

---

[43] Примечания: 43
Площадь Испании.

[44] Примечания: 44
Церковь Пресвятой Троицы на холме Пинчо.

[45] Примечания: 45
Имеется в виду знаменитая Испанская лестница. Строительство начато в 1721 г. с целью соединить посольство испанских Бурбонов (у ее подножия) с церковью Пресвятой Троицы.

знать, оценит запоздалую дружбу с ним, теперь пожилым человеком, даже если он и возьмет на себя труд найти ее?

* * *

Но довольно о Марсии. Другая ниточка, которая связывала Пирстона с древним «Островом пращников», задрожала, когда он получил письмо от Эвис. Письмо это пришло вскоре после подслушанного Пирстоном разговора американцев. Эвис сообщала, что ее муж Айк погиб год назад в своей же собственной каменоломне, сама она долго болела, а теперь, хоть и здорова и ни в чем не имеет нужды, очень хотела бы повидаться с Пирстоном, если он окажется в их краях.

Эвис не писала ему несколько долгих лет; уж не продиктовано ли ее желание встретиться чем-то большим, нежели добрая память о нем, подумал Пирстон; уж не сказываются ли тут новые обстоятельства? В то же время сам тон письма сразу отметал подозрения, будто Эвис вспомнила о нем как о давнем воздыхателе, чьи ухаживания теперь будут уместны. Он написал Эвис, что с огорчением узнал о ее болезни и что непременно заглянет к ней, когда в следующий раз будет в Англии.

Однако пошел Пирстон дальше. Просьба Эвис оживила в нем мысли о старом доме и обо всем, что было связано с «островом», и Пирстон не стал дожидаться иных причин для возвращения. Призыв Эвис он счел достаточным поводом. Примерно неделю спустя он уже стоял у подножия холма, на крутом склоне которого коттеджики лепились, будто сизые голуби на скате крыши.

Он преодолел крутой подъем, очутился на Маковке (так местные называли вершину), откуда долго наблюдал за спорой работой в каменоломнях. Многочисленные черные подъемные краны, рассыпанные по центральному плато, казались Пирстону роем комаров-долгоножек, что присели отдохнуть. Он спустился к каменоломням, расспросил о подробностях несчастного случая, который унес жизнь Айка, и узнал, что Эвис, хоть и вдова, имеет достаточно друзей и сочувствия получает в избытке — то есть, выказывать ней внимание прямо сейчас необязательно. Рассудив, что нет причин для немедленного и притом неожиданного визита, Пирстон покинул каменоломню. Пожалуй, все-таки Эвис написала ему, поддавшись порыву, а понятное отчуждение между ними, конечно, возникло в долгой разлуке. Спустившись с горы, Пирстон сел в поезд, проехал

по галечной косе и скоро оказался в курортном городке, где и снял жилье на несколько дней.

И по мере того, как текли эти дни, в Пирстоне оживал интерес ко всему связанному с «островом». Когда бы он ни вышел прогуляться, «остров» был перед ним — этакая огромная серая улитка среди морского простора. Стояла весна; как раз начался сезон морских прогулок. С малолюдной палубы Пирстону открывался вид на замок Рыжего короля, руины которого венчали холм, и, далее, на деревушку Ист-Куорриз. Это занятие — кататься на пароходе — никогда не надоедало ему.

Так дела и шли — а точнее, не двигались с места, — пока Пирстону не захотелось развязаться с неопределенным обещанием, которое он дал Эвис. Но сначала — вот неожиданность — ему вручили второе письмо от нее. Она, оказывается, прослышала, что он уже на «острове», и догадалась, что он остановился где-то поблизости. Почему же он до сих пор не навестил ее? Она постоянно о нем думает и хочет его видеть.

Строки дышали тревогой; не оставалось сомнений, что Эвис и впрямь есть что сказать Пирстону, причем доверяться бумаге она не желает. Пирстон был заинтригован и в тот же день отправился на «остров».

В последние несколько лет он почти не думал об Эвис. Зато твердо знал: его отношение к женщинам теперь не то, что в годы ранней зрелости. Тогда, будучи сравнительно молодым мужчиной, Пирстон видел в женщине всего только временное пристанище — либо для заурядности, либо для идеала. Теперь его сердце выказывало склонность быть верным одному существу женского пола, со всеми изъянами и изъянчиками, кои больше не побуждали Пирстона к дальнейшим поискам, но, напротив, умножали его нежность. С этим зрелым чувством (пусть и более тонким, и более возвышенным, не в пример старому) были сплошные неудобства, ведь любовный пыл охватывал Пирстона, как и раньше, не допуская пауз, во время которых он мог бы восстановить силы — пауз, столь необходимых в его лета.

Первым потрясением стала информация, что Эвис давно не живет в маленьком коттеджике. Следуя указаниям, Пирстон двинулся в западном направлении, миновал западные ворота «Сильвании» и, наконец, добрался до дома, где прошло его детство. Дом этот, удобный и просторный, как и помнилось Пирстону, глядел на Английский канал, и с фасада его украшали те же бересклет и тамариск, ибо лишь они способны выжить

в челюстях соленого ветра. Пирстон нашел, что кустарники нисколько не подросли. Зато штукатурка была свежая. По всем признакам, покойный хозяин дома процветал.

Но вдова в траурном платье, принявшая Пирстона в гостиной окнами на море, была, увы, только жалкой тенью Эвис Второй. Да и как мог Пирстон воображать, будто за двадцать лет она не изменилась? Однако иллюзия его имела объяснение: сам-то он, почти того не сознавая, чувствовал себя прежним. В каковом чувстве его утвердила неожиданная фраза Эвис — одна из первых ею сказанных:

— Ну и ну! Вы какой были, таким и остались!

— Верно, Эвис, таким я и остался, — печально ответствовал он, ибо неспособность с годами иссохнуть, как его сверстники, словно бы вышвыривала Пирстона из самого времени. Хуже того: вся сцена, производя впечатление комедии, была глубоко трагична.

— Это хорошо, сэр, — продолжала Эвис. — С меня вот несчастья румянец согнали!

— Очень тебе сочувствую.

Она смотрела испытующе, с добродушным любопытством, и Пирстон точно знал, о чем она думает: «Вот этого мужчину я раньше воспри-

нимала почти как старика, а теперь он кажется моим ровесником; теперь мы глядим на мир спокойно, без былых страстей».

Пирстон шел к Эвис, храня в сердце ее прежний образ; при встрече он живо остыл, но, даже и отлученный от жаркой мечты реальностью, не изменил первоначальному намерению задержаться в гостях. Они вспоминали прошлое, его привязанность: двадцать лет назад Эвис ею пренебрегала, зато теперь уделяла ей в беседе куда больше внимания, чем сам Пирстон.

И постепенно он подпал под ее чары. Странная близость между ними, как мнилось Пирстону, возникла, когда он узнал, что Эвис живет в доме его детства. Ее фамилия здесь мало значила; но это была и его фамилия тоже, а в совокупности с одним и тем же домом придавала их встрече особый подтекст.

— Вот мое любимое место, — сказал Пирстон, садясь у камина так, чтобы можно было глядеть в окно. — Здесь я устраивался, когда жил в этом доме с родителями. Из этого окна я видел кипень цветущего тамариска, а за ней, дальше — травянистый участок земли над обрывом. По вечерам издали подмигивал вот этот же самый плавучий маяк. Пересядь сюда, Эвис, это доставит мне удо-

вольствие.

Эвис передвинула стул, Пирстон поднялся, встал сбоку и принялся указывать на объекты, знакомые с детства. Ее головка и лицо (это последнее, усталое от тяжких мыслей, поблекшее — свидетельствовало, что семейная жизнь бедняжки отнюдь не была счастливой) находились совсем близко; если бы Эвис подалась к нему на пару дюймов, она коснулась бы щекой его груди.

— А сейчас ты здесь хозяйка, я — гость, — продолжал Пирстон. — И как же я рад, что ты поселилась именно в моем бывшем доме! И что хорошо обеспечена — ведь это так? — Пирстон оглядел комнату, отметил, что мебель добротная, красного дерева, и что наличествуют пианино новой модели и импозантный книжный шкаф.

— Да, Айк хорошо меня устроил. Это он решил, что надобно нам перебраться из моего коттеджика в дом попросторнее. Он и дом ваш купил, и я могу тут жить, сколько пожелаю.

Хотя восторженная страсть сменилась дружескими чувствами, целый ряд совпадений внушал Пирстону, что он может искупить вину перед Эвис Первой, посватавшись к Эвис Второй, когда позволит время. Пусть он не любит ее, как любил раньше, когда она, миниатюрное создание, лови-

ла мышей в его лондонской квартире, он вполне удовольствуется — в его-то годы — простым человеческим взаимопониманием. В конце концов, Эвис всего сорок лет — против его шестидесяти. Ощущение, что хватит с него и дружбы, было столь сильно, что Пирстон почти поверил: его беспокойному, изменчивому сердцу все-таки будет дарована эта роскошь — уняться, постарев.

— Вы наконец-то приехали, сэр, — заговорила Эвис, — и большое вам за то спасибо. Я писать не хотела, но и скрытничать дальше мне тоже не по нраву. Может, вы сами догадались, почему это мне так приспичило вас повидать, что я целых два письма отправила?

— Я задавал себе этот вопрос, но ответа не нашел.

— Еще разик попробуйте. Причина такая, что вы меня извинить должны.

— Нет, мне не догадаться. Но ты, прежде чем открывать свою причину, выслушай меня. Я давно питаю к тебе чувства, искренность которых не надо ставить под сомнение. Все завертелось — я сейчас говорю о привязанности к тебе лично, — когда я впервые увидел тебя в твоем старом коттеджике, лет девятнадцать-двадцать назад. Тогда я и арендовал «Сильванию» — потому что

этот особняк расположен по соседству. Но это не начало истории. Она началась гораздо раньше. Мне тогда был двадцать один год; я приехал из Лондона повидаться с отцом и встретил нежную девушку, внешне — твою копию. Каждый день она проходила мимо моих окон; она мне очень нравилась, и вот я стал сопровождать ее на прогулках. Как тебе известно, я был ветреным юношей, и закончилось все плохо. Но, по крайней мере, я в дружеских отношениях с тобой, ее дочерью.

— А! Вот и она! — вдруг воскликнула Эвис.

Уже некоторое время она слушала Пирстоновы откровения вполуха. Она смотрела в окно, в сторону прибрежных скал. Оттуда, по пустоши, приближалась неспешной походкой стройная девушка.

— Это она на прогулку вышла, — пояснила Эвис. — А вот заглянет ли сюда — не знаю. Так-то она в «Сильвании» живет; она там гувернантка.

— То есть, она…

— Ага. Образование у ней преотличное — даже лучше, чем у бабушки ее. Это я как трава росла, а уж когда она родилась, мы с ее отцом поклялись: такое образование ей дадим, чтоб комар носу не подточил. Крещена она Эвис — вы так хотели, да

и хорошо, когда имя из рода в род переходит. Вам бы поговорить с нею, сэр, — она бы вам по душе пришлась.

— Значит, это та малютка? — еле выговорил Джоселин.

— Она самая и есть.

Теперь, когда та, о ком шла речь, приблизилась к дому, стало видно: она — новейшая, улучшенная копия двух других Эвис, с которыми Джоселин так или иначе был связан последние сорок лет. Изящная, как настоящая леди; почти элегантная, она имела фигуру более статную, чем ее мать и бабушка, и казалась старше своих лет. Ее голову украшала круглая шляпа с огромными полями, наводившая на мысль о колесе: складки прозрачного муслина были спицами, полоска черной ткани по всему диаметру — ободом. Поля шляпы не скрывали, что волосы начесаны на лоб низко, а цвет их, густых и пышных, возможно, совпадает с цветом больших, глубоких глаз. Она плотно сжимала тонкие, трепетные губы, так что рот казался нежной алой складочкой. Известную взбалмошность выдавал этот рот, привычку легко менять обожание на отвращение, растягивать в улыбке губы, надутые секунду назад.

Это была Эвис Третья.

Джоселин и Эвис Вторая продолжали поедать ее глазами.

— Ах, нет, сейчас она не заглянет — ей недосуг, — не без разочарования пробормотала Эвис. — Может, вечером; да, верно, она решила заглянуть вечером.

И впрямь, статная девица прошла мимо; ей вслед смотрели, пока она не скрылась из виду. Пирстон был как во сне. Он только что лицезрел ту, которая поцеловала его сорок лет назад; черты и повадки остались в точности те же, сила женских чар возросла. Но вот Пирстон отвернулся от окна. Его взгляд упал на промежуточную Эвис. Если до недавнего времени она хотя бы хранила следы Возлюбленной, то теперь стала ее пустым саркофагом. Джоселин питал к этой Эвис дружескую симпатию; как знать, думалось ему всего несколько минут назад, возможно, это чувство и восстановит, хоть отчасти, былую мечту? Но явилась, в обличье наследницы по прямой линии, соперница, поставив жирный крест на таком исходе.

3. II
Дурные предчувствия насчет нового воплощения

И вот Пирстон, вместо того чтобы попрощаться, согласием ответил на предложение выпить чаю — и остался. Едва ли он сознавал, что творит; он уселся на место машинально, ведь в его разуме маячила мысль об Эвис — Эвис Обновленной: вдруг она сейчас войдет?

Джоселин забыл, что двадцать лет назад сам же называл теперешнюю миссис Пирстон эльфом и волшебницей; не учел, что за эти годы она не утратила качеств, подразумеваемых этими эпитетами. Впечатление, произведенное на гостя ее дочерью, не укрылось от миссис Пирстон: подмечена была каждая мелочь. А Джоселин об этом и не догадывался.

Как ему удалось убедить себя, будто эльф, волшебница, сильфида и прочие персонажи теперь не так сильны, да и разобщены, Джоселин толком не понимал. Возможно, миссис Пирстон видела больше, чем он воображал; возможно, она прочла что-то по его лицу; не исключено, что стороны

его натуры, которые он считал тайными, не являлись таковыми для миссис Пирстон. В чем бы ни крылась причина, с той минуты разговор принял форму обсуждения земляков и местных новостей, причем Джоселин отпускал замечания рассеянно — его разум был занят совсем иным.

Зато возвращение в действительность сопровождалось холодком по спине. В Риме он имел возможность творить свободно, вовсе не думая о практической стороне своего искусства (на родине такие резоны худо-бедно уравновешивали его невероятную впечатлительность), и вот что открылось Джоселину, когда он в деталях вспомнил свои последние работы. Его старая проблема, его рок или, как он сам иногда выражался, проклятие вернулось. Он, оказывается, не умилостивил еще жестокую богиню за свой «первородный грех» против нее, воплощенной в Эвис Первой; и вот теперь, в шестьдесят один год, нет ему покоя. Он вновь гоним судьбой, будто Агасфер, пресловутый Вечный Жид; или, как говорят «островитяне», будто слепой баран.

Богиня (для прочих — нечто абстрактное) для Джоселина была куда как реальна. Ее мраморные изображения стояли у него в мастерской, и он видел их при всяком освещении — в блеске утра,

в сумерках, в лунных лучах и в лучах лампы. Каждую линию, каждый изгиб ее тела он изучил, как никто; в его душе жила если не вера, то доктрина, убежденность язычника в том, что три Эвис, во-первых, на самом деле — одно, а во-вторых, суть сама Богиня.

— Стало быть, новая Эвис… твоя дочь… она, говоришь, служит в «Сильвании» гувернанткой? — промямлил Джоселин.

Миссис Пирстон подтвердила данный факт и добавила, что девушка часто ночует здесь, в этом доме, потому что ей, ее матери, ужас до чего одиноко. Сама она рада была бы, если б дочь постоянно жила с нею; она часто про это думает.

— Надо полагать, на этом инструменте она играет? — уточнил Джоселин, кивая на пианино.

— Она, кто ж еще; и прекрасно играет! Наставники у ней были самые-пресамые лучшие. А училась она в Сэндбурне.

— Какую комнату она занимает, когда ночует здесь? — вдруг спросил Пирстон.

— Маленькую, которая вот над этой гостиной, где мы сидим.

Это была комната Джоселина-отрока.

— Удивительно, — пробормотал он.

Он допил чай, но медлил уходить, а юная Эвис

все не появлялась. С Эвис-зрелой он разговаривал по-приятельски — и только. Надвинулись сумерки, и Джоселин не сумел выдумать нового предлога, чтобы остаться.

— Надеюсь познакомиться… с твоей дочерью, — сказал он, уходя, отлично сознавая, что может добавить «и с моей новой Возлюбленной», ибо все уже предопределено.

— И я на то ж надеюсь, — подхватила миссис Пирстон. — Нынче она прогулку предпочла; ну да ладно.

— Кстати, Эвис, ты так и не открыла мне, почему хотела меня видеть.

— Ой, и правда. Ничего: успеется.

— Хорошо. Я гадать не собираюсь.

— В другой раз непременно скажу.

— Если это как-то связано с делами твоего покойного мужа, не стесняйся. Я в твоем распоряжении и сделаю все, что смогу.

— Спасибо. Мы же скоро свидимся?

— Разумеется. Очень скоро.

Джоселин ушел, а миссис Пирстон еще некоторое время смотрела на то место, где он стоял при прощании. Наконец, она молвила:

— Язык лучше попридержать. Оно само собою сладится.

Джоселин пошел прочь от дома, но, меряя шагами белую дорогу, все острее чувствовал нежелание возвращаться в курортный город. Он долго бродил по кручам, размышляя о том, какое это диво — что та, первая девушка возродилась вновь, а также о том, что сам он — мечтатель и глупец, если мигом потерял голову, будучи втрое с лишним старше этой третьей по счету инкарнации. Здесь, на «острове», внешность нередко наследовалась практически полностью, и с естественно-научной точки зрения поразительное сходство было объяснимо, однако давало пищу мечте.

Обогнув ограду «Замка Сильвания», Джоселин не ступил на дорогу, которая привела бы его домой, а свернул в знакомый проулок, что тянулся к руинам замка Рыжего короля. Ему пришлось миновать коттеджик, где появилась на свет новая Эвис; да, вот здесь, на этом месте, он услыхал ее первый младенческий писк. Пока Джоселин стоял, предаваясь воспоминаниям, на западе, за его спиной, выплыл из туманной дымки, сделался четким серп молодой луны.

Джоселин до сих пор был склонен отдаваться во власть фантазии. Луна, в своем так называемом непостоянстве, подтверждала его идею о

вечно кочующей Возлюбленной; вот почему в новолуние Джоселину казалось, будто, зависнув над линией горизонта, на него глядит его собственная душа. И при явлении ее лика он трижды преклонял колени: мысленно, если в это время находился среди людей, и по-настоящему, если был один, и посылал поцелуй своей сияющей божественной сестре. Ибо его проклятие (а может, и благословение) далеко еще себя не изжило.

А на востоке темнела, нависая над морем, угловатая громада — руины замка Рыжего короля. Джоселин направился к ним, туда, где играл ребенком, и долго стоял у древних стен, на узком мысу. Ветра не было, волны еле-еле плескались у берега, и Джоселину казалось, будто через годы до него долетел знакомый голос. Впрочем, голос и впрямь послышался, но не из сорокалетней дали, а от скопления валунов, которые располагались уровнем ниже руин.

— Миссис Этуэй!

Ответом было молчание. Никто не явился.

— Джон Стоуни!

И этот зов пропал втуне. Крики продолжались; теперь в них слышалась мольба:

— Уильям Скриббен!

Голос, без сомнения, принадлежал кому-то

из Пирстонов: уж не юной ли Эвис? Казалось, что-то против воли удерживает ее внизу. Тропа, которая шла под нависшим утесом и руинами, круто забирала вниз, к плато, откуда слышался зов. Джоселин ступил на эту тропу и скоро увидел девушку в легком светлом платье (именно за ней он наблюдал из окна). Девушка стояла на камнях, явно не в состоянии двинуться с места. Джоселин бросился к ней.

— Спасибо, что пришли! — проговорила она смущенно. — Такая неприятность; я бы даже сказала, нелепость. Я живу совсем рядом, и, вообще-то, мне не страшно. Только вот, видите: моя нога угодила в щель между камнями, и я, сколько ни стараюсь, никак ее не высвобожу. Что, вот что мне делать?

Джоселин стал изучать причину затруднения.

— По-моему, вам надо снять ботинок, — сказал он. — Тогда ваша нога выскользнет, а ботинок останется среди камней.

Девушка пыталась последовать совету, но у нее ничего не вышло. Пирстон сам просунул руку в расселину. Пуговки он нащупал, но расстегнуть их не смог, так же как не смогла сама владелица ботиночка. Тогда Пирстон вынул из кармана перочинный нож и одну за другой срезал все

пуговки. Тесный ботиночек ослабил хватку, и на свет явилась ножка.

— Ах, как славно! — воскликнула Эвис. — Я боялась, что всю ночь здесь простою. Как мне благодарить вас?

Пирстон занялся ботинком, но понял: как ни старайся, в целости его не извлечешь. Девушка не выдержала.

— Оставьте, он не стоит ваших усилий. До дома недалеко. Я и в чулке дойду.

— Я помогу вам, — выдохнул Пирстон.

Она заявила, что в помощи не нуждается, однако Пирстон встал со стороны необутой ножки, и Эвис не прогнала его. По дороге она пустилась в объяснения: она вышла из «Сильвании» через садовую калитку; остановилась среди валунов, постояла немного, высматривая кое-что в море, а видно было плохо, ведь уже стемнело, одна луна только и светила; а потом раз — и нога в капкане; так избавитель ее и нашел.

Надобно заметить, что, каким бы Пирстон ни представал при дневном освещении, сумерки скрадывали его истинный возраст. Он выглядел весьма презентабельно; он казался привлекательным, отнюдь не пожилым мужчиной. Его фигура оставалась почти такой же, как тридцать

лет назад. Он хорошо сохранился; он держался, как и в молодости, прямо, был чисто выбрит и подвижен. Сюртук, застегнутый на все пуговицы, ловко сидел на теле, худощавом от природы. Короче говоря, Эвис Третья тем вечером могла сделать самые лестные выводы о возрасте своего спасителя. Она говорила с ним запросто, словно считала почти ровесником. Мало-помалу сгущался сумрак — и Пирстон смелел в речах, ведь разглядеть его черты становилось для девушки все труднее.

Непредосудительная вольность обращения этой гувернаночки из курортного городка, явно усвоенная еще в сэндбурнской школе, весьма помогала Пирстону играть роль jeune premier[46], к которой он, в сущности, был готов. Ни словом не обмолвился он о том, что родился на этом «острове»; еще тщательнее скрывал он тот факт, что ухаживал за бабушкой Эвис и собирался жениться на этой привлекательной особе.

Зато он узнал, что Эвис воспользовалась той же секретной калиткой на лужайке «Замка Сильвания», которая много лет назад позволяла ему самому спускаться к валунам. Пирстон

---

[46] Примечания: 46
Амплуа первого любовника, герой-любовник (в театре) *(фр.)*.

проследовал со своей спутницей почти до главных ворот. Нынешние обитатели, отметил он, изрядно благоустроили и особняк, и земельный участок при нем, можно сказать, привели все в такой же порядок, как было в пору Пирстонова детства. Да, «Сильвания» смотрелась совсем иначе, нежели когда Пирстон жил здесь одиноким арендатором.

Этой Эвис, как и ее бабушке, недоставало опытности — а значит, и осторожности в речах; она успела немало выболтать о себе Пирстону, пока, опираясь на его руку, преодолевала недлинный подъем. Когда же он попрощался с нею и она вошла в ворота, оставив его в темноте, печаль нахлынула волною на Пирстонову душу и унесла блаженство, которым он упивался, пока был с этой девушкой. Разверзнись в тот миг земля, явись Мефистофель собственной персоной и предложи Джоселину вернуть юность на условиях своей фирмы, наш скульптор, пожалуй, и согласился бы продать ту часть себя, в коей не чувствовал непосредственной нужды, и получить взамен румяный рот, свежие щеки и чело, не тронутое плугом Времени.

Свойство натуры, посторонними воспринимаемое, должно быть, как блажь, для него было

источником тоски. Зачем он рожден с таким темпераментом? Но даже и в Пирстоне эта страстная тяга, глядишь, и не проснулась бы, если бы не стечение обстоятельств, возможное только на «острове». Все три Эвис (Вторая — подобие Первой, Третья — апофеоз Первой) появились на свет лишь потому, что на «Острове пращников» с незапамятных времен были приняты близкородственные браки и добрачные связи. В таких условиях внешность передается из поколения в поколение, так что до недавних пор достаточно было увидеть одного «островитянина» и одну «островитянку», чтобы с полным правом говорить, будто видел все население сей одинокой скалы. Остальное в деле Пирстона довершили его особенная черта и чувство вины за давнюю неверность.

Унылый, он побрел прочь, но, прежде чем ступить на дорогу, что вела к вокзальчику у самой кромки моря, спустился к валунам и стал искать расселину, в которую угодила ножка этой фатально запоздавшей версии Возлюбленной. Опустившись на колени, Пирстон, после долгих стараний и маневров, наконец-то извлек ладный ботиночек, с минуту взирал на него, затем спрятал в карман и по каменистой дороге двинулся к

деревне Стрит-ов-Вэллз.

3. III
Новое воплощение принуждает его к отказу

Препятствием для Пирстона в его визитах к матушке новой Эвис были только пять миль железнодорожных путей по-над морем, да еще миля-другая крутого склона непосредственно на «острове»; иными словами, он мог являться к миссис Айзек Пирстон так часто, как ему того хотелось. И вот два дня спустя он повторил маршрут и постучался к вдове в тот час, который традиционно связан с чаепитием.

Опасения Пирстона оправдались: юной Эвис не было дома. Пирстон уселся подле своей прежней Возлюбленной, которая, затмив когда-то свою матушку, теперь сама потускнела в сиянии дочери, и вынул из кармана ботиночек.

— Значит, это ВЫ помогли выпутаться моей Эвис? — изумилась миссис Пирстон. — Вот это она влипла так влипла!

— Да, милая моя; и, очень возможно, скоро по моей просьбе ты поможешь мне, ибо я тоже влип. Впрочем, пока не тревожься. Что тебе рассказала

Эвис об этом приключении?

Миссис Пирстон вперила в Джоселина понимающий взгляд.

— Странно, сэр, что это были вы, — начала она, по всем признакам, принимая дело близко к сердцу. — Я думала, Эвис выручил кто-то помоложе; изрядно так помоложе.

— Чувства, во всяком случае, в нем пылали юношеские… А впрочем, довольно экивоков. Фактически я уже много лет знаю твою дочь. Когда я говорю с ней, мне очевидно, какой поворот примет каждая ее мысль и какой оттенок обретет каждое чувство, ибо я долго изучал эти колебания и тональности сначала на твоей матушке, а затем на тебе самой. Вот почему мне не нужно вникать в ее суть: это пройденный этап, она давно изучена мною — в прежних воплощениях. Теперь, пожалуйся, не удивляйся: я хочу жениться на ней. Я был бы счастлив это сделать, если бы только знал наверное, что мой поступок не сочтут экстравагантным, самого меня не назовут старым дураком, выходя за которого девушка унижает себя. Я могу прекрасно обеспечить Эвис — это тебе известно; я буду выполнять все ее прихоти. Таково, в общих чертах, мое намерение. Женитьба на твоей дочери даст мне душевный покой,

который я не могу обрести вот уже сорок лет. После моей смерти Эвис получит полную свободу — и немалые средства, чтобы наслаждаться ею.

Миссис Айзек Пирстон казалась лишь чуть удивленной; о потрясении тут и речи не шло.

— Так я и думала, что она вам голову вскружит! — выдала она с простодушием, которое едва ли можно было назвать искренним. — Я-то помню, сэр, что вы за личность, хоть и не так много времени тогда с вами провела. Когда дело про женский пол, от вас и не такого ожидать можно.

— Но ведь ты не считаешь меня непорядочным человеком?

— Ни вот настолечко, сэр. Кстати, догадались вы, зачем я вас звала-то?.. Нет? И ладно, и забудьте… Конечно, все от Эвис будет зависеть, от ее приязни. Может, она бы лучше за молодого вышла.

— А если достойный молодой человек не появится?

Выражение лица миссис Пирстон ясно говорило: она понимает разницу между состоятельной синицей в руке и молодым журавлем в небе. Джоселину достался пытливый взгляд.

— Вы, сэр, любую бы осчастливили, уж я-то знаю. Как супруг вы получше будете, чем иные,

которые вас вдвое моложе. Сорок лет меж вами и Эвис — оно, конечно, немало, да только браки еще и не такие неравные бывают. А как мать я вот что скажу: по мне, вы жених хоть куда, главное вам теперь Эвис моей понравиться. Да, если и есть в вашем деле затрудненье, так это приязнь моей дочки.

— Я прошу тебя, милая, помочь в преодолении этого затруднения, — мягко произнес Джоселин. — Ты ведь помнишь, как двадцать лет назад я вернул тебе блудного мужа.

— Вернуть-то вернули, — кивнула миссис Пирстон, — только счастья с того никому не было. И все ж таки я всегда знала, что намерения ваши самые благородные, и за глупость мою вы меня уважать не перестали. Я для вас расстараюсь, как ни для кого другого — потому, сэр, что на самом-то деле хлопоты мои — ради дочки. Я ведь не сомневаюсь: вы ей добрым супругом будете.

— Это время покажет, Эвис. В любом случае, я постараюсь соответствовать твоему мнению обо мне. Ты только посодействуй — в память о прежнем. Ты ко мне иных чувств, кроме дружбы, не питала, а потому через себя переступать тебе не придется. Вот и отплати добром за добро.

Они еще немного поговорили; миссис Пирстон

вторично обещала сделать все, что в ее силах. Однако она ни намеком не дала понять Джоселину, какой он простак, если до сих пор не догадался: она уже сделала все, что могла, она зажгла чувство, которое ускорило признание Джоселина. Желая доказать свою искренность, миссис Пирстон предложила Джоселину задержаться в ее доме до вечера, до вероятного прихода Эвис.

Джоселин, который мнил, будто его особа уже пробудила в юной Эвис как минимум любопытство (благодаря случаю с расселиной), страшился встречи при ярком освещении — во всяком случае, до тех пор, пока еще немного не вырастет в глазах девушки. Предложение миссис Пирстон смутило его, а она, видя замешательство гостя, придумала новый план: они вместе пойдут гулять в ту сторону, откуда обычно появляется Эвис.

Эта идея Джоселину понравилась, и через несколько минут он и миссис Пирстон вышли под яркий лунный свет, дошагали до ворот «Замка Сильвания» и повернули обратно к дому. Пройдя этот маршрут два или три раза, они услышали, как звякнула щеколда, и от «Сильвании» в их сторону направилась та, кого они ждали.

Она сразу узнала в спутнике своей матушки джентльмена, который помог ей среди валунов,

и, похоже, искренне обрадовалась, когда матушка назвала ее рыцаря-избавителя старинным другом. Юная Эвис вспомнила слышанное о Джоселине в разное время: мол, большого таланта человек, в Лондоне высоко взлетел, а ведь сам — из местных, тоже «островитянин», и даже, пожалуй, им родня, судя по фамилии.

— Значит, и вы жили в «Замке Сильвания», мистер Пирстон? — уточнила юная Эвис своим чистым девичьим голосом. — Давно это было?

— Некоторое время назад, — отвечал наш скульптор, весь трепеща — вдруг Эвис поинтересуется, какое конкретно время?

— Наверное, я тогда здесь не жила. Или я была совсем маленькой?

— Не думаю, что вы жили в другом месте.

— Но меня ведь и здесь не было?

— Пожалуй, так.

— За нею в ту пору аист еще только лететь собирался, — нежно пропела миссис Пирстон.

Так они беседовали, пока не добрались до ее дома, но Джоселин сумел противостоять и приглашению вдовы, и желанию собственного сердца: он попрощался, не переступив порог. Для того, чтобы открыть свою наружность юной Эвис и тем самым подставить под удар ее симпатию

(а Пирстон воображал, что ее симпатия уже им завоевана), требовалось мужества больше, чем наличествовало в его сердце.

* * *

Вечерние прогулки под растущей луной вошли у них в обычай. Однажды Джоселин предложил обеим Эвис встретиться на полпути между курортным городком, где он жил, и собственно «островом», и женщины согласились, ведь они были легки на ногу, как и сам Джоселин. К тому времени юная гувернантка, уж конечно, догадалась, что эти променады мистер Пирстон затевает ради сватовства, только целью считала свою матушку, а не себя саму. Правда, она никак не могла понять, что этот образованный и явно богатый джентльмен нашел в ее матери, чья ограниченность была вполне очевидна ей, девице, окончившей приличную школу.

Троица сошлась аккурат посредине галечной косы; Джоселин явился с «большой земли», женщины — со скалистого полуострова. Они миновали деревянный мост, который соединял косу и «островной» берег, и двинулись к замку Генриха Восьмого, что лепился на самой круче, над обрывом. Как и замок Рыжего короля собственно

на «острове», это строение не имело крыши. Все трое, вступив в пределы его стен, словно шагнули в бассейн, наполненный лунным светом, и под натиском воспоминаний реальность тотчас поблекла для Джоселина. Женщины и не догадывались, о чем он думает. А ведь именно здесь он условился встретиться с Эвис Каро — и встретился бы, сдержи она обещание. Русло всей его жизни могла изменить та встреча; нет, не просто могла, а наверняка изменила бы.

А вместо этого протекли сорок лет — сорок лет без Эвис, пока вторая, обновленная копия его Возлюбленной не явилась, чтобы занять место своей бабушки. Но сам Джоселин, увы, обновления не претерпел. И обо всем этом понятия не имела молодая особа, стоявшая подле него.

Вскоре она отошла к проему в крепостной стене, чтобы взглянуть на море; Пирстон воспользовался этим и шепнул ее матери:

— Эвис, ты хоть намекнула ей о моих намерениях? Нет? Значит, сделай это сейчас — если, конечно, ты и впрямь ничего не имеешь против.

Миссис Пирстон, теперь вдова, была далека от той холодности к Джоселину, которую испытывала, когда он хотел жениться на ней. Будь она сама объектом вожделений Джоселина, ему не при-

шлось бы просить дважды. Но, как образцовая мать, миссис Пирстон подавила свои упования и обещала ввести Эвис в курс дела.

— Эвис, родная, — начала она, подойдя к дочери, замечтавшейся над обрывом. — Что бы ты ответила на особое внимание мистера Пирстона? Или нет, я лучше по-простому скажу: если он за тобой приударит, станешь ты его поощрять?

— Приударит за МНОЙ? — переспросила изумленная Эвис и рассмеялась. — Я думала, его ТЫ интересуешь!

— Нет, не я, — поспешно отвечала мать. — Для меня он старый друг, и только.

— Его особое внимание мне не нужно, — отрезала Эвис.

— Но ведь он в высшем обществе вращается, милая. Он увезет тебя в Лондон, ты будешь жить в красивом доме, как тебе и подобает, при твоей образованности, а не в нашей дыре закисать.

— Это бы мне по вкусу пришлось, — беззаботно обронила Эвис.

— Ну так обнадежь его.

— Он мне не настолько мил, чтобы обнадеживать. Его интерес — пусть он и старается.

Эвис говорила самым легкомысленным тоном, однако, когда Пирстон присоединился к своим

дамам, дальше она послушно шла рядом с ним, пусть и храня мрачное выражение лица, а матери предоставила семенить позади. Тропа стала забирать вниз, Пирстон предложил Эвис руку для опоры, а когда каменистый спуск кончился, и не подумал отпустить ее — и Эвис руки своей не отняла.

В целом вечер можно было назвать довольно успешным для мужчины, сердце которого еще не обрело гавань, даром что ранний успех в долгосрочной перспективе порой оказывается фатальнее провала на первых порах. Не стоило изумляться сговорчивости Эвис, ведь Джоселин, в элегантном костюме, да еще и освещенный луной, а не солнцем, выглядел куда как презентабельно, а что до его познаний в искусстве, лоска, приобретенного в путешествиях, они, конечно, послужили дополнительной приманкой для девушки, словно бы зависшей между образованным «средним классом» и неотесанными «островитянами». Было очевидно, что симпатию Эвис подогрели заманчивые перспективы.

Пирсон считал бы свою любовь в огромной степени эгоистическим чувством — но нижний, базовый слой его воспоминаний (из коего чувство было слеплено) составляла порода, называемая

искуплением, и именно оно пронизывало любовь к Эвис Третьей, диктовало Пирстону и трепетность, и нежность к этой девушке, и желание оберегать ее, причем в гипертрофированных формах. Конечно, в «рецептуру» входило слишком много юношеской горячности, какую Пирстон испытывал, когда его щеки горели вишневым румянцем, а ноги были легки, как ныне у Эвис; но само чувство было больше и сложнее, чем страстное влечение.

Миссис Пирстон, опасаясь, как бы ее прямое содействие не заставило соискателя думать, что она интересуется только его капиталом, реагировала прохладно, когда Джоселин заговаривал о деньгах: они, мол, загладят его давнюю вину перед этим семейством. Время не сделало Джоселина мелочным; вдобавок его амбиции были теперь удовлетворены. Желание жениться на Эвис для него не равнялось желанию озолотить ее — миссис Пирстон это понимала. Но понимала она и другое: дочь получит состояние, о каком и мечтать не могла. Вот почему Джоселин не встречал препятствий со стороны матери Эвис.

— Годами я не так уж и стар, — сказал он себе назавтра утром, стоя перед зеркалом.

А выглядел он и вовсе значительно моложе.

Другое дело, что на его лице читалась его история — отдельные ее главы; лоб уже не был чистой страницей, как когда-то. Джоселин знал, откуда взялась, к примеру, вот эта линия: ее начертали давние проблемы, что длились около двух месяцев. Он помнил и причину вот этой седины, что постигла его волнистую прядь: он поседел, когда лежал больной в Риме, страшась, что больше уж не поднимется. Эти морщинки в уголках глаз, эти несколько одрябшие щеки суть плоды долгих месяцев удрученности, когда Джоселину казалось, что все настроено против его искусства, его сил, его счастья.

— Нет, приятель, нельзя сохранить свежесть, проживши жизнь; никак не выйдет, — пробормотал Джоселин.

Против него и его любви восстало само время — и вполне могло выйти победителем.

— Когда я сбежал от первой Эвис, — продолжал Джоселин с нехарактерной горечью, — было, было у меня предчувствие, что мне суждено страдать за это. И вот я страдаю — страдаю с тех самых пор, как эта негодница, моя Возлюбленная, освоила бессовестный трюк — одушевлять женщин, одинаковых с виду.

Словом, Джоселин уже тогда чувствовал: не

надо ему продолжать ухаживания, не доведут они до добра.

3. IV
Рывок к последней инкарнации

Робкие ухаживания за юной девушкой, которые начались с подачи ее дальновидной матушки, были прерваны, ибо на бедмутском променаде появился Сомерс с женой и детьми. Альфред Сомерс, некогда бурливший юношеским задором и колоритный, как его картины, превратился в почтенного отца семейства. Он обзавелся очками (но видел сквозь них один-единственный объект) и целым выводком дочерей (младшая была еще в пеленках). Эти дочери приносили изрядный доход женщинам, приставленным к купальным машинам[47], коими так и пестрел песчаный пляж.

Миссис Сомерс (в прошлом миссис Пайн-Эйвон, интеллектуалка весьма независимых взглядов) давно опустилась до уровня своих матушки и бабушки — ограниченных, погрязших в семей-

[47] Примечания: 47

Фургон на лошадиной тяге, предназначенный для того, чтобы обеспечить купальщице приватность. В такой фургон заходили на берегу, затем его ввозили в море, разворачивали, и купальщица спускалась в воду по лесенке. Обслуживали эти фургоны специально обученные женщины недюжинной силы — они должны были удерживать купальщицу на тросе и помогать ей выйти и переодеться.

ных делах. Теперь она тщательно фильтровала новинки литературы и искусства, которые могли оказаться в поле зрения ее многочисленных дочерей — невинных созданий, и была готова затолкать в шкаф все скелеты и черепа, если только по ним ее девочки могли получить хоть какое-то представление о жизни. Миссис Сомерс иллюстрировала собой известную аксиому: прогрессивные идеи не имеют кумулятивного эффекта, если речь о женщинах одной семьи, ведь из многообещающих девиц получаются мелочные матроны. Таким образом, женщин несет то вверх по течению интеллектуального развития, то вниз — будто щепки в эстуарии; причина же часто не в них как в личностях, а в том, что они обречены рожать и растить детей.

Сам пейзажист (теперь, как и Пирстон, член Академии художеств) мог быть назван скорее популярным, нежели выдающимся. Если раньше его отличали тонкий вкус и оригинальность при выборе сюжетов, то теперь он оставил эти качества, как блажь, и писал исключительно «виды», призванные ублажить глаз состоятельного домовладельца, а заодно и нестрогого критика. Надобно сказать, что на этих «видах» Сомерс изрядно набил руку. Регулярно получая от английских и

американских богачей чеки на крупные суммы, он смог оборудовать внушительную мастерскую, пристроить к ней неуклюжий особняк и платить за обучение подрастающих дев.

Наблюдая за Сомерсом — этим жалким шакалом, рабски подчиненным льву (огромному семейству, работе, репутации), тем самым Сомерсом, который безвозвратно потерял и веру в себя, и буйство фантазии, — Пирстон почувствовал, что и сам он свое отжил, ведь они ровесники. Значит, рассудил он, надо смириться и бросить романтические бредни. В течение двух недель, пока Сомерсы жили в курортном городке, Пирстон запрещал себе появляться на полуострове, где царила Эвис, хотя каждое утро и каждый вечер ему открывался поэтически-туманный силуэт, «на зыбях воздвигнутый трон».

Когда семейство Сомерс, получив свою порцию морских купаний, уехало, Джоселин тоже решил покинуть курортный городок. Но сделать это, не простившись, по крайней мере, со старшей Эвис, было бы не по-дружески, учитывая длительность их отношений. И вот однажды вечером, зная, что в это время миссис Пирстон свободна от хлопот, Джоселин сел в поезд. Всего несколько минут заняла поездка по железной дороге, и в сумерках

он уже стоял под дверью вдовы.

Светилось только окошко второго этажа. Прислуга сообщила, что миссис Пирстон нездорова: опасности для жизни нет, но болезнь ее серьезна. Пока Джоселин расспрашивал, при ней ли дочь, и выяснял прочие детали, гадая, следует ли ему войти, сверху прислали сказать, что его ждут. Миссис Пирстон услыхала его голос и хотела его видеть.

Отказаться было бы жестоко, но Джоселин медлил, ибо вспомнил с ужасом, что юная Эвис имеет только самое общее представление о его наружности. Судя по силуэту, Джоселин мог быть на тридцать лет моложе, а его лицо весьма выигрывало в таинственном лунном свете. Вот почему наш скульптор поднимался к миссис Пирстон, томимый дурными предчувствиями, и с ними же вступил в маленькую гостиную, где все было теперь устроено для удобства больной.

Миссис Пирстон полулежала на диване; лицо ее осунулось слишком заметно и слишком быстро, учитывая, что захворала она не так уж давно.

— Входите, сэр, — произнесла она и протянула ему руку. — Не пугайтесь моего вида.

Эвис, которая сидела с книгой подле матери, вскочила, явно не узнавая Джоселина.

— Ах, да ведь это мистер Пирстон! — воскликнула она через миг. И тут же у нее, в искреннем изумлении, вырвалось: — Я думала, он…

Тут она прикусила язык, и ее соображения о Джоселине оставались для него тайной, пока по изменившейся манере держаться он не догадался, что фраза девушки должна была закончиться словами «гораздо моложе». Если бы Джоселин услышал об этой перемене из третьих рук, он, пожалуй, воспринял бы ее философски. Но он вновь видел перед собою Эвис — и чувство, которое успело укорениться в нем, встрепенулось, оживленное.

Джоселин лишь теперь узнал, что за последние годы миссис Пирстон перенесла уже целый ряд подобных приступов. Вызывала их грудная жаба; нынешний приступ оказался сильнее прежних. Сейчас боль отпустила, но миссис Пирстон была слаба, изможденa и взвинчена. Однако заговорила она не о себе; она, воспользовавшись тем, что дочь вышла, подняла тему, которая занимала все ее мысли.

В отличие от Джоселина, который весь извелся, гадая, имеет ли он, человек в летах, право искать внимания молодой девушки, миссис Пирстон подобных колебаний не ведала. Она изводилась

по другому поводу: придет ли снова к ним Джоселин? Отчасти причиной ее болезни стали именно эти тревоги. Вот почему заговорила она с Джоселином без обиняков — не так, как планировала.

— Через беду да хворь всякие страхи появляются, — начала она. — Когда вы впервые сказали про свое намерение, я подумала: что ж, почему нет? А теперь я только на это и уповаю, только и мечтаю, чтоб все сладилось. И как же я рада, что вы снова здесь.

— Вы говорите о моем желании жениться на Эвис, дорогая миссис Пирстон?

— О чем же еще? Вы ведь не передумали? Нет? Тогда надо браться за дело. Надо ее уговорить, чтоб назад ходу не было. А то что с нею станется? Это я в ее годы уж хозяйствовать умела — она не умеет, местному парню в жены не годится. Как я ее, бедняжку, одну на этом свете оставлю?

— Надеюсь, милая Эвис, что до этого еще очень далеко.

— Э, нет! Болезнь моя опасная, и приступы ужас как выматывают! Надо, чтоб никаких иных тревог не осталось, иначе мне не выдюжить: так люди говорят. Ну а вы-то, сэр, — вы хотите жениться на моей дочери?

— Жажду всей душой! Но я ей не по нраву.

— Это вам только мнится. На самом деле она не так уж сильно против. Я думаю, если растолковать ей, что да почему, она пойдет за вас, недужную мать пожалеет.

Далее они вспоминали первые дни своего знакомства, пока не вошла дочь миссис Пирстон.

— Эвис, — начала мать, выждав, впрочем, несколько минут, — вспомни-ка, о чем я тебе твержу с тех самых пор, как слегла. Вот мистер Пирстон; он хочет стать твоим мужем. Он намного старше тебя, но поверь, лучшего мужа тебе не найти. Отвечай, пойдешь ты за мистера Пирстона? Сама видишь, как мне худо; сама знаешь: я желаю устроить твое счастье, прежде чем умру.

— Ты не умрешь, мама! Ты уже пошла на поправку!

— Это меня ненадолго отпустило. Решайся. Мистер Пирстон хороший человек, умный и богатый. Я очень, очень хочу, чтобы ты стала его женой. Больше мне сказать нечего.

Эвис умоляюще взглянула на Джоселина и потупила взор.

— Мистер Пирстон и правда хочет на мне жениться? — едва слышно спросила она, оборачиваясь к Джоселину. — Он никогда не говорил

мне об этом.

— Бесценная моя, какие могут быть сомнения? — воскликнул Джоселин. — Я просто не хочу принуждать вас к браку со мной. Мне не нужно одолжения — только ваша добрая воля.

— Я думала, мистер Пирстон намного моложе! — шепнула Эвис матери.

— Ты бы лучше подумала, что на другую чашу весов положено, — возразила миссис Пирстон. — Сравнила бы, кто мы с тобой и кто он. Он — скульптор, у него особняк с мастерской, где стоят всякие бюсты да статуи — я, было время, пыль с них смахивала. Ты дальше учиться сможешь — неужто тебя не манит такая жизнь? Тут, на «острове», твое образование пропадает понапрасну, а ведь оно столько денег стоило!

Эвис не стала спорить. Она в этом плане была вся в свою бабушку: с виду сама кротость. Казалось, ее занимает только один вопрос: обязательно ли ей выполнять волю матери?

— Вот как! Тогда я… я думаю, мне следует согласиться, если ты так велишь, мама, — тихо молвила Эвис после некоторых раздумий. — Я понимаю, это будет разумно, и такова твоя воля, и сам мистер Пирстон… любит меня. Словом, я…

Пирстон не собирался идти на попятную в сей

судьбоносный момент, даром что на душе у него было неспокойно. Однако в этой генеалогической страсти (если это подходящий термин для чувства, растянутого на три поколения) присутствовала историческая составляющая, и она-то требовала постоянства вопреки рассудку. В результате миссис Пирстон взяла их обоих за руки и вложила руку дочери Джоселину в ладонь.

Больше ничего не было сказано на тему женитьбы — словно дело считалось решенным. А вскоре дробный стук рассыпался по оконной раме, как если бы в стекло швырнули горсть песку. Подняв жалюзи, Джоселин увидел, что око плавучего маяка нечетко, размыто. С темных небес лил дождь, нещадно хлеща по стеклам. Изначально Джоселин хотел прошагать две мили до станции пешком; но он промок бы насквозь, если бы предпринял такую прогулку. И он остался, и ужинал вместе с обеими Эвис. Погода не улучшилась, и тогда он принял приглашение миссис Пирстон о ночлеге.

Вот как вышло, что он провел ночь в том самом доме, в котором жил мальчиком, когда его отец еще не сколотил капитал, когда его собственное имя еще не было известно за пределами «острова».

Он почти не спал, а едва забрезжила заря, резко сел в постели. С какой стати, подумалось ему, он обязан жить в Лондоне или в каком-нибудь другом крупном, шумном городе, если план с женитьбой осуществится? Уж конечно, родной «остров» будет идеальным местом для него и его молодой жены. Можно арендовать «Сильванию», а еще лучше купить. Если жизнь и способна подарить ему нечто стоящее, то это будет свой очаг — вот здесь, на этих каменистых кручах, в обществе Эвис — до конца его дней.

Пока Джоселин предавался этим размышлениям, за окном посветлело, и чуть поодаль от себя он заметил движение некоего смутного объекта. Он сидел лицом к окну. Вскоре обнаружилось, что зеркало, висевшее горизонтально, соскочило с одного гвоздя и сменило позицию на вертикальную, а смутный объект — его собственное отражение. Джоселин вздрогнул, осознав это, ибо зеркало явило ему персону, которая прискорбно далеко, в хронологическом смысле, ушла от него, столь молодого душой. И что же, считаться с этим насмешником? Вот уж нет! Однако насмешник словно бы вещал: «Добром это не кончится!», и Джоселин не мог его игнорировать, и с постели поднялся во власти наваждения. То ли он слиш-

ком часто предпринимал пешие прогулки, то ли еще что-то сделал не так, а только никогда Джоселин не казался себе столь побитым годами, как в то холодное, серое утро. Почему, раз его душа такова, какова она есть, она принуждена оставаться в дряхлеющем теле? Почему не может сменить место обитания, как это делала, и притом столь часто, его идеальная Возлюбленная?

Из-за болезни матери юная Эвис теперь жила при ней; Джоселин, спустившись в столовую, обнаружил, что завтракать они будут тет-а-тет. Эвис еще не было, но она вошла через несколько минут. Джоселин, уже знавший, что вдове сегодня легче, и окрыленный перспективой разделить трапезу со своей невестой, живо поднялся и шагнул к Эвис. Она же, увидав его при дневном освещении, вздрогнула, и тогда он вспомнил: это их первая встреча не под лунными, а под солнечными лучами.

Пристыженная, Эвис бросилась вон из столовой, будто внезапно вспомнила что-то важное; когда она вернулась, лицо ее было бледно. Она уже взяла себя в руки; она принесла извинения. Она, оказывается, все ночи, кроме вот этой, нынешней, сидела с матушкой и потому сейчас сама не совсем здорова — не то, что обычно.

В этих объяснениях могла быть толика правды, но перед Джоселином так и стояло ее лицо, искаженное потрясением. Этого образа хватило, чтобы предчувствие скорой трагедии, родившееся в нем перед зарей, получило статус уверенности, неопровержимой, как дневной свет. И Джоселин решил: сейчас он исключит все вероятные заблуждения Эвис насчет своей особы, чем бы такая откровенность ни обернулась для его сердца.

— Мисс Пирстон, — начал он, когда они уселись за стол, — поскольку для вас лучше узнать обо мне всю правду, прежде чем мы с вами сделаем следующий шаг, и поскольку я сам желаю избавить вас от неприятных открытий в будущем, я сейчас расскажу вам кое-что — если, конечно, вы в состоянии меня выслушать.

— Да, я вас выслушаю.

— В свое время, мисс Пирстон, я был влюблен в вашу матушку и хотел жениться на ней, но она не вышла за меня — точнее, не смогла выйти.

— Как странно! — молвила Эвис, переводя взгляд с Джоселина на накрытый стол, со стола обратно на Джоселина. — Мама никогда не упоминала об этом. Хотя, конечно, человек вашего возраста вполне мог…

Джоселину в этой ремарке послышалась язвительность, которую Эвис вовсе не подразумевала.

— Человек моего возраста, — глухо продолжал он, — был для вашей матушки староват.

— Староват для мамы? Как же так?

— А так, что права на меня имела ваша бабушка.

— Быть не может!

— Я считался ее женихом. Мне следовало жениться на ней, но я свернул с прямого пути.

— Вот в это я не поверю, мистер Пирстон! Не так вы стары. Кстати, сколько вам лет? Вы мне никогда не говорили.

— Я очень стар.

— К маме сватались, за бабушкой ухаживали, — проговорила Эвис.

Теперь она смотрела на Джоселина не как на потенциального супруга, а как на человекообразную ископаемую окаменелость. Джоселин это заметил, но, намеренный выйти из игры, он решил не давать себе спуску.

— Именно так: я ухаживал и за вашей матушкой, и за вашей бабушкой, — подтвердил он.

— Может, еще и за прабабушкой? — уточнила Эвис, которой случай Джоселина представился

настоящей драмой, и любопытство на миг перечеркнуло личные соображения.

— Нет, за вашей прабабушкой я не ухаживал. Моим откровениям не угнаться за вашей фантазией!.. Но я и правда ОЧЕНЬ стар — сами видите.

— Я не знала! — едва выдохнула потрясенная девушка. — По вам этого не скажешь. Я думала, вы такой и есть — каким выглядите.

— Зато вы… вы очень молоды, — констатировал Пирстон.

Повисла напряженная пауза. Эвис замерла; в ее распахнутых глазах, в расширенных зрачках мелькало не то сочувствие, не то беспокойство, когда она по временам взглядывала на Пирстона. Сам он едва притронулся к еде; он резко встал и сказал, что пойдет прогуляться над морем, ведь утро такое погожее.

Так он и сделал; он прошагал почти милю на северо-восток, к утесам. Мысленно — но не формально — Пирстон уже отказался от Эвис. Сначала он думал вернуться через полчаса, повидать больную, однако рассудил иначе: вчерашние планы умалятся до ничтожного статуса предварительной договоренности, которая вовсе сойдет на нет в свете нелюбви к нему юной Эвис, если он не вернется. И Пирстон продолжил шагать

вперед и через час был уже в Бедмуте.

До самого вечера он не знал, как восприняли его отсутствие. А потом ему принесли записку от миссис Пирстон, нацарапанную карандашом, вероятно, прямо в постели.

«Вы ушли так неожиданно, — писала миссис Пирстон. — Я себе места не нахожу. Эвис думает, что обидела вас; так мне кажется. Но я уверена, что это у нее случайно получилось. Ох, как я беспокоюсь! Напишите мне хоть строчку! Вы ведь не оставите нас теперь, когда я только и пекусь что о счастье дочери?»

— Нет, я вас не оставлю, — произнес Джоселин. — Это было бы слишком похоже на случай с Эвис Первой. Но я позволю ей оставить меня — таков мой долг!

И он вернулся с единственной целью — сказать «Прощайте» миссис Пирстон; однако нашел вдову в лихорадочном возбуждении. Она стиснула его руку и омочила ее слезами.

— Не обижайтесь на Эвис! — всхлипывала миссис Пирстон. — Это она по молодости, по недомыслию. Мы ведь с вами здешние — не берите себе жену из кимберлинов! Я не переживу, если вы оставите мою дочь! Эвис!

Девушка явилась.

— Сегодня утром я позволила себе сделать скоропалительные выводы, — начала она тихим голосом. — Пожалуйста, простите меня. Я хочу сдержать обещание.

Снова матушка (на сей раз, обливаясь слезами) соединила их руки, и сговор остался в силе.

Пирстон шагал обратно в Бедмут, смутно сознавая, что идеи милосердия и искупления заставляют его, богатого соискателя, следовать именно тем курсом, который избрала мать невесты; это казалось странным совпадением. Однако страсть подстегивала его, и доводы разума он отметал.

3. V
На пороге обладания

В предвкушении женитьбы Пирстон обзавелся новым краснокирпичным домом, какие характерны для Кенсингтона; при доме была мастерская размером с амбар эпохи Средневековья. Далее, сговорившись со старшей Эвис, чье здоровье несколько улучшилось, Пирстон пригласил мать и дочь к себе на пару недель. Он мыслил дать пищу воображению своей невесты: на «острове», где сам он был гостем, это не представлялось возможным, а здесь, в Лондоне, юная Эвис займется обустройством и меблировкой особняка, увлечется и, глядишь, искренне захочет стать в нем хозяйкой.

Время для такого визита Пирстон выбрал очень удачно: в Лондоне было «затишье», а значит, царили покой и безмятежность. Заказы оформлялись легко и быстро; крупнейшие коммерсанты проявляли к Пирстону и его гостям такое внимание, словно в их фирмы никогда еще не обращались более приятные клиенты. Все трое могли практиковаться в устройстве приемов (женщины

— с нуля, а Джоселин — восстанавливая былые навыки, ведь за последние годы он почти забыл, какова она, светская жизнь); в краснокирпичном доме проводилось нечто вроде маневров, дабы Джоселин и его невеста были готовы к зимнему сезону, который они встретят уже супругами.

Эвис была обворожительна, даром что холодновата. Джоселин не уставал поздравлять себя с тем, что время сохранило для него эту последнюю представительницу рода Каро. Девушка, имея несомненное сходство с матерью, которую Джоселин любил во плоти, нрав и склад ума все-таки унаследовала от бабушки, к которой Джоселина влекло на духовном уровне — причем до сих пор. Лишь одно качество юной Эвис смущало Джоселина: внешне будучи копией Эвис Каро, его избранница не обладала искренней прямотой своей бабушки; она была скрытная, почти как ее мать. Джоселин никогда толком не знал, о чем она думает, что чувствует. С другой стороны, на женщин из этой семьи у него имелось право, обусловленное давностью лет, — поэтому приступы замкнутости у Эвис не слишком тревожили Джоселина.

Был один из тех мягких, как бы настоянных на солнечном свете вечеров, что иногда по осени за-

топляют Лондон золотым сиянием. Закат в такие вечера бесподобен; если не знать, что световые эффекты создают дым от каминов, которые топят углем, и пар, которым пышут разгоряченные лошади, можно было бы встретить такой вечер восторженными аплодисментами. Ибо с верхних площадок омнибусов мужчины и женщины наблюдали небесное свечение в оттенках топаза, причем местами розовый цвет переходил в густую рыжину — и все это сквозь углы, диагонали и прочие коленца серых оцинкованных дымоходов, увенчанных колпаками и столь похожих на римские цифры в готическом шрифте.

Днем пролился дождь, и Пирстон, которому следовало беречься, надел на недальнюю прогулку резиновые галоши. В них-то он и вошел бесшумно в свою мастерскую, куда удалось отчасти проникнуть и дивному предвечернему свету. Джоселин рассчитывал найти будущих жену и тещу за накрытым к чаю столом, однако подле делфтского коричневого чайника[48] (как художник, Джоселин не мог не обзавестись этим

[48] Примечания: 48

В Делфте (Нидерланды) успешно производили посуду, очень похожую на дорогостоящие, «статусные» изделия китайских мастеров. Как правило, такая посуда имела монохромный рисунок — чаще синий, но порой и коричневый.

предметом), спиной к двери, сидела только Эвис. У глаз она держала платочек, и Джоселин понял: она утирает слезы.

Уже в следующую секунду он увидел, что Эвис плачет над книгой. К этому времени она услыхала его, поднялась и пошла навстречу. Он притворился, будто ничего не заметил, и они даже поговорили немного о новой мебели — как лучше ее расставить. Затем Джоселин налил себе чаю, а Эвис вышла. Книга осталась на столе.

Джоселин взял ее. Это был старый школьный учебник, «Лекции по французскому языку» Стивенара[49]; имя Эвис, ученицы Сэндбурнской старшей школы, красовалось на первом развороте заодно с датами, которые свидетельствовали, что времени с тех пор прошло совсем мало. И впрямь, когда Джоселин открыл для себя Эвис, она как гувернантка делала первые шаги.

Чтобы школьница — а Эвис фактически оставалась школьницей — плакала над учебником? Это странно. Быть может, ее расстроила какая-то внешняя причина? Исключено. Пирстон крепко

---

[49] Примечания: 49

Полное название учебника: «Лекции по французскому языку, или Отрывки из прозаических произведений современных французских писателей с обширными комментариями, для англоязычных учащихся», автор Леонс Стивенар.

задумался; настолько крепко, что в нем погас кураж новосела, выбирающего мебель. Розы, приготовленные Гименеем, увядали на глазах — и уже не в первый раз. Но его любовь делалась все нежнее, порой он даже боялся, что, поддаваясь и потакая своему чувству, то есть исполняя каждую прихоть невесты, он слишком ее балует.

Он обвел глазами просторную мастерскую. Вечерние тени наводнили ее, из сумрака выступили белые и мертвенно-бледные формы — его этюды и прочий хлам. Казалось, они все уставились на Джоселина с немым вопросом: «Ну и что ты теперь станешь делать?» В своей старой, уютной мастерской — там, где были изваяны все значимые скульптуры, — Джоселин не знал таких эффектов. И впрямь, для чего человеку его возраста, который за последние десятилетия не сделал ничего существенного (уж во всяком случае, не создал ни единой статуи, которая укрепила бы его репутацию) — для чего такому человеку огромная мастерская и прочее? Все было куплено ради единственной женщины — и этой женщине он не нужен.

Целую неделю Эвис не давала Пирстону поводов для подозрений; такой повод возник незадолго до ее отъезда, за ужином «в семейном кругу».

Пирстон сидел между матерью и дочерью; Эвис нервничала, причем столь явно, что Пирстон не мог не спросить:

— Что вас так тревожит, милое мое дитя?

Тон его выдавал не меньшую, чем у его невесты, тревогу.

— Разве я встревожена? — отвечала Эвис, вздрагивая и обращая к Пирстону свои кроткие карие глаза. — А вообще-то, да. Дело в том, что я получила письмо… от старого друга.

— А мне ты его не показала, — заметила матушка.

— Я его порвала.

— Почему?

— Потому, что незачем было его хранить.

Миссис Пирстон прекратила расспросы, сама Эвис не была расположена давать объяснения. Женщины пошли спать рано, как всегда, но Пирстон долго еще мерил шагами мастерскую, размышляя о многих вещах. Его только сейчас осенило: женитьба и союз душ с женой — не одно и то же. «Старый друг», упомянутый Эвис, это, конечно, «возлюбленный»: тут и гадать нечего. Иначе почему она так расстроилась из-за письма?

Теперь уже Пирстону мнилось, что сам Лондон

каким-то образом замешан в переменах с Эвис. Когда она только приехала сюда, она держалась с ним проще, не скрытничала. И все же этот визит оказался полезен ввиду скорой женитьбы, ведь новый особняк определенно произвел на Эвис огромное впечатление, фактически ошеломил ее. Но, хотя Пирстон был убежден, что ни законы природы, ни установки здравого смысла не дают ни ему самому, ни старшей Эвис права принуждать девушку к союзу с ним, он решил, что использует все свое влияние, чтобы еще до отъезда были определены день и время свадьбы, а также оговорены прочие детали.

Чем он и занялся уже назавтра. С утра Эвис предстала ему чуточку испуганной; видимо, переживала, что вчера обидела жениха своей скрытностью. В ее присутствии Пирстон заговорил со старшей Эвис: пусть велит дочери назначить день свадьбы, причем на ближайшее время. Миссис Пирстон оживилась. Она тоже считала, что промедление было бы неразумно.

— Ты слышала, Эвис, родная? — обратилась она к дочери.

В конце концов, решили, что женщины уедут через пару дней, а сам Пирстон отправится вслед за ними и прибудет накануне венчания, вече-

ром.

* * *

Согласно уговору, гонимый страстью Пирстон в сказанный вечер был на южном побережье Англии. «Остров» смутно маячил в сумерках — мрачный и унылый, он имел вид существа, которое томится предчувствием, что скоро будет лишено редчайшего из своих сокровищ. Пирстон приехал один, чтобы не смущать вдову и дочь; он собирался задержаться в порту часа на два, распорядиться насчет венчания, но поезд уже стоял на перроне, готовый везти Пирстона на «остров», и он, испытывая понятное нетерпение, сел в вагон. Не беда, думал он; найму кого-нибудь, отправлю сюда улаживать дела.

Поезд миновал руины тюдоровского замка, под вечный скрежет камней проехал по унылому ребру галечной косы, что создавала преграду мерным морским волнам. На станции не нашлось экипажа, и Пирстон, оставив багаж, как он обычно делал, пешком стал подниматься в гору.

На полпути, где подъем был особенно крут, он чуть не прошел мимо одинокого путника. Не видя толком лица — его скрывали сумерки, — Пирстон заметил, что незнакомец тяжко привалился к по-

ручню, нарочно устроенному здесь для удобства пешеходов, и едва дышит.

— С вами что-то случилось? — осведомился он.

— Пустяки, — последовал ответ. — Просто здесь ужасная крутизна.

По выговору Пирстон решил, что перед ним не англичанин, а уроженец Нормандских островов.

— Помочь вам добраться до вершины? — спросил он, ибо голос незнакомца, хоть и явно принадлежал молодому человеку, был слаб от изнеможения.

— Спасибо, не надо. Я долго болел, но мне казалось, что я уже окреп и легко пройду в глубь полуострова, тем более что вечер погожий. Теперь выясняется, что такая прогулка пока мне не по силам; видно, хворь еще таится в моем теле. А этот крутой участок буквально доконал меня.

— Неудивительно. Вот вам моя рука: держите ее, не отпускайте хотя бы до вершины.

Незнакомец послушался, и они стали продвигаться вверх. Наконец, уже на вершине, молодой человек отпустил руку Пирстона и сказал:

— Благодарю за помощь, сэр. Доброй ночи.

— Судя по выговору, вы не из местных?

— Нет, я родился на острове Джерси. Прощайте, сэр.

— Прощайте, если уверены, что можете идти дальше. Вот, возьмите-ка мою трость; мне она все равно без надобности.

С этими словами Пирстон вручил незнакомцу трость.

— Еще раз спасибо. Сейчас передохну пару минут и буду как новенький. Не задерживайтесь из-за меня, сэр, это лишнее.

Незнакомец, еще даже не кончив фразы, повернулся к югу, так, чтобы его лицо освещалось маяком на Мыске, и застыл — упрямый, на что-то решившийся. Он явно хотел остаться один, и Джоселин пошел своей дорогой, и больше не тревожился о нем. Хотя стремление незнакомца отделаться от него отозвалось в нашем скульпторе внезапной болезненной досадой — ведь этот молодой человек, что ни говори, опирался на его руку и взял его трость. Джоселин, в свои лета столь же ранимый, как и в юности, на миг взгрустнул, поняв, что есть на свете люди, которым не нужно от него ничего — даже сочувствия.

Впрочем, волна удовольствия смыла обиду, едва Пирстон приблизился к дому, о котором уже думал как о милой цели своих будущих визитов на «остров», а может быть, даже и о своем постоянном жилище (Пирстон, пожалуй, пере-

берется сюда, когда состарится и пересмотрит свои юношеские ассоциации). Вдобавок этот дом принадлежал его отцу, и здесь родился он сам — вот почему Пирстон уже тешился планами реконструкции. Да, при нем и его молодой жене это жилище станет просторнее. Когда же он заметил в освещенном прямоугольнике двери статную, стройную фигуру, явно ожидавшую его, удовольствие переросло в блаженство.

Эвис — ибо это была она — вздрогнула, узнав Пирстона, но послушно дала себя поцеловать, даром что ее нервическое возбуждение бросалось в глаза и очень походило на безотчетный страх ребенка перед суровым отцом.

— Вы прямо чувствовали, что я появлюсь раньше, чем обещал! — воскликнул Джоселин. — Как это приятно! А ведь я смог бы приехать только последним поездом, если бы остался в городе ради покупок и прочего. Здорова ли матушка — НАША матушка, ведь скоро я буду обращаться к ней именно так?

Эвис сообщила, что матушке неможется; она хворает с самого возвращения из Лондона, из комнаты уже не выходит; наверное, визит отнял у нее последние силы.

— Но она не жалуется; она вообще скрывает,

что ей стало хуже, — не хочет омрачать мое счастье, — добавила Эвис.

Настрой Джоселина был таков, что он не стал обращать внимания на интонацию этой последней фразы. Вместе с Эвис он поднялся к миссис Пирстон, которая вздохнула с облегчением и взглянула на гостя с благодарностью.

— Ах, как же я рада, что вы здесь! — заговорила миссис Пирстон глухим голосом, протягивая Джоселину исхудавшую руку и сдерживая всхлип. — Мне было так… так…

Голос сорвался; Эвис отвернулась, пряча слезы, и поспешила выйти вон.

— Я одну надежду лелею, — продолжала миссис Пирстон, — потому и ночей не сплю, все думаю: а ну как помру, пока дочка еще вашей не считается? Так мне хочется увидать напоследок, что вы с нею связаны неразрывно! Вы были добры ко мне в прежние времена, а значит, и ей станете хорошим мужем; только бы сладилось дело! Но не дай Господи, Эвис догадается об моей тревоге; уж как я при ней бодрюсь, лишь бы не догадалась!

Они еще поговорили, а затем Джоселин пожелал ей доброй ночи. Миссис Пирстон, недугом побуждаемая к полной искренности, открыто радовалась, что скоро назовет Джоселина зя-

тем. Ее явное довольство уничтожило остатки угрызений совести, которыми мог еще терзаться Джоселин после того, как четко понял: Эвис дала согласие из послушания матери, а не потому, что таково желание ее сердца. Спустившись на первый этаж, Джоселин обнаружил, что Эвис поджидает его. Чем именно — каким событием — вызван новый приступ тревоги миссис Пирстон, гадал Джоселин. Однако не спрашивать же об этом девушку, чьи поступки только и могли быть причиной!

В столовую он вошел вместе с Эвис, но она почти сразу куда-то скрылась, и Джоселин вспомнил: по ее словам, она немного раньше поужинала с матерью. И он сидел в одиночестве, размышлял, потягивая вино; так минуло с полчаса. Лишь тогда Джоселин всерьез забеспокоился, куда запропастилась Эвис, встал из-за стола и вышел. Эвис оказалась совсем рядом — она опять заняла пост у парадной двери, стояла и смотрела на полную луну, которая за это время успела подняться высоко над горизонтом. Когда Джоселин открыл дверь столовой, Эвис вздрогнула от неожиданности.

— Что вы тут делаете, душа моя?

— Матушке гораздо лучше, я ей пока не нужна,

а мне надо передать… пару-тройку вещиц; я обещала и должна идти. Но вы… вы ведь приехали ради меня, и, наверное, будете против?

— Кому вы должны передать эти ваши вещицы?

— Так… кое-кому, — туманно отвечала Эвис. — Это недалеко. И я не боюсь; я часто выхожу одна по вечерам.

Джоселин решил явить великодушие.

— Если вам и впрямь нужно идти, милая моя, конечно, я не возражаю. Права на вас у меня появятся только завтра; но вы ведь знаете: имей я их уже сейчас, я бы ими не воспользовался.

— Ах, нет, они у вас есть! Матушка прикована к постели, значит, вы за нее; и уже нынче, а не завтра.

— Чепуха. Бегите к вашему «кое-кому», если вам так хочется, бесценная моя.

— А вы здесь будете, когда я вернусь?

— Нет, мне нужно наведаться в гостиницу, проверить, доставлен ли мой багаж.

— Разве матушка не просила вас переночевать в нашем доме? Уже и комната готова… Боже, следовало сказать вам раньше; это моя оплошность.

— Она действительно просила об этом. Но я беспокоюсь из-за багажа, и лучше мне пойти в

гостиницу. Я желаю вам доброй ночи, хотя еще не поздно. Я приду завтра прямо с утра узнать, как самочувствие вашей матушки, и поздороваться с вами. А нынче… нынче вы не задержитесь?

— О нет.

— Может быть, мне составить вам компанию?

— Нет, спасибо. Это совсем рядом.

С тем Джоселин и ушел, размышляя о нраве Эвис: похоже, она из тех, кому для любого действия нужно позволение. Едва за ним закрылась дверь, как Эвис достала из буфета некий сверток, надела шляпку и плащ и поспешила в том же направлении, которое должен был избрать ее жених. Она добралась до ворот «Сильвании» и замерла; ей было слышно, как Пирстон прошагал мимо, как ступил на тропу, забиравшую к Ист-Куорриз, к гостинице. Но сама Эвис туда не пошла. Она свернула направо (эту дорогу мы уже упоминали в нашем повествовании, и не раз). Когда позади остался последний домик, а впереди пролегла долина, Эвис начала подъем к руинам замка Рыжего короля (его еще зовут замком Лука и Стрелы), каковые руины представляли собой черную громаду на фоне залитого лунными лучами равнодушного моря.

3. VI
Возлюбленная… да где же она?

Миссис Пирстон промаялась без сна почти всю ночь, но скрыла данный факт; ни намека не допустила она и на то, что было столь болезненно очевидно ей самой, а именно: изнеможение спровоцировано тревогой и дурными предчувствиями относительно свадьбы, которой она жаждала всем сердцем.

В тот краткий промежуток времени, на который ей удалось задремать, в комнату вошла ее дочь. Но миссис Пирстон не придала этому значения, ведь Эвис заглядывала к ней по нескольку раз за ночь. Миссис Пирстон только пробормотала:

— Мне лучше, родная. Больше не надо заходить. Ложись в постель.

Но ход ее мыслей изменился. Нет, миссис Пирстон не опасалась, что толкает Эвис на неверный шаг. Она по-прежнему была уверена, что не смогла бы лучше распорядиться судьбой дочери. И то сказать: все девушки «острова» завидовали ее Эвис, ибо Джоселин выглядел куда моложе своих

лет, и вообще был красив, и его родословная, как и точные цифры его капитала, унаследованного от отца, были отлично известны «островитянам». Знали они и другое: отцовских денег не хватило бы, чтобы подняться в «большом мире» так высоко, как поднялся Джоселин Пирстон — то есть взлету посодействовал его художественный дар.

Однако Эвис имела слабость: была склонна обнадеживать местных юношей в их ухаживаниях. Миссис Пирстон об этом знала и теперь не могла не поздравлять себя с победой: дочь явила небывалое послушание. К слову, всем, кроме, пожалуй, самой Эвис, Джоселин казался самым романтичным воздыхателем. Действительно, случалось ли, чтобы мужчина был столь верен одной семье; это ли не романтика в чистом виде? Отвергнув Эвис Первую, будучи отвергнутым Эвис Второй, он жаждал стать плотью единой с Эвис Третьей; поистине выбор истинного художника и нежного любовника, и лишь слепец не оценил бы по достоинству это стремление.

Эвис Вторая, думалось вдове, едва ли отвергла бы Пирстона тогда, в лондонской мастерской, много лет назад, если бы судьба распорядилась иначе, и к моменту страстного признания она не была бы уже тайно связана с другим мужчиной.

Однако в итоге все обернулось к лучшему. «Боже мой! — шептала миссис Пирстон той ночью, — я, когда к нему писала, на такой исход особо и не рассчитывала!»

Когда брак будет заключен честь честью, что за триумф ожидает миссис Пирстон; поистине кульминация всей ее жизни! Она, которая родилась в скромном коттеджике, в семье владельца небольшой каменоломни; она, которую судьба низвела до стирки чужого белья и прочей черной работы; она, которая столь опрометчиво, по страсти, вышла замуж (правда, спасибо Джоселину, брак улучшил ее положение), увидит, как дочь ее сделается хозяйкой богатого дома, вольется в изысканное общество и на всю жизнь будет защищена от невзгод — иными словами, обретет счастье, провороненное матерью.

Такими мыслями будоражила себя миссис Пирстон той тягостной ночью. В конце концов, дойдя до крайней степени возбуждения, она решила, что уже наступило утро, ибо дом как будто ожил; во всяком случае, из комнаты Эвис до нее долетали звуки разговора. Но часы показывали только пять, и свет зари еще не брезжил. Больную лихорадило, да так, что дрожал полог ее кровати. Она сама накануне заявила, что прекрасно переночу-

ет одна, но теперь позвонила в колокольчик, и явилась сиделка — все та же Рут Стоквул, соседка; миссис Пирстон знала ее преотлично, а самой Рут была известна история хозяйки.

— Что-то на сердце муторно, — заговорила вдова. — Вроде Бекки уже одевает мисс Эвис в свадебное платье?

— Куда там, мэм, — в такую-то рань! Никто еще не подымался в доме, но я вам сейчас принесу позавтракать.

Подкрепившись, миссис Пирстон продолжала:

— Ох, боюсь я, что Эвис за него не выйдет. Дурная мысль, а так в голове и крутится! Он ведь старше моей дочки.

— Верно, старше, — подтвердила Рут. — Только, по-моему, теперь ничего свадьбе не помешает.

— У Эвис сердечко-то уже трепетало, во всяком случае, один парень, двадцати пяти лет, сильно был ей по нраву. И как-то подозрительно она затаилась — нет чтобы побушевать или хоть выплакаться! А она вроде даже довольная. Но я-то знаю: не забыла она того своего дружка.

— Это вы об том французике, об мистере Леверре, который из Сэндбурна? Доходили и до меня слухи. Только не было меж ними ничего такого.

— Я и не думаю, что было. Только мне кажется,

вчера вечером она с ним видалась. Может, только попрощаться бегала и книжки ему вернуть; да лучше бы она вовсе его не встречала. Уж больно он пылкий, ну прямо огонь; как бы беды не наделал. И никакой он не француз, хоть во Франции и жил. Отец его родом с Джерси, джентльмен; овдовел рано и женился на женщине из наших, с «острова». Потому-то парень тут как дома.

— Кой-что и я слыхала. Ейная фамилия Бенком была до замужества — мачехи-то. Болтали об ней в свое время, ох болтали.

— Потому что ее отец тут, на «острове», считай, все каменоломни под себя подмял. Нынче-то про это позабыли. Он дело оставил, когда я еще и на свет не родилась. А матушка мне рассказывала, что эта Бенком была красивая и хотела нашего мистера Пирстона заарканить и даже малость оскандалилась. Потому и уехала путешествовать с отцом, да только он разорился, уж не знаю как. А через несколько лет ей возьми да и встреться этот джерсиец, мистер Леверр; говорят, он по ней томился, когда она юной девицей была. А сынка его она вырастила, как родного.

Миссис Пирстон замолчала, но вопросов от Рут Стоквул не последовало, и она продолжила излияния:

— А вот как оно вышло, что мисс Эвис познакомилась с молодым Левербром. Когда старый Леверр помер, вдова с Джерси перебралась в Сэндбурн, и взбрело ей явиться сюда разузнавать про мистера Джоселина Пирстона. Пришла она с пасынком, да прямо ко мне — ведь моя фамилия тоже Пирстон. Так знакомство и состоялось. Потом, когда Эвис в Сэндбурне последний год доучивалась, они с молодым Левербром тайно встречались. Он в школе французский вел, да и сейчас, наверно, там работает.

— Хоть бы она его позабыла. Не такая уж он хорошая партия.

— Будем уповать на это… А теперь я немножко посплю.

Рут Стоквул вернулась к себе в комнату, сообразила, что у нее в запасе еще целый час, легла и вскоре уснула. Ее кровать стояла возле тонкой стенки, сразу за которой была лестница. В какой-то момент Рут Стоквул очнулась: ей послышалось, как с другой стороны чьи-то руки шарят по этой стенке, словно по лестнице кто-то спускается чуть ли не ощупью. Впрочем, может, это был сон. Шорохи смолкли, но через несколько секунд Рут Стоквул либо увидела во сне, либо вообразила, будто щелкнул замок и скрипнула,

открываясь, задняя дверь.

Глубокий сон уже почти сморил Рут Стоквул, когда все повторилось: снова по тонкой стенке, прямо на уровне ее головы, шарили чьи-то пальцы, снова кто-то продвигался вниз по ступеням, снова была с предосторожностями открыта и закрыта задняя дверь, и снова воцарилась тишина.

Сон как рукой сняло. Услышь Рут Стоквул странные звуки единожды, она решила бы, что это горничная встала ни свет ни заря; другой вопрос, почему она пробирается по лестнице без лампы? Однако повторение в корне меняло дело. Для повторения Рут Стоквул не находила объяснений. Она вылезла из постели, подняла жалюзи. Небо с восточной стороны едва-едва зарозовело — еще даже не погасили плавучий маяк на отмели. Но уже можно было различить в палисаднике кусты бересклета на фоне белой каменной ограды и ленту тракта, что пролег, виясь, к северным воротам «Замка Сильвания», а оттуда тянулся, огибая деревню и скалы, прямо к Мыску. И вот на этом-то тракте смутно маячили две фигурки — одна двигалась чуть впереди, другая быстро нагоняла ее. Может, это каменотесы, подумала Рут Стоквул; или смотрители маяка с юга идут, или рыбаки только что вернулись с

ночного лова. Не было никаких причин связывать эти две фигурки со странными звуками в доме, поэтому Рут выбросила происшествие из головы и вернулась в постель.

* * *

Джоселин обещал нанести ранний визит с целью справиться о самочувствии миссис Пирстон, ведь ему, в отличие от Эвис, было очевидно, что миссис Пирстон совсем плоха. Последующие события заставили его иначе расценить увиденное из окна в то же утро. Одеваясь, Джоселин рассеянно наблюдал за группкой лодочников — те стояли на скалистом берегу, над деревней, и с большим интересом глядели на море, на некую точку — определенно, лодку — в изрядной дали от уэссекского берега. В половине девятого Джоселин вышел из гостиницы и направился прямо к дому миссис Пирстон. Чем ближе он подходил, тем очевиднее становилось: в доме и впрямь неладно, первое впечатление не обманчиво. Ворота и парадная дверь, а также два окна были распахнуты, хотя на всех остальных окнах жалюзи еще не подняли. В целом дом имел сходство с человеком, который выставлен на посмешище, только-только это сообразил и в недоумении

разинул рот. Не дождавшись ответа на свой стук, Джоселин вошел. В столовой еще и не думали накрывать к завтраку. «Миссис Пирстон умерла», — была первая мысль Джоселина.

Тут послышались шаги на лестнице, и вошла Рут Стоквул; в ее руке трепетало вскрытое письмо.

— О, мистер Пирстон, мистер Пирстон! О, Господь Вседержитель!

— Что? Миссис Пирстон…

— Нет, нет! Мисс Эвис — она сбежала! Сбежала! Сами прочтите, сэр. Это у ней в спальне нашлось; с ума она всех нас сведет!

Джоселин взял письмо и с недоумением увидел, что над ним потрудились двое. Первая часть была написана почерком Эвис.

«ДОРОГАЯ МАМОЧКА,

Простишь ли ты меня когда-нибудь за то, что я сделала, ведь мой поступок выглядит столь вероломным! Однако верь: до сегодняшней ночи я и не помышляла обманывать тебя и мистера Пирстона.

Вчера вечером, в десять часов, я отправилась, как ты могла догадаться, к мистеру Леверру; я хотела взглянуть на него напоследок и вернуть ему книги, письма и маленькие подарки. Я прошла

лишь несколько шагов — до замка Лука и Стрелы, условленного места нашей встречи, — ведь мистер Леверр не мог сам нанести мне визит. Он ждал меня, но я обнаружила, что он едва жив. Он был болен; несколько дней он провел в постели в доме своей матушки, но поднялся ради прощания со мной. Однако путешествие вымотало его. Мы оставались среди развалин до полуночи, но мистеру Леверру не делалось лучше. Он не смог бы вернуться домой; он прошел бы от силы несколько ярдов. Мама, я старалась, правда старалась побороть любовь к нему, но я люблю его, и я не смогла бросить его среди руин, ведь он неминуемо умер бы. Поэтому я помогла ему добраться до нашего дома; я почти несла его на плечах. Мы вошли через заднюю дверь. Он почувствовал себя немного лучше, но нельзя ведь было ему оставаться на виду, вот я и провела его наверх, в спальню, приготовленную для мистера Пирстона на случай, если он решил бы заночевать у нас. Я уложила мистера Леверра в постель и принесла ему бренди и твой тонизирующий эликсир. Ты видела, как я входила к тебе в комнату, или ты спала?

Всю ночь я сидела с мистером Левервром. Малопомалу ему стало легче, и тогда мы заговорили

о том, что нам теперь делать. Хоть я и намеревалась забыть о нем, меня не отпускало чувство, что я теперь не могу стать женой другого мужчины, а должна выйти за мистера Леверра. И мы решили пожениться немедленно, пока нам не помешали. Поэтому еще затемно мы покинули дом, чтобы сочетаться браком вдали от этих мест.

Передай мистеру Пирстону, что это не запланированное бегство, а следствие случайности. Я искренне раскаиваюсь, ведь он может подумать, что я обманывала его с самого начала. Это не так. Я бы вышла за него замуж из послушания, даже не любя его. Но возникла надобность приютить моего Возлюбленного; думаю, это неспроста. Господь уберег меня от поступка, который, как я теперь убеждена, был бы ошибкой.

Твоя любящая дочь

ЭВИС»

Вторая часть была написана мужским почерком:

«Дражайшая матушка (ибо вы скоро станете для меня матушкой)! Эвис подробно объяснила, как это вышло, что я теперь не могу уступить ее мистеру Пирстону. Я уверен, что умер бы, если бы

не воспользовался комнатой в вашем доме нынче ночью и если бы ваша дочь не ухаживала за мной, как нежная сиделка, в эти темные и мрачные часы. Мы любим друг друга с невыразимой силой, а поскольку мы существа из плоти и крови, нам нельзя откладывать свадьбу, даже если наши близкие против. Прошу вас переслать записку, которую я прилагаю к настоящему письму, моей матушке. Я лишь объяснил ей свой поступок.

С глубочайшим почтением,

Всегда ваш,

ГЕНРИ ЛЕВЕРР»

Джоселин повернулся к окну.

— Миссис Пирстон чудились ночью какие-то голоса, но она, ясное дело, решила, что это во сне. Еще она помнит, как мисс Эвис вошла к ней в комнату — был час ночи — и стала возиться у столика с лекарствами. Вот что значит тихоня! Ухажер все время в паре ярдов от матушкиной спальни, в гостевой комнате, да на свежайшем белье, которое для вас, сэр, постлано было! Это наши лучшие простыни, сэр, самые красивые; мы их розмарином перекладывали для аромату. Воистину, сэр, выходит, будто вы сами свое место, постель свою, другому уступили, молодому!

— Не вините влюбленных; не надо! — произ-

нес Джоселин ровным голосом. — Главное, не вините Эвис. Ведь я… Я точно так же поступил с ее бабушкой… Она сбежала! Не скрывайте этого. Сообщите всем на «острове»; скажите, что жених явился за своей невестой, но не нашел ее в доме. Скажите всем, что она сбежала. Все равно рано или поздно люди узнают.

Одна из служанок, выждав паузу, пролепетала:

— Нет, сэр, мы этого делать не станем.

— Как… Почему?

— Мы любили мисс Эвис, что бы там за нею ни водилось.

— Вон оно что, — протянул со вздохом Джоселин. Ему стало понятно: те служанки, что помоложе, тайно держали сторону Эвис.

— Как восприняла новость ее матушка? — спохватился Джоселин. — Она уже проснулась?

Миссис Пирстон толком и не спала; когда же, по суматохе в доме, она сделала вывод о случившемся, ее сознание помрачилось, а речь стала бессвязной, как в бреду. Однако за несколько минут до того, как явился Джоселин, миссис Пирстон вдруг затихла, словно исчерпав последние силы.

— Пустите меня к ней, — сказал Джоселин. — И пошлите за доктором.

По дороге к больной ему пришлось миновать

комнату Эвис, и он заметил, что узкая постель аккуратно заправлена — значит, в ней никто не спал. Дверь гостевой комнаты была распахнута, а в углу стояла трость — его собственная.

— Кто ее принес? — спросил он.

— Мы ее здесь нашли, сэр.

— Ну конечно; я сам ее отдал. Как это на меня похоже — играть в чужую игру!

Это был последний выплеск горечи, который позволил себе Джоселин. Он шел к спальне миссис Пирстон; перед ним почти бежала Рут Стоквул.

— Мистер Пирстон здесь, мэм, — услыхал он.

Больная не отреагировала, и Рут Стоквул бросилась к ее постели.

— Что это с ней, мистер Пирстон? Господи, что это значит?

Эвис Вторая лежала пластом — в той же позе, в какой ее оставили; но на губах ее не теплилось дыхание, а застывшие черты хранили ровно то же выражение, какое помнилось Пирстону с давних пор, когда юная Эвис наводила порядок в его мастерской. И он понял: это — смерть, даром что последний вдох явно был сделал Эвис всего несколько минут назад.

И тут выдержка подвела Рут Стоквул.

— Это все через потрясенье! Не снесла она дочкина побега, сэр! Мисс Эвис родную мать угробила!

— Не произносите столь страшных слов! — остерег Джоселин.

— Да ведь она мать ослушалась, и какую мать — предобрейшую! Бедняжка миссис Пирстон, как она об свадьбе-то об энтой сердечко надрывала! А мы-то!.. Не скрыли от ней, не сумели! До чего дети пошли неблагодарные! Ох и раскается эта девчонка за нынешнее — горько раскается!

— Нужно вызвать доктора, — машинально произнес Пирстон и поспешно вышел.

Доктор подтвердил то, что уже знали Пирстон и Рут Стоквул, и добавил: смерть наступила вследствие шока от дурных вестей, притом же сердце больной, и без того слабое, было измотано тревогами по поводу свадьбы. Производить вскрытие он счел излишним.

* * *

Две смутные фигурки, которые видела Рут в предрассветной мгле, кое-как добрались до пустоши у северных ворот «Замка Сильвания». Именно здесь основная дорога разветвлялась, именно отсюда начинала свой бег к руинам узкая тропа.

Ни слова не было сказано между путниками. Мужчина шел с трудом, женщина поддерживала его. На развилке они остановились и надолго замерли в поцелуе.

— Придется пешком проделать весь путь до Бедмута, иначе нас обнаружат, — печально сказал мужчина. — А мне и «остров» не пересечь — даже с твоей помощью, дорогая. Один только спуск тянется целых две мили.

Женщина, даром что была охвачена дрожью, попыталась утешить своего спутника.

— Если бы у тебя хватило сил, мы дошли бы до Стрит-ов-Вэллз, где живут мои знакомые. Но послушай: мы ведь можем прямо отсюда спуститься к морю. На берегу есть лодки — я сама вчера видела. Мы проплыли бы вдоль берега к северу, а уж там до вокзала совсем недалеко. Море тихое, течение для нас попутное — нам даже грести не придется, вода все сделает сама. Я раньше часто так плавала.

Других вариантов не было, и влюбленные, сойдя с основной дороги, начали спуск в теснину, которая, огибая крепостную стену, играла роль оборонительного рва.

В полной тишине звуки собственных шагов (пусть и легчайших) возвращались к путникам,

отражаемые плоскостями отвесных скал, и словно хлестали наотмашь. Еще немного — и путники выбрались из теснины в том месте, где утесы были пониже. Справа они увидели тропу, что вела вниз, к укромной бухте — единственному месту на этом отрезке берега, удобному для судов. Некогда это была оживленная пристань, вот почему здесь построили внушительные сооружения, в том числе собор Святого Павла.

Две робкие, едва видимые фигурки начали спуск; одна из них, судя по всему, знала местность достаточно хорошо — в отличие от своего спутника, она не цеплялась за естественную стену с правой стороны. Мало-помалу они добрались до воды (оба тяжело дышали) и прошли несколько ярдов по гальке, которая имелась только на этом участке скрытого от глаз пляжа. В целом впечатление было, что в течение суток сюда нечасто заглядывают люди. На берегу лежали лерреты — два-три рыбачьих и парочка других, меньших по размеру; тут же был грубо сработанный слип для спуска лерретов, а поодаль — лодочный сарай из просмоленных досок. Общими усилиями влюбленные столкнули в воду самый малый леррет и забрались в него.

Молчание нарушила девушка:

— А где вёсла?

Молодой человек тщетно шарил по дну.

— Я забыл проверить, на месте ли они! — наконец, выдохнул он.

— Не иначе, вёсла заперты в сарае. Нам только и остается, что использовать руль и довериться течению!

А течения в тех местах коварные. Одно из них действительно стремится к северу, тут девушка не ошиблась; но она не учла, что на определенном отрезке пути проявляет себя обратное течение, прозванное моряками Южанкой. Причина — в изломанности береговой линии к востоку и к западу от Мыска, который представляет собой место встречи двух подводных потоков. Устремляясь на юг, они омывают «остров» с обеих сторон и сливаются воедино у самой южной точки, но тут к ним присоединяется еще и приливное течение. Вот отчего воды на этом участке неспокойны даже в штиль, и вот откуда название «Котел».

И вот почему, даром что прибрежное течение стремилось к северу — то есть к судам на рейде и к «большой земле» — побережью графства Уэссекс, Южанка на полной мощности мчалась к Мыску, чтобы влиться в Котел. Утлая лодчонка с влюбленной парой оказалась на пути Южанки;

не в силах выбраться из потока, который был шириной со среднюю реку, влюбленные только и могли, что таращить глаза на серые скалы, оказавшиеся совсем рядом, да на хмурое чело «острова», который удалялся от них.

Затем они беспомощно уставились друг на друга; правда, настоящего страха не было в их взглядах, ведь юность верует в долгую жизнь. А между тем качка усиливалась: леррет побрасывало все выше и роняло все ниже. Случались и толчки волн в борта, и резкие обороты, так что плавучий маяк — единственный ориентир среди разгула стихии — оказывался то справа, то слева от пассажиров леррета. Но они видели: носом ли, кормой ли вперед, а их суденышко неумолимо уносит к югу.

Тут молодого человека осенило. Он выхватил носовой платок и поджег его. Девушка дала ему свой платок, который послужил той же сигнальной цели. Из топлива при них оставался только зонтик, прихваченный девушкой; молодой человек раскрыл его и держал за рукоять, пока он полыхал, пока не был сожран пламенем.

К тому времени рассвело, и плавучий маяк стал четко виден. Через несколько минут после сожжения платков и зонтика цветные огни с этого

судна возвестили влюбленным, что их сигнал заметили. Они упали друг другу в объятия.

— Я знала, что нам не суждено утонуть! — молвила Эвис; она была близка к истерике.

— И я тоже, тоже это знал, — подхватил молодой человек.

Итак, с первыми лучами солнца на выручку была отправлена шлюпка, и незадачливых беглецов подобрала громадина с белой надписью по красному борту.

3. VII
Старая обитель в новом аспекте

Сгустились ранние октябрьские сумерки, а Джоселин все сидел над телом миссис Пирстон. Эвис скрылась бог весть куда, и он, как ближайший друг семьи, взял на себя печальные хлопоты, связанные со смертью ее матери. Больше заняться этим было некому: из двух братьев миссис Пирстон один давным-давно утонул в море, другой эмигрировал; кроме Эвис, у нее был еще ребенок, но он умер в младенчестве. Друзей же она сама оттолкнула, когда стал сбываться ее план с замужеством Эвис и верх взяли тщеславные упования. Впрочем, Эвис Вторая начала чуждаться земляков еще с того самого дня, когда Джоселин в лондонской мастерской сделал ей предложение. Не будучи вправе принять эту честь, она смирилась с ролью жены владельца каменоломни (каковую роль, опять же, обеспечил ей благодетель), но впечатление от страстной мольбы прославленного скульптора было неизгладимо. Отныне Эвис Вторая ассоциировала свою особу с высоким искусством ваяния, а не с низменным

ремеслом — добычей камня; разумеется, простительная слабость для женщины. А вот чего она не могла уразуметь, так это неприязни своей дочери к Джоселину, ведь в ее глазах он был не старше, чем в тот незабываемый день.

Джоселин сидел в потемках, а призрачные формы былых пристанищ Возлюбленной слетались к бездыханному телу своей сестры. Печальная вереница виделась Джоселину на стене — вот так же Эней созерцал троянских женщин на стенах Карфагена[50]. Многие инкарнации Джоселин увековечил в погрудных скульптурных портретах или в полный рост, но сейчас ни одна не казалась ему идеалом, а помнилась только как слабое, несовершенное, зависимое от обстоятельств создание. Потом он очнулся; голоса стали затихать, образы разлетелись. Он снова был один.

Сделаться объектом насмешек он не страшился — напротив, он с готовностью устранил бы заблуждения, которые могли привести к насмешкам. Но как раз это было невозможно. Никто никогда не узнает правды о Джоселине Пирстоне,

---

[50] Примечания: 50

Имеется в виду эпизод из «Илиады», когда троянки с богато расшитой тканью отправились в храм Афины, чтобы умолить ее о защите города. Однако Афина не вняла мольбе и не приняла жертву. Эту сцену, в числе прочих, связанных с Троянской войной, Эней видит в храме строящегося Карфагена.

не уразумеет, за каким таким призраком он всю жизнь гонялся, что именно ускользало от него, терзало и мучило; чьей воле он был покорен, как ведомый в парном танце, и что наконец-то нашел в девушке, которая бросила его — ибо сейчас, когда рана была совсем свежа, Пирстон искренне верил: да, именно в Эвис Третьей его идеал и скрывался. Нет, не похоть двигала Пирстоном; никогда он не преклонял колен перед этим низменным позывом. Ни одна женщина не была им поругана, хотя страсть он испытывал ко многим. И никому не догадаться, что в основе его чувства лежало стремление окружить Эвис нежной заботой и что брак с нею он рассматривал как исполнение воли судьбы, пусть и отложенное на сорок лет, но тем более овеянное блаженным восторгом. А что увидит общество? Расчет старого эгоиста, который затягивает в свои сети юную деву.

Жизнь больше не казалась Пирстону бесконечными исканиями художника; искания переродились в погоню за призраками. Пирстон рад был бы прямо сейчас, раз уж рухнуло остальное, стряхнуть и этот морок. Ему хотелось уснуть и проснуться свободным от мук творчества или спровоцировать какое-нибудь событие, которое

положит конец его рабскому служению идеальной красоте.

Таким мыслям он предавался, пока не стало совсем темно и служанка не принесла лампу. За окнами дул сырой ветер, плавучий маяк на дальней отмели имел вид жалкий и заброшенный. Мучительное одиночество было нарушено звонком в дверь.

До Пирстона донесся женский голос. Интонации показались ему знакомыми. Эта надменная отстраненность была характерна лишь для одной особы и когда-то имела над ним власть. Между тем в холле шли расспросы, и через минуту Пирстону доложили, что явилась леди, которую он, вероятно, захочет видеть.

— Кто она? — осведомился Джоселин.

Служанка на миг замялась.

— Миссис Леверр, мать… молодого джентльмена, который… с которым сбежала мисс Эвис.

— Я сейчас спущусь.

Он прикрыл лицо мертвой Эвис и пошел вниз по ступеням. «Леверр», — повторил он про себя. Имя это не было ново. Пирстон слыхал его в Риме, от американских путешественников; он тогда рассудил, что речь о Марсии Бенком.

И прошлое озарилось для Пирстона. Просту-

пили многие полузабытые подробности. Что до настоящего, посетительницу он нашел в гостиной. Она не откинула вуали; экипаж, который ее привез, ждал у ворот. Однако при тусклом свете Пирстон не мог толком разглядеть ее.

— Мистер Пирстон?

— Да, это я.

— Вы представляете интересы покойной миссис Пирстон?

— Да, хоть я ей и не родственник.

— Знаю… Я — Марсия — через сорок лет.

— Я так и думал, что это ты. Надеюсь, с нашей последней встречи межи твои прошли по прекрасным местам[51]? Но скажи, почему ты выбрала именно это время, чтобы отыскать меня?

— Да потому, что твоя невеста сбежала нынче с моим приемным сыном, у которого, кроме меня, никого нет из родни.

— Об этом я догадывался, когда спускался к тебе. Но…

— Я навожу справки — это естественно в данной ситуации.

— Конечно. Давай возьмем себя в руки и для

---

[51] Примечания: 51

Пирстон перефразирует псалом царя Давида 15:6, настоящий текст выглядит так: «Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня».

начала закроем дверь.

Марсия уселась, и вскоре Пирстон узнал, что совокупность былых и нынешних обстоятельств не случайна. Если миссис Пирстон перетолковывала со своей сиделкой лишь собственные домыслы и обрывки слухов, то Джоселин смог узнать о Марсии все как есть, притом из первых рук. По смерти разорившегося отца она осталась без средств и обвенчалась со своим давним воздыхателем с острова Джерси, который незадолго до того овдовел и нуждался в доброй няне и нежной матери для малютки-сына. Через несколько лет умер и он сам, а Марсия воспитывала пасынка на тот куда как скромный капитал, что был в ее распоряжении. Сначала мальчик учился там же, на острове Джерси, в его столице Сент-Хелиере, затем — в Париже; Марсия ничего для него не жалела. Наконец, он стал учителем французского в Сэндбурнской школе. А потом они прибыли на «остров» с целью навести справки о Джоселине Пирстоне («отчасти потакая сантиментам», как выразилась Марсия, и докончила: «Я желала знать, что сталось с человеком, с которым я в горячке первой молодости сбежала и за которого не вышла из упрямства»). Тогда-то она и ее пасынок и познакомились с миссис Пирстон и Эвис

Третьей.

На слове «упрямство» Джоселин отвесил поклон.

— Вот так наши дети и сблизились, — подытожила Марсия, — так между ними вспыхнуло чувство.

Затем она пустилась рассказывать, как юная Эвис убеждала (и убедила) мать в том, что ей необходимы уроки французского, узаконив и облегчив встречи с молодым Левербром. Марсия никогда не мешала их любви. Она об этом и не помышляла, ведь за последние годы, полные горестей, в ней родился интерес к имени, которым она побрезговала в юности, когда кичилась туго набитым кошельком. Она стала возражать против встреч пасынка с Эвис, только узнав, что миссис Пирстон спит и видит дочь супругой Джоселина. Но тут уж поздно было душить чувство — слишком оно окрепло. В последнее время Генри болел, ночевать домой не пришел — Марсия места себе не находила от тревоги. Да, ей передали записку, но Генри сообщил только, что намерен немедленно жениться на Эвис. Куда отправились беглецы, Марсия понятия не имела.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Ничего; что тут поделаешь? Точно так же я поступил с бабушкой Эвис, вот Время со мной и поквиталось.

— Ты бросил ее ради меня.

— Да. А теперь ее внучка бросила меня ради твоего сына.

Марсия надолго задумалась. Наконец, она решительно встала.

— Разве мы не можем хотя бы узнать, куда они направились — ну и прочие подробности?

— Да, да, конечно. Идем.

И вот уже Пирстон, словно во сне, шагает рядом с Марсией, связанный с нею общей целью. И делает открытие: оказывается, практически каждый «островитянин» знал о влюбленных больше, чем было известно ему самому.

На углу, к примеру, местными обсуждался как раз нынешний случай. Прямых высказываний не было, но Пирстон и Марсия, оба владевшие «островным» диалектом, легко поняли смысл: едва рассвело, рыбаки недосчитались одного леррета в бухте, а когда поползли слухи о побеге, стало ясно, что леррет умыкнула влюбленная парочка.

Бессознательно Пирстон свернул на тропу, ведшую к той самой бухте; он даже не подумал, что Марсия последует за ним. Хотя сумерки были

гуще, чем во время спуска Эвис и Генри Леверра, Пирстон двигался уверенно, пока не оказался у воды.

— Это ты, Джоселин?

Вопрос задала Марсия. Она шла за Пирстоном и была уже на полпути к бухте.

— Я, — откликнулся Пирстон, вскользь отметив, что Марсия впервые назвала его по имени.

— Я тебя не вижу, а дальше идти боюсь.

Она боится идти дальше. Не так думал о ней Пирстон все эти годы. До этой секунды он видел Марсию прежних времен — по-королевски надменную, не ведающую поражений. Узнав о ее слабости, он вдруг пожалел ее, вернулся и в потемках нашарил ее руку.

— Я сведу тебя вниз, — сказал он, да так и сделал.

Они застыли на берегу. Море лежало перед ними, и светил плавучий маяк, словно напрочь позабыв о беглецах.

— У меня сердце не на месте, — призналась Марсия. — Как ты думаешь, им удалось добраться до берега?

— Удалось, — ответил кто-то третий.

Это был лодочник, куривший возле сарая. Он сообщил Марсии, что беглецов подобрал плаву-

чий маяк и по их просьбе доставил на «большую землю», а дальше они пошли пешком к вокзалу и сели в поезд, который следовал в Лондон. Эта информация достигла «острова» буквально час назад.

— Значит, завтра утром они поженятся! — воскликнула Марсия.

— Это к лучшему. Сожаления излишни, Марсия. Твой сын только выиграет. Я близких родственников не имею, а дальние — очень-очень дальние, среди которых и отец Эвис — сосредоточены здесь, на «острове». Так вот, я немедленно предприму шаги для того, чтобы Эвис стала достойной партией твоему сыну. А что касается меня… Я на этом свете малость зажился.

3. VIII
«Увы, увы тебе, седая тень, мужчиной бывшая![52]»

Почти весь следующий месяц (ноябрь) Пирстон провел в своей лондонской квартире. Его свалила опасная лихорадка.

Похороны Эвис Второй пришлись на один из тех промозглых октябрьских дней, когда дождевые струи, подхваченные ветром, мчатся почти параллельно земле, и только предмет достаточно массивный вынуждает их пасть ниц, совсем как если бы они были снарядами в пращах древних обитателей этой одинокой скалы, где разворачивалось наше повествование. Лишь один человек следовал за гробом; то был Джоселин Пирстон — ветреный любовник, но верный друг. Связаться с Эвис Третьей до погребения не представлялось возможным, но Пирстон поместил в газетах — местной и ряде других — некролог, надеясь, что Эвис прочтет о смерти своей матушки.

---

[52] Примечания: 52

Цитата из стихотворения А. Теннисона «Тифон». Богиня утренней зари, полюбив прекрасного юношу Тифона, испросила у богов для него бессмертие, но забыла испросить вечную молодость. Когда бедняга Тифон совсем одряхлел, Эос из жалости превратила его в сверчка.

И действительно: едва жалкая процессия вышла из церкви и двинулась к кладбищу, как на дороге, ведшей вниз с холма, возник бедмутский наемный экипаж. Ехал он с большой скоростью; остановился у церковных ворот, выпустил пассажиров — молодых мужчину и женщину — и остался ждать. Пара вошла в ворота, поспешила по кладбищенской дорожке и оказалась рядом с Пирстоном как раз, когда гроб опустили на землю возле могилы.

Пирстон не обернулся. Он знал: это Эвис и Генри Леверр, должно быть, уже ее законный супруг. Горе молодой женщины, настоянное на искреннем раскаянии, сделало атмосферу еще более тягостной. Пирстон догадался, что чета Леверр не ожидала увидеть его на кладбище, и отошел в сторону; не присоединился он к дочери покойной и после отпевания, и Эвис, похоже, оценила его такт.

Таким образом, Пирстон сам не дал ни Эвис, ни ее супругу шанса сказать ему слово или подать знак. После похорон чета Леверр уехала в наемном экипаже.

Считалось, что Пирстон заработал лихорадку именно в тот ненастный день, на мрачнейшем из кладбищ Уэссекса; сыграли свою роль и душевное

состояние, и возраст. Пирстон слег, едва вернувшись в Лондон, и несколько недель балансировал на грани между жизнью и смертью. Наконец, кризис миновал; больной начал вспоминать, каковы они, ясность рассудка и телесный покой. И вот в один из таких дней, лежа в постели, он уловил шепот и едва слышные звуки шагов по ковру. Ночник горел тускло, не давая разглядеть детали. Пирстон видел только, что к нему вошли двое: сиделка и кто-то с нею — определенно, дама.

Из забытья он был выведен тихим вопросом:

— Тебе свет глаза не режет?

Интонации показались знакомыми, а говорила та дама, посетительница. Напрягшись, Пирстон вспомнил: это Марсия; всплывшее имя потянуло за собой всю цепочку событий, которые предшествовали его болезни.

— Ты стала моей сиделкой, Марсия? — спросил он.

— Да. Я переехала в Лондон и намерена оставаться, пока ты не поправишься, ведь нет другой женщины, которой было бы небезразлично, жив ты или испустил дух. Я поселилась неподалеку. И я очень рада, что ты выкарабкался. Мы буквально извелись.

— Какая ты добрая!.. А про них… ничего не

слышно?

— Они теперь муж и жена. Они приходили навестить тебя и очень переживали. Она сидела с тобой, только ты тогда никого не узнавал, и ее тоже. Известие о смерти матери сломило ее; она не догадывалась, что миссис Пирстон настолько плоха. Они снова уехали. Я подумала, лучше ей быть подальше от тебя, раз опасность для жизни миновала. А теперь отдыхай, пока я снова не приду поговорить с тобой.

Эта краткая беседа открыла Пирстону, что он не прежний. Что-то переменилось в нем. Жестокая лихорадка, а может, недавние события (или то и другое вместе) похозяйничали в его душе. Что-то исчезло из нее, что-то новое возникло взамен изъятого.

В течение нескольких дней Пирстон напрягал разум и, наконец, понял, чего именно лишился. Его покинуло художественное чутье; если бы он сейчас взялся за ваяние, его скульптуры не дышали бы извечной, единой для всех времен чувственной красотой. Восприятие сузилось до одобрения либо неодобрения сугубо утилитарных вещей; вспоминая Эвис, Пирстон думал только об ее положительных чертах, а внешность совсем не волновала его.

В первый миг Пирстон испытал потрясение; потом выдохнул:

— Слава богу!

Марсия, с годами не утратившая властности, каждый день ближе к вечеру приходила в дом Пирстона, чтобы дать распоряжения прислуге и взглянуть на больного. Странная смерть чувственной стороны его натуры не укрылась от нее. Однажды она сказала, что Эвис удивительно похорошела и она, Марсия, понимает, почему пасынок так любит ее; ремарка была необдуманная, Марсия тотчас пожалела о ней как об опасной для Джоселина. Однако он лишь заметил:

— Конечно, она красивая. Но не это главное; она по-женски мудра и станет со временем хорошей женой и хозяйкой… Жаль, Марсия, что ты сама красива.

— Почему это?

— Да так. Странное чувство, новое для меня: я перестал придавать значение красоте.

— Зато я, как женщина, очень даже придаю ей значение.

— Неужели? А от меня теперь ускользает сама ее идея, сам смысл. Не пойму, что со мной случилось. Знаю только, что ничуть не огорчен. Робинзон Крузо, когда захворал, потерял един-

ственный день; я потерял свой дар, но благодарю Небеса за эту потерю!

Было что-то жалкое в его словах, и Марсия со вздохом молвила:

— Надеюсь, когда ты совсем окрепнешь, дар вернется.

Пирстон покачал головой. И вдруг подумал: а ведь Марсия еще не представала ему при дневном свете; мало того — на ней всегда шляпка и густая вуаль, которых она не снимает во время своих регулярных визитов. Пирстону она виделась прежней — молодой; вдобавок и голос ее почти не изменился, что только укрепляло Пирстона в его бессознательном восприятии. Воображение рисовало статную фигуру, свежий цвет лица, классический профиль (нос крупноватый, но правильный, зубы несколько выдаются вперед, но зато идеально ровные) и большие, выпуклые темные глаза. Да, эта по-королевски величественная юная женщина вскружила ему голову; ради нее Пирстон бросил Эвис Первую, не подозревая, что явятся на свет ее преемницы. Помня Марсию именно такой и ныне противясь красоте, Пирстон и обронил горькую фразу: жаль, мол, Марсия, что ты красива. И вот он задался вопросом: а много ли сохранилось после сорока

прожитых лет?

— Почему ты не даешь мне как следует разглядеть тебя, Марсия? — упрекнул Пирстон.

— Просто так получается. Ты имеешь в виду, почему я все время в шляпке? Но ведь ты не просил меня снять ее. А вуаль мне нужна, притом шерстяная, для защиты от холодных зимних ветров. Хотя женщине, которую стали подводить глаза — вот как меня — в столь густой вуали очень неловко.

Как? Неуязвимую Марсию подводят глаза, а лицо ее претерпевает болезненные возрастные перемены? Оба факта стали для Джоселина откровениями.

— Но я удовлетворю твое любопытство, — продолжала Марсия с добродушной усмешкой. — Это очень лестно, что ты до сих пор питаешь ко мне интерес такого сорта.

Из тени она шагнула к лампе (лампа была зажжена, ибо дневной свет уже угас) и резким жестом сняла и шляпку, и вуаль. Пирстону явилась женщина замечательной наружности — учитывая, конечно, ее возраст.

— Я… я изумлен! — воскликнул он, в нетерпении поворачивая голову. — Ты выглядишь на тридцать пять — и ни на день старше. Ты по-

прежнему воплощение красоты и уж никак не можешь считаться возмездием, Марсия!

— Еще как могу! Удивительно, что ты в свои годы так плохо знаешь женщин.

— О чем ты?

— О твоей наивности. Сам посуди: ты видишь меня при свете лампы, и вдобавок зрение у тебя не то, что прежде, и еще… Ах, у меня не осталось причин скрытничать, Господь свидетель! Я скажу тебе все. Мой муж был моложе меня, и его снедало нелепое желание внушить окружающим, будто он взял в жены этакий свежий бутон. Потакая его тщеславию, я старалась выглядеть юной. Мы часто бывали в Париже, где я освоила множество уловок и стала не менее искусна в маскировке возраста, чем любая вдовушка из округа Сен-Жермен. Когда муж умер, я не оставила своих привычек — отчасти потому, что сей порок практически неистребим, отчасти потому, что, при вечной нехватке средств, растить пасынка легче той, чье лицо светится фальшивой молодостью, нежели той, чье лицо увяло. Вот и сейчас на мне тонна косметики. Но я справлюсь с собой. Завтра я приду к тебе утром, если будет ясная погода; приду такая, какая есть, и ты увидишь, что Время не обмануло тебя. Помни: мы с тобой ровесники,

и я выгляжу на свои лета.

Пришло утро, а вместе с ним и Марсия: верная обещанию, она появилась у Пирстона в ранний час. Светило солнце; закрыв за собою дверь спальни, Марсия шагнула к окну, сняла шляпку и вуаль и встала так, чтобы Пирстон мог хорошенько ее рассмотреть.

— Взгляни: разве я не подтверждаю твою фразу о ненужности красоты? Изрядная часть меня осталась дома, на туалетном столике, и я больше не надену эту личину!

Но Марсия была всего только женщиной: в ходе этого сурового суда, на который она сама себя выставила, ее губы дрожали, в глазах поблескивали слезинки. Беспощадные лучи утреннего солнца явили Пирстону (совсем недавно прошедшему такое же испытание с юной Эвис) жалкие остатки пышного цветения — явили во всей полноте, без покровов и ретуши. Марсия казалась воплощением самого Возраста — старая женщина, бледная, иссохшая; лоб изборожден морщинами, щеки запали, волосы белы как снег. Поистине, Возраст отметил ее как свою собственность. «И это лицо, — с горечью подумалось Пирстону, — я когда-то целовал!» Сорок лет — по сути, большую половину жизни — Время держало Марсию в тис-

ках, воздействовало на нее своими кошмарными инструментами, бичевало, обжигало то жаром, то ледяным холодом — и вот что получилось на выходе.

— Прости, если шокировала тебя, — заговорила Марсия хриплым, но твердым голосом, ибо Пирстон молчал. — За такой промежуток времени любой покров будет неминуемо потрачен молью.

— Да, да! Марсия, какая ты храбрая! Ты отважна, как величайшие женщины в истории. Я уже не способен любить, но я от всей души восхищаюсь тобой!

— Не приравнивай меня к великим. Скажи лучше, что я становлюсь на путь честности. Этого более чем достаточно.

— В таком случае, я просто выскажу изумление перед той, которая тридцать лет переводила назад часы Времени!

— Мне стыдно за это, Джоселин. Больше я этим заниматься не стану!

* * *

Едва Пирстон достаточно окреп, Марсия отвезла его в кресле-каталке в мастерскую. Помещение регулярно проветривали, но ставни были

закрыты; Пирстон и Марсия открыли их вместе. С минуту Пирстон обводил взглядом знакомые объекты: некоторые в стадии зрелой завершенности, большая часть — саженцы и побеги Красоты, этакий посадочный материал в ожидании вдохновения мастера.

— Нет, они мне не нравятся! — наконец, сказал Пирстон. — Они — само безобразие! Я больше не чувствую ни капли родства с этими скульптурами и ни к одной не питаю интереса.

— Как это печально, Джоселин, — отозвалась Марсия.

— Вовсе нет! — Пирстон направился было к двери, но остановился. — Дай-ка я еще огляжусь.

Марсия молчала, и он заговорил:

— Посмотри на них! Все эти Афродиты, Фрейи, нимфы и фавны, эти Евы, эти Эвис, эти Возлюбленные, коим нет числа! Какое оскорбление я нанес богине своими жалкими поделками! Видеть их больше не желаю!.. Ибо сказано пророком: «И будет вместо благовония зловоние, вместо красоты клеймо»[53].

И они ушли. Назавтра они отправились в Национальную галерею, чтобы узнать, сохранил ли

---

[53] Примечания: 53
Книга пророка Исайи, стих 3:23.

Пирстон, по крайней мере, вкус к живописи. Однако полотна Перуджино, Тициана, Себастьяно Риччи и других великих мастеров, бросивших вызов времени, затронули в Пирстоновой душе не больше струн, чем пачкотня, выставленная прямо на тротуаре — по пути в Галерею такой вот уличный художник встретился им с Марсией.

— Очень странно! — воскликнула Марсия в ответ на признание Пирстона.

— Я не жалею об этом. Лихорадка спалила мой дар, который, хоть и принес мне чуточку радости, стал зато причиной ужасных мук. Уйдем отсюда.

Пирстон уверенно шел на поправку; чтобы закрепить результат, ему следовало отправиться в родные края. Марсия согласилась ехать с ним.

— А почему бы и нет? — сказала она. — Что предосудительного, если старая женщина, у которой нет друзей — вот вроде меня, — будет сопровождать мужчину, который тоже стар и одинок?

— Да, хвала Небесам, я наконец-то состарился. Проклятие больше не тяготеет надо мной.

Далее упомянем, что после отъезда из Лондона на «остров» Пирстон никогда уже не возвращался в свою мастерскую и не видел ее содержимого. Краткого посещения ему хватило, чтобы

убедиться: красота, будь она воспроизведена искусственно или обнаружена в самой природе, больше не трогает его чувств. Он велел своему агенту распродать скульптуры, все до единой — что и было сделано. Он также продал право аренды на квартиру, и скоро другой скульптор снискал восхищение тех, которые не знали Иосифа[54]. Через год его имя уже значилось в списке «академиков», ушедших на покой.

* * *

Время шло; состояние Пирстона было таково, каково оно может быть у человека его лет, перенесшего тяжелую болезнь. Он жил на «острове», в небольшом доме, который один только и сохранил у себя как недвижимое имущество; дом этот находился в деревне Стрит-ов-Вэллз, в верхней ее точке. Дружеская привязанность к Марсии, прерывать которую было бы глупо, подвигла Пирстона купить для нее соседний дом, куда из Сэндбурна перевезли ее мебель. Каждый день, если только не было дождя, Пирстон заходил

[54] Примечания: 54

Аллюзия на стих из Книги Исхода, стих 1:8: «И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа». Имеется в виду Иосиф Прекрасный, сын библейского праотца Иакова от Рахили, известный своими заслугами перед Египтом.

за Марсией, и они вместе брели к Мыску или к развалинам; правда, из-за ишиаса, которым страдал Пирстон, и ревматизма Марсии весь путь целиком они проделывали только в сухую и теплую погоду, то есть нечасто. Пирстон стал иначе одеваться; он теперь носил сюртуки того фасона, который был в моде тридцать лет назад, ибо только эту модель и освоила портниха из Ист-Куорриз; переставши бриться, он обзавелся бородой стального цвета; он не подвергал стрижке ту растительность на своей голове, которую пощадила болезнь, не оставив Пирстона вовсе лысым. Вот почему в свои шестьдесят два года он выглядел на все семьдесят пять.

История его бегства с Марсией распространилась среди «островитян» с загадочной скоростью и полнотой деталей, даром что дело было давнее. И однажды во время прогулки среди скал эти сплетни, подпитанные теперешней дружбой, дали бывшим любовникам тему для беседы.

— Удивительно, как наших соседей интересуют наши отношения, — начал Пирстон. — Только и слышно: «этим старикам надо венчаться; лучше поздно, чем никогда». Уж таковы люди: хлебом их не корми, а дай устроить чужую судьбу в соответствии со своими понятиями о пристойности.

— Верно. Мне тоже указывают на это, только не прямо, а намеками.

— Неужели? Тогда, значит, в одно прекрасное утро к нам явится делегация и потребует обвенчаться как можно скорее, ибо таков обычай… А ведь как близко мы были к свадьбе сорок лет назад; мы бы поженились, если бы не твой независимый нрав! Я думал, ты вернешься, и очень удивлялся, что ты никак не возвращаешься.

— Моя независимость не заслуживает порицания. Ведь я «островитянка». Вот будь я из других мест — тогда другое дело. А с «островной» точки зрения, у меня не было причин возвращаться, постольку-поскольку наш недолгий союз не грозил принести плод. Отец мне это растолковал, и я послушалась.

— Выходит, сам «остров» распорядился нашими судьбами, хотя мы тогда находились в Лондоне. Поистине жизнь человека вовсе не в его руках… А мужу ты об этом не рассказывала?

— Нет.

— Может быть, до него доходили слухи?

— Нет, насколько мне известно.

Однажды заглянув к Марсии, Пирстон нашел ее в большом затруднении. Оказалось, что при определенном направлении ветра печные трубы

невыносимо дымят, и вот в тот день как раз дул такой ветер. Несмотря на все усилия, огонь в камине гостиной никак не хотел разгораться, Пирстон же не мог допустить, чтобы женщина, страдающая ревматизмом, сидела в нетопленом доме, и позвал Марсию к себе на ланч: он и раньше так делал. А по дороге он подумал, причем уже не впервые, что нет никакой нужды им занимать два дома, когда, при той привязанности, что крепнет между ними, гораздо удобнее было бы делить жилище на двоих; вдобавок Марсия освободилась бы от неудобств, доставляемых неидеальными трубами. Более того: женившись на Марсии, Пирстон давал бы деньги молодой чете по праву приемного отца, то есть запросто, а не ломал бы каждый раз голову, как бы сделать это поделикатнее.

Вот так исполнилось ревностное желание соседей подвести черту под давней любовной историей, причем Пирстон и Марсия, даром что были главными участниками, своей воли тут почти и не имели. Когда Пирстон задал прямой вопрос, Марсия призналась, что всегда сожалела о решении, продиктованном ей гордыней, и приняла предложение не жеманясь.

— Для тебя не секрет, что любви я дать не

смогу, — напомнил Пирстон. — Но дружеская привязанность, на которую я еще способен, будет принадлежать тебе до конца моих дней.

— Со мной то же самое; ну, почти. Впрочем, как и наши соседи, я почему-то всегда чувствовала, что умереть мне следует в статусе твоей жены; тебе это должно быть понятно.

Венчание откладывать не стали, но за пару дней до церемонии Марсию постиг тяжелый приступ ревматизма. Обострение не грозило затянуться; оно и возникло-то лишь потому, что Марсию продуло, когда она распоряжалась переноской вещей в дом будущего супруга. Однако было решено, что болезнь — не повод отложить свадьбу, и невеста, тепло укутанная, отправилась к алтарю в кресле-каталке.

* * *

Примерно через месяц, за завтраком, Марсия, читая письмо, вдруг воскликнула «Святые Небеса!». Письмо было от Эвис, которая теперь вместе с мужем жила в Сэндбурне, в доме, купленном для молодой четы Пирстоном.

Джоселин поднял взгляд.

— Эвис хочет раздельного проживания; надо же, что выдумала! Нет, это неслыханно! Она на-

грянет к нам уже сегодня.

— Раздельное проживание? Да она не в своем уме! — прокомментировал Пирстон, пробежав глазами письмо. — Что за бред! — продолжал он. — Она сама не понимает, чего требует. Никаких уходов от мужа, и точка. Вот мое слово; так ей и передай. Сколько они женаты? Еще и года не минуло. А через двадцать лет что она запоет?!

Марсия, однако, пустилась в рассуждения:

— Мне кажется, на Эвис по временам накатывают угрызения совести за поступок, который повлек смерть ее матери; это тяжелое чувство и повинно в подобных вспышках. Бедная девочка!

Эвис появилась как раз перед ланчем — заплаканная и взвинченная. Марсия увела ее к себе. После долгого отсутствия женщины вышли вместе.

— Все улажено, — сказала Марсия. — Я велела ей возвращаться к Генри. Она уедет сразу после ланча.

— Да, теперь все хорошо, — всхлипнула Эвис. — Но, если бы вы пробыли замужем столько, сколько я пробыла, вы бы этак запросто не говорили: «Возвращайся»!

— Да в чем вообще дело? — спросил Пирстон.

— Генри сказал, что, если он умрет, я буду… буду

искать себе сероглазого блондина — чтобы ему досадить, он-то ведь брюнет и почему-то уверен, что мне брюнеты не по вкусу! А еще он сказал… нет, я умолкаю, ведь это низко — сплетничать о нем. Я бы только хотела…

— Эвис, твоя матушка сделала ровно то же самое. Но она вернулась к мужу. Поэтому и ты должна вернуться. Давай-ка заглянем в расписание: вот, ближайший поезд…

— Пусть она сначала перекусит. Садись за стол, милая.

Вопрос был исчерпан, когда появился Генри. Бледный и встревоженный, он поспел к концу ланча. Пирстон отговорился тем, что у него деловая встреча, ушел и предоставил молодым самим разбираться со своими трудностями.

Дела его состояли, помимо изъятия из сердца Возлюбленной и прочих идеалов, в разработке новой схемы водоснабжения. Пирстон надумал устроить в Стрит-ов-Вэллз водопровод, а родники, как вероятные источники заразы, замуровать. Всем известно, что проект был осуществлен полностью на его средства. Также Пирстон выкупил несколько замшелых елизаветинских коттеджей (тех, где в окнах средники, а в углах сырость), с целью снести их, что и сделал позднее,

и построил на их месте новые дома с отличной вентиляцией.

Сейчас отдельные критики и журналисты (из молодых и недалеких) пишут о нашем герое «покойный мистер Пирстон, чьи произведения при жизни были недооценены, даром что изваяны скульптором, не лишенным таланта».